

Пусть васильки вплетаются только в косы любимым!

Пусть расцветает и вечно живёт Беларусь!

Хлеб

и

Васильки

Алесь Цвік

15.11.2009 – 15.02.2019

** василёк – распространённый луговой цветок, в белорусском фольклоре упоминается, как один из национальных символов /Centaurea cyanus - лат./*

Предисловие

Прогуливаясь по просторам Интернета трудно не заметить, что на некоторых сайтах, по телевидению также /в разных шоу/, часто в полемику вступают две противоборствующих стороны, каждая по-своему понимающая роль Сталина в нашей истории и „весёленькие времена“ 30-ых годов. Одни пытаются своими слабыми информационными силами и вопиющей от одиночества совестью приоткрыть занавес или точнее погребальное покрывало над этим сатрапом и его преступными деяниями, другие взахлёб поют ему гимны, тысячи раз повторяя измочаленные от частого употребления штампы – „уничтожил всех внутренних врагов и агентов мирового империализма и буржуазии“, „привёл страну от сохи к атомной бомбе“, „победил в Великой Отечественной войне“, „создал из отсталой царской России могучую, великую и самую прекрасную в мире державу“, „сделал жизнь советских людей „легче и веселей“... Но как он этого достиг, действительно ли он руководил конкретными стратегическими военными операциями, предлагал действенные решения по планированию и восстановлению промышленности, какую персональную лепту внёс этот „гений“ всех народов во все сферы деятельности советского человека, начиная от языкознания до космоса? С помощью каких инструментов власти, кроме своих не доверяющих никому мозгов и репрессивного аппарата, этот кремлёвский садист смог выбить абсолютно всё из людей, кроме согбенного, рабского послушания и передающегося из поколения в поколение животного страха перед властью имущими и тайными службами, затрагивающего даже наши дни?

Полагаю, что ещё во времена первоначальной революционной деятельности по добычанию для грядущей революции денежных средств в составе бандитской группы, возглавляемой Тер-Петросяном, ставшим знаменитым под псевдонимом «Камо», Джугашвили, как никто из его коллег проникся азартной игрой на выживание в атмосфере уголовной беспредельщины. Тот вялый и застоявшийся воздух в каморках духовной семинарии был ему противен. Он его душил, он заглушал ростки растущих амбиций и главное - Иосиф Джугашвили узнал на деле, что такое настоящая власть над людьми, если она настоена на крови и убийствах! Он с наслаждением пил этот терпкий и пьянящий напиток - смесь крови, предательства, подполья, наущничества, погонь и стрельбы! Он рос сам и рос в глазах других. Главное - в нём росло то, что определило всю его дальнейшую жизнь - садистское наслаждение от своей безграничной власти над беспомощными людьми, начиная от бывших друзей и коллег, до слабо определяемых огромных народных масс. Он, как никто, понял силу самого тайного оружия всех времён – агентуры, секретных источников, информантов и стукачей! Получив и свой персональный опыт в этой сфере, он ещё и ещё раз укрепился в том, что, обладая и руководя тайными информаторами, обучая их по своим „учебникам“, направляя их на всех и вся, можно со временем, устранив конкурентов, стать в центре огромной страны, жёстко зажав в кулаке специальных служб не только собственную политическую линию, но и кадры, войска, науку и, конечно, собственную безопасность! В лесной тиши в предместье Москвы ночами он часто расслаблялся и с удовольствием играл в одну и ту же игру - определял судьбы людей, уточняя списки кандидатов на тот свет с очередным начальником то ли ОГПУ, то ли НКВД, НКГБ, МГБ. Конечно, сам Вождь не руководил тайным аппаратом, не заставлял агентуру делать то, что называется просто - лгать, предавать, компрометировать, создавать подлоги, очернять... Это с удовольствием и сладострастием делали и Ежов, и Ягода, и Меркулов, и Берия, их замы, все начальники на периферии и главные активисты по перевыполнению кровавых планов – оперуполномоченные на местах, не догадываясь, что их спустя время также отправят на скотобойню, как вредный и отработанный материал. „Отец народов“ по родственному не давал никому расслабиться и время от времени сам занимался чисткой палаческих рядов. Как работал в те годы этот чёртов механизм, из кого он состоял, как в эти жернова попадали безвинные

люди - и есть попытка хоть фрагментарно, хоть и не всеохватно ответить на эти вопросы в книжке. К этому можно добавить размышления и догадки, почему до сих пор, хотя прошло много времени от периода репрессий 20 - 30-ых годов 20-го века, унесших жизни миллионов невинных людей, обвинённых по сфабрикованным делам во всех смертных грехах, не открыты архивы спецслужб? Официальное объяснение смешно и опять лживо! Мол, не нужно ссорить и настраивать друг на друга поколения, плюс - ещё живы участники этой тихой кровавой внутренней бойни - дети жертв сталинизма с одной стороны и дети палачей-сотрудников НКВД-НКГБ-МГБ и их агентуры?! Не нужно раскрывать секретные и сверхсекретные методы оперативной работы карательных органов и их сфабрикованные, надуманные комбинации?! Не нужно ворошить это прошлое во имя того, чтобы всем жилось теперь тихо и спокойно! Не нужно опять потрясений! Забудем... и всем будет хорошо! А как же истина? Где правда о том периоде? Когда же мы, покайсявшись вселюдно, поставим точку над самым тёмным и трагичным в нашей советской истории? Когда же мы раскроем слипшиеся от крови невинно убиенных странички тощих липовых дел? Когда же перестанем врать всем и вся о прошедшем? А насчёт пресловутой секретности этих „сверхсекретных“ методов агентурной работы?! Во все эпохи, начиная с библейских времён, известно, особенно вдумчивому и внимательному читателю, что без тайных источников-информантов не обходилось ни одно даже мало-значущее событие, особенно если оно касалось власти, её влияния, стабильности, упразднения соперников и других претендентов на престол, больших денег и войн. Лозунг всех времён - «тот, кто владеет информацией, тот управляет миром», в значительной степени влияет и на нашу жизнь и делать из этого наглухо закрытую тайну, тянущуюся из кровавых времён, глупо и недальновидно! Дело не в запоздалом мщении тем, кто под дулом револьвера или по причине особой любви к властям „стучал“ на ближнего, часто и на свою родню, чтобы уцелеть, чтобы там, наверху заметили и оставили в живых, дали возможность продвинуться, сделать карьеру, имя. Дело в том, как мне кажется, что у апологетов сталинского прошлого есть подспудная боязнь показать истинное лицо советской власти, начиная с 1917 года, когда раскрыв правду, окажется враньём почти всё, о чём громко объявляли чередующиеся вожди партии - и о сонме внешних, особенно внутренних врагов во всех сферах и географических местах огромной страны, липовых заговорах всех маршалов и всего генералитета, вредителей и антисоветчиков в рядах учёных, деятелях искусства и литературы, сплошных террористах и покусителей на «Самого» и бесконечных списках шпионов всех мастей, направлений и враждебных стран, вредителей на фоне отечественного производственного примитивизма, кулаков и саботажников, уклонистов и отравителей. И как итог напрашивается вопрос - кто же был руководителем нашей любимой советской власти и какими методами она достигла такого „процветания“ страны? Кровавые эксперименты недоучек и фанатиков оказались блефом, преобладавшие садистские и властолюбивые наклонности не поспособствовали улучшению жизни людей, а перманентные успехи то в области вооружений, космоса, науки так и не привели к коммунизму!

В Дании наблюдал как-то интересную картину - к правительственному зданию ехал на велосипеде, как выяснилось позже, сам премьер-министр, перед ним тоже на велике вертел колёсами охранник, а второй следовал сзади метрах в двадцати... Люди, жители столицы, хорошо знавшие, что в это время каждый день их глава датчан на работу, стояли на тротуарах и глазели на своего избранника. Некоторые негромко аплодировали. Там, да и не только там, не принято, считается аморальным выставлять на показ свои крутые полномочия, уровень, богатство, кичиться тем, что ты ешь, на чём, с кем и где ты спишь... Уровень жизни сравнивать не буду. Заклюют наши, завопят о необозримых пространствах, прошедших войнах, сибирских морозах, особом менталитете, забыв напрочь о другом...

А теперь к тому, о чём думал многие годы...

Искренние, сердечные слова благодарности адресую всем людям, кто с интересом и теплотой дотронулся своим талантом до рукописи и высказал своё мнение о написанном. Главное услышано мной и отражено в тексте. Видение и отношение к событиям, изложенным здесь, не совпадают всё же с взглядами некоторых особей, генетически ориентированных на частичное или полное оправдание зверств сталинского периода, поэтому суть написанного – это моё обращение к здоровому большинству, проявление персонального отношения к тому времени, рассказ о своеобразной «кухне» спецслужб тех лет, основанные на архивных документах, беседах с очевидцами и прямыми участниками*** репрессий и беззакония, также с уцелевшими свидетелями чекистских бесчинств, плюс свойства ироничного авторского почерка.

* В начале 70-ых, увы, уже прошлого века, судьба уготовила мне знакомство с необычным человеком с серебряными нитями в тёмной шевелюре, военной выправкой и безапелляционной жизненной философией, не допускавшей ни тени сомнения в правильности жёсткой, жестокой деятельности «органов» периода довоенных сталинских лет пёстрой истории нашей необъятной Родины. На бескрайних её просторах в то яркое и насыщенное интенсивным „трудом“ время легко дышалось, видимо, только его коллегам и ему, красавцу в синих галифе, гимнастёрке с васильковыми петлицами и кобурой на ремне – начальнику комендатуры тихого и страшного здания в центре большого города. Странно, что после трёх, четырёх стаканов крепкого напитка самодельного изготовления в уединённом домике моих добрых друзей в Налибокской пуще он, железный человек в прошлом, иногда замолкал посередине своих рассказов, просил присутствовавших понять его... и даже плакал... Эти сцены стоят в моих глазах до сих пор, а его прерывающийся голос оживает всегда, когда я задумываюсь о прошлом.

* В 80-ых годах я ездил по делам в Могилёв. В привокзальном скверике сел на лавочку. Взглядом наткнулся на невысокого роста пожилого гражданина, тоже одетого в галифе, заправленные в начищенные сапоги и в цивильный пиджак. Он шёл быстрыми, мелкими шажками по дорожке и, что показалось особенно знакомым, периодически сплёвывал через правое плечо. Как тик, как ввевшаяся десятилетиями привычка. По этому признаку и по кривым ногам я сразу узнал его, подошёл и поздоровался. Это был «особист»* из нашего полка, где я рядовым когда-то проходил действительную срочную службу. Он тоже узнал меня – нас четверых, единственных имевших высшее образование среди рядовых, трудно было не запомнить. Разговорились и, как принято у нас, через минут двадцать уже сидели в небольшом ресторанчике. У него, как я понял, что-то не сложилось в жизни и он, крепко выпив „на халяву“ /привык за службу, так как ему все стремились угодить.../, многое поведал мне. На следующий день мы встретились опять и он, чуть помятый, попросил ещё раз сводить его в то же место, мол, там хороший воздух – деревья за окном. Я повстречался с ним в том же питейном заведении ещё раз и то, что я услышал за три встречи запомнилось навсегда...

* особист – сотрудник Особого отдела МГБ, затем КГБ, оперативно обслуживавшего армейские части. Своего рода „пугало“ для офицеров и солдат, ходившее всегда в одиночку по всем углам и настораживавшее всех своей странной осведомлённостью...

Трудно сказать, откуда возникли в сознании эти видения, эти картины, то ли памятные, то ли святые, но так глубоко запавшие в сердце, что и в прошлом и особенно сейчас на склоне лет они помогают увидеть былое со стороны, осмотреться, найти правильные, как кажется, пути-дорожки в будущее, к сердцам близких мне людей, а также к памяти тех, кого уже не вернёшь.

Одно видение – дорога, петляющая к горизонту. За ним две горы – Малый и Большой Арарат – «Сис и ма Сис». Горы в дымке, ближе ко мне старинная армянская церковь... Камни, песок, полосы виноградных полей, багровый отблеск на вечных снегах. Я это видел воочию, я сам был в Араратской долине, но подойти к подножию священных вершин не мог – обе печально смотрели на меня из чужой Турции.

Вторая картина, преследовавшая меня с детства – деревянный скрипящий тротуар маленького городка, ведущий ранним утром в школу. Прогнутые крыши еврейских домов, вкусные дымки из труб, длинные очереди за хлебом, начинающийся робкий рассвет. То было начало 50-ых!

Почему их только две? Сакральных, светлых для меня картины! Что они хотят сказать, что говорят? От них, от подобных, наверно, у нас жизненная сила, скрепляющая всё и вся, наша острая и благодарная память прошлому, связь времён и поколений.

Напишу же о другом, о тёмном. Не о святом, чистом, а о том, почему и как нас бросили в грязь, втоптали в унижение, на долгие годы исковеркали душу и нутро. Изорудовали так, что и сейчас многим снится ночами мудрый вождь народов, держащий своей короткой рукой в рыжих крапинах мёртвой хваткой всех за горло. Он душит нас до сих пор, он не даёт вздохнуть полной грудью, почувствовать себя человеком. Это он распоряжается через адовы силы службистов от власти и их подбострастных слуг нашими душами, жизнью и свободой. Ещё живы те, которым такие воспоминания остро приятны. Они вызывают нестерпимую дрожь, пот на лбах и скрючивают в кулак дрожащие от классовой ярости мозолистые ладони с короткими пальцами.

Почему так? Кто в этом повинен? Откуда истоки? Неужели у нас это вечно?

Попытаюсь своими силами чуть приоткрыть чёрный занавес над человеческой трагедией космического масштаба, над сценой, где усатый садист управлял всеми, а паяцы и калифы на час подпрыгивали в ритуальном танце смерти, дёргая за висельные верёвочки друг друга и подхлёстывали широкие народные массы к всеобщей весёлости. Все натужно улыбались, громко рукоплескали, заглушая хвалебным ором резкие хлопки расстрельных револьверов и подбирали, подбирали объедки с вельможного стола, надеясь втайне на лучший и постоянный кусок заработанного предательством хлеба...

Тема повествования родилась спонтанно – передо мной в свете настольной лампы лежало несколько фотографий. Я взял их и, стараясь не трогать пальцами изображённые на них лики, чем, казалось, мог причинить им лишнюю боль, начал медленно перебирать. Делал это несколько раз, возвращаясь и возвращаясь к первому снимку. С каждым взглядом в душе рождались новые вопросы. Кто они, как звали их? Почему это случилось именно с ними? Пожелтевшая обратная сторона молчала. Только на двух или трёх спешным почерком малограмотного человека были процарапаны фамилии. По одежде, причёскам это были, в основном, крестьяне. Обычные пахари земных нив. Трудолюбивые, не бросавшие слов на ветер, сторонившиеся громогласных глашатаев любых революций и мгновенных перемен.

Как их безымянных привязать к тексту, к фабуле? Взять только этих трёх с фамилиями? А как я взгляну в глаза другим, кто с мольбой смотрит на меня сквозь толщу лет и холодный туман жестокого прошлого? Скрыть их печальные лица от думающих и сострадающих людей, забыть их среди бумаг? Последовать совету писать только конкретно, замешивая повесть на крепкой документалистике? Не дать этим людям, пусть и опосредованным способом, через слабые силы мои обратиться к Вам, поведать то страшное, что никогда не должно повториться?!

Есть и другая возможность. Не забыть их, не выбросить за отсутствием имён, а окружить вниманием, любовью, поместив в художественный контекст и литературными средствами попытаться хоть на миг оживить, раскрыть слипшиеся от их крови страницы нашей доблестной истории.

Остальное было делом техники. И здесь опять, как и бывало в моей жизни, тревожащий символ, совпадение, видимо, сигнал свыше!

Придумав название районного городка – Липень и, написав уже с десятков страниц, захотел поселить эти святые для меня души в конкретные сёла и деревни. Взял карту района, где вырос и возмужал. То и дело натыкался на красивые названия и вдруг, что вы думаете, палец упёрся в деревню Липень?! Такого не может быть! Имя центру выдумал я, выдумал сейчас, взял из воздуха! Но высшее Провидение дало мне истинное начало, связав мою фантазию с корнями и нашей землёй.

Посвящается родителям моей жены – Железняк /Землянской/ Нэлли Петровне, отец которой Пётр Иванович Землянский был расстрелян НКВД в 1933 году, многочисленным родственникам моего отца, сгинувшим в чекистских застенках, и Николаю Ивановичу Прашковичу, чья жизнь была растоптана карательными органами в 70-80 годах 20-го века.

*«И восстанут кто с чем. Из морских глубин, с чугунными ядрами на ногах, из оврагов предстанут, с заколоченными землёй ртами, с вывернутыми руками..., из подвалов, даже с пробитыми черепами предстанут на суд и подадут обвинение!»**

**Иван Шмелёв
«ГУЛАГ – с фотокамерой по лагерям».*

Я перебираю руками эти фотографии*. С них на меня смотрят человеческие глаза. Взгляд этот страшен! Сравните с ними свои домашние фото, всмотритесь. Если вы видите разницу, значит, Вы живой! Если Вы сможете что-нибудь прочесть, значит Вы человек! Если Вы слышите их предсмертную молитву к Богу и к Вам, значит, Вы помните и любите их!

* на всех фотографиях изображены подлинные люди, уничтоженные в 20, 30, 40-ых годах прошлого века сотрудниками ВЧК, ОГПУ, НКВД СССР.

*курсивом выделены авторские отступления и цитаты.

Пепел Миколы бьётся в твоё сердце, Беларусь!

Трагедия этого красивого человека и смерть его лежат на совести наших доблестных спецслужб. За неимением истинных врагов советской власти он сгодился для них как субъект, оправдавший длящийся уже годами застой в тайной работе. История его жизни – один из примеров более „цивилизованных“, утончённо-изощёренных методов уничтожения патриотов земли

белорусской и лучших представителей нашей национальной интеллигенции в 50-70-ых годах прошлого века.

Тяжкими грузом преследований, унижений, сфабрикованных доносов тянулся за этим светлым и наивным человеком чекистский „след“. Длилось это годами. Миколу* сломали. Изгнанный из аспирантуры, талантливый и преждевременный поборник „беларуской sprawy“ под бдительным и постоянным оком доблестных спецслужб был добит ими до конца. Он, потеряв всех и вся, способность двигаться и ходить, сгорел заживо в родной хате на окраине маленькой деревни Городище Березинского района.

Кое-кто из сотрудников, кстати, белорусов, разрабатывавших дело по Прашковичу Н.И., также преждевременно закончил свой земной путь, утопив его в спиртном и разглагольствованиях о славной службе.

Думаю, что они и те, кто с вожделием „стучал“, встретят Там бывшего фигуранта и услышат главный вопрос: „Люди ли вы?“ Кстати, может ли человек с таким лицом быть врагом своего народа? Неужели на нём уже в 1960 году была печать судьбы, а может быть служебная?

Теперь приходит мысль, что, видимо больше Москве, чем столице Беларуси были нужны примеры запугивания национальных кадров, уничтожения любых самостоятельных мнений, правдивого прочтения нашей истории и, как результат – беспрекословного подчинения Центру. Вот и теперь Кремль корчится, когда хоть кто-то из бывших союзных республик пытается формировать самостоятельную политику и самостоятельно решать свои вопросы. Инерция имперского мышления и сегодня не даёт нашим могущественным соседям понять, что любое существо, не говоря уже о людях, имеет право жить так, как он может и хочет!

*Мікола /бел./ - Николай

*/бел./ - белорусского дела

Глава 1. Дух над землёй

Босые ноги не оставляли никаких следов. Мокрая брусчатка холодила ступни, напоминая о земле, но всё же возвращала к тому, что было вокруг.

Слева пёстрый, как вязаная зимняя шапочка, Василий Блаженный. Напротив – тёмно-красный музей революции, прямо – огромная нескончаемая стена с башнями и зубцами, веками отделявшая правителей от своего же народа. Каменный холодный мавзолей посередине и цепочка саянских елей, прикрывавших уже некоторое десятилетие тех, кто погребён в центре огромной страны, в её сердце – городе-герое Москве. Здесь вместе лежали друзья по партии и непримиримые враги в жизни, палачи и их жертвы, дети и сожжённые ими родители революции. Бросалось в глаза, что люди эти захоронены, кто между кирпичей, кто в асфальте, почти на их же рабочих местах, неподалёку от дубовых кабинетов и суконных столов. Без отрыва, так сказать, представились. Только не внутри, а снаружи, за стенами этого городка-Кремля, самого весёлого городка во всём мире. Преданы не земле, а замурованы, вбиты, вмазаны в стройматериал.

Голой спиной он опёрся о фонарный столб. Было раннее утро. Уже который день мелкий осенний дождик просыпался с людьми и опять начинал покрывать всё тонкой, блестящей плёнкой. Смотришь – ни больших луж, ни потоков, но вокруг мокро, скользко, холодно. На площади задвигались первые фигуры. Кто куда. Одни, с виду одинаковые, в чёрных плащах, чёрных брюках и чёрных туфлях, размеренно, как маятники, не ускоряя и не убыстряя шагов, направлялись в Кремль. У кого самые каменные физиономии, тот к Боровицким воротам, а кто ещё сохранил на челе размытую человеческую печать – со стороны Александровского*. У каждого из них было своё время. Для таких страницы жизни переворачивались курантами. По другим направлениям, словно крохотные паучки, по раз и навсегда протянутым паутинкам тоже спешили. Клерки, уборщицы, продавцы, сотрудники малых фирм, музеев, пенсионеры с охраны и на охрану. Мелкие представители этого огромного никудышнего отряда ёжились, пряча шеи и головы в воротники, а правую руку в карман. Левая обязательно что-нибудь несла. Чем ближе к краям площади, тем чаще на свои часики. Глобальное Время страны их не интересовало, приватные* минуты были намного дороже. В них надо было втиснуть родителей, детство и юность, вечера танцев, первую любовь с первой зарплатой, скромную свадьбу в студенческом общежитии, долгожданный диплом и, может быть, велосипед!

* Александровский сад – расположен с Северо-Западной стороны Кремля.

* приватные /лат. Privatus/ - частные. Здесь – собственные, личные, свои.

* скромная и долгожданная квартирка в панельных домах для трудящихся в 50-60-ых годах.

Многое, многое... Томление в очередях, многолетнее выбивание собственной «полуторки» и справки, справки, справки... Затем копейку на детей, на внуков, чуть на похороны родителей и, наконец, для себя на чёрный день.

Поёжился. Не от холода. Он давно не чувствовал ни жары ни стужи. Проходил много раз сквозь пламя, не брал его и сорокоградусный мороз. Опять поёжился. От мыслей, от дум. Они каждый раз овладевали всем его нутром, когда он, по заведённому свыше указу, приходил сюда. Невидимый, нетленный, бестелесый, в своём совершенном голом человеческом обличье Пётр Землянский* ходил среди людей, слушал их разговоры, сочувствовал их жалобам и стонам. Когда же сталкивался с истуканами в чёрном, обгонял их, заглядывал в глаза, пытаясь увидеть человеческое – страх, совесть, честь, любовь к ближнему... Разачарованный стальным блеском, поворачивал опять к людям.

Странно, у истуканов читалось мало – лишь далеко выпирала гордость за прошлое, да прочная уверенность в персональном будущем поддерживала до поры в вертикальном положении голову.

Со вторыми было сложнее – такой калейдоскоп красок и эмоций, морщин и гримас, масок, что невозможно было охватить это и описать словами. Собирался уйти, но заметил две жавшиеся друг к другу фигурки. Стал напротив, принялся их разглядывать. Что-то привлекало. Не мог сначала понять что. То ли язык белорусский, то ли похожесть какая-то!

Женщина: „Смотри хорошо. Когда сюда попадём? Всем в классе расскажешь, да и я своим. Какие красивые, высокие солдаты? Вот бы тебе, Натуля, такого?“

- Ай, мама! Что вы говорите? Маленькая я ещё о ребятах мечтать. Да мне такие и не нужны. Старательные бы, а эти больше на оловянных похожие. Может у тебя есть что-нибудь покушать?

- Хлеба кусочек остался. Сегодня домой. Который раз приезжаю, но никто не хочет помочь. Хоть бы весточку о нём, бумажку. Холодное молчание, как эти камни. На, крошки не бросай. На главной площади мы, хоть и кровавая она вся.

Девчонка-подросток с огромными чёрными глазами и косами по пояс взяла кусочек хлеба и, подставив под него ладонь, откусила. В воздухе разлился такой запах, такой аромат, что Петро приблизился к ним вплотную. Речь эта, дух хлебный, да и черты какие-то знакомые. И тут он не вытерпел. С трудом вспомнив, как это делается, принял облик того, кем он когда-то был – Петра Землянского, и предстал перед этими людьми. В том же сером кòртовом пиджаке, синих, армейского кроя, брюках, заправленных в гармошку сапог, и белой рубашке с орнаментом на стоячем воротнике. Даже его круглые очки также торчали из нагрудного кармана и одноглазо поблескивали выпуклым стеклом.

- Мам, а что это за цвет на погонах у этих военных? Синий, или какой другой? Как он называется? Первый раз вижу.

- Я и сама не знаю, но красивый, вроде, как васильки наши на поле. Вот бы платочек такой на голову?

Они не видели его, не могли увидеть своего деда и отца, но он стоял перед этой женщиной и её дочкой точно такой, как тогда...

Начало

Это началось весной, в ту пору, когда из серо-зелёных почек уже повылезали первые любопытные к жизни листочки и, вдыхая лёгкий пьянящий воздух, стали распрямляться и расти. Жить бы и радоваться, растить детей и хвалить Всевышнего. Но что-то тревожное уже висело в воздухе, будто вечернее розовое светило неосторожно опускалось в сгустившиеся тёмные тучи, предвещая завтрашние непогоды.

В 1912 он заведовал начальной школой в Мышковичах, затем был призван в польскую армию. Служил писарем при штабе пехотной части. За честную службу награждён медалью, а при увольнении – небольшой денежной суммой. Женился и уже при Советах в 1923 году переехал в Василевичи, на родину супруги. Там работал учителем маленькой деревянной школки. Активничал на собраниях, свято веря в лучшую для простого народа жизнь, не боялся указать властям на недостатки и за это был избран в поселковый совет.

В конце 1933 года неожиданно предложили службу в местном отделении НКВД. Говорили мягко, вкрадчиво, постоянно буравя карими восточными глазками будущего получекиста. Тоже писарем, но должность эту назвали таинственно и красиво – секретарь по секретному делопроизводству. Спросили только: „А у тебя с биографией как?“ Ответил, что порочащих моментов нет и не было. Анкету заполнил и подписал обязательство, что „никому и никогда...“ и с 20 июля на новое место.

Всё бы неплохо, но сторониться начали.

- Иду по правой стороне, они на левую переходят, а когда и вообще в чужую калитку отворачивают. Неспроста! Тяжело на душе. Кое-что уже начал понимать сам. Ученики, как прежде, не подбегают, а всё издали: „Здрасте, Пётр Иванович“. И шась, пропали. Вымирает, получается, пространство вокруг меня.

*Такой человек был. Трудился на ж/д станциях в Западной Белоруссии, затем на Аврамовской, Хойниках, Василевичах на Полесье. Скромно жил с женой Мальвиной Доминиковной Улитко и детьми – Лёликом, Вячеславом, Романом, Анной и Нэлей в деревянной хате по улице Почтовой. Это был его последний адрес на земле. Сейчас он живёт в памяти дочери Нэлли Петровны Железняк /Улитко/, его внучек Натальи и Ларисы, в сердцах тех, кто имеет память и стыд, совесть и сострадание, кто болеет душой за содеянное и обращается к Богу...

Не выдержал, остановил как-то фельшера и спрашиваю: „Почему односельчане так? Я же никому ничего? Писарем только, как и при поляках. Свой, как-никак?“

У того зрачки округлились и зашептал он, оглядываясь: „Зря ты туда. Не к добру. Уже спрашивали, где ты раньше... Извини, мне домой“. Посмотрел глубоко в глаза мои, руку мою крепко... и выдохом: „Бывай, браток! У каждого теперь своя дорога. Кривая и короткая“. И пропал.

Ночью Петра забрали. Сказали на службу. Не поверила, обвинила тёплыми руками, прижалась. Но не кричала, только слёзы потихоньку градом. Уже нельзя было кричать, да и бесполезно. Так и запомнил – из спальни посапывание деток, а в дверях моя красавица. Калитка наша скрипнула. Не смазал вовремя, теперь только ей. Сам клямку опустил...

Никто не бил. Сказали бумажку подписать и на машине потом домой. На листе уже было нацарапано от руки:

„Мне известен случай контрреволюционнаго выступления Даниила Буберскаго в начале 1931 года. Было это при таких обстоятельствах. Буберский у то время замещал ужю арестованнаго, как врага народа, объезчика лесов. Я вместе с ним атмерял дрова гражданам деревни Защобье. Мы падашли к адной асине, у каторай мелось бальшое дупло. Буберски наказал правой рукой на дупло и сказал, что засунуть бы туда тех, кто кровь с народа пьёт. Как я теперь хараио панимаю, он имел в виду всю савецкую власть, хатя дупло было маленькое. Также, как и я, поняли эта арестованные органами НКВД бывшии надвозчик Рак Григорий и Рогач Константин, обое злейшиие враги нашага трудавога народу“. /Орфография сохранена/.

Не поверил я. Знал Буберского, как труженика, семьянина, далёкого от политики и от подобных разговоров. Это был честный человек. Сам не воровал и другим не давал, а вот Рак и Рогач и при старой власти воровали, за что и попадались. Не подписал я, хоть и подгоняли. У зама руки дрожали мелко, а за стенкой плакал кто-то мужским голосом. Не выдержать было, как плакал. Так плачут иногда семейные мужчины перед смертью. Кто-кто, а я это знал. За три месяца работы там раз сорок слышал. Дошло, что относительно других лживо свидетельствую. Сказал вслух: „Не, не могу я так. Не по-божески! Добрый человек он, да и случай этот нечестный. Писака-то неправду писал?“

Назад в грузовике. Я между шофёром и вооружённым энкэвэdistом. В кузове люди. Не видел кто. Везли не десять минут и не домой. Грузовик тархтел полночи. Не разговаривали. Один раз шофёр спросил, на какой развилке поворачивать. Сидевший справа ответил: „Первая на Березино будет, а на второй налево в Липень завернёшь. Что, уже забыл? На прошлой неделе же ездил? Смотри у меня!“

Попробовал и я рот раскрыть, но грубо и загадочно обрубили: „Ты свой. Оттуда до родных рукой подать“.

Когда свернули на этот самый Липень и полуторка запрыгала по городской брусчатке, в кузове, сзади опять плач раздался. Тоненько так, как комар, как писк мышиный. Потом удар – звук пропал. Кто-то сказал: „Давай и этого. Знает уже много слишком“. Мне тоже руки связали и вывели. Вопросов я не задавал. Уже было поздно. Понял – чекистская гильотина жаждала крови. Любой. Чёрные тучи, дождь, как из ведра, белая каменная стена с угловой башней. Десять или двадцать человек нас. Не до счёта было. Напротив тоже человек десять. По бокам ещё. Из-за туч свет. «Луна», - подумалось. Оказывается – нет! Смотрю на свет. Эти все пропали, стена пропала, башня белая...

Темнота, а посередине, вверху светлое пятно, а оттуда мне голос, именно мне! Чёткий такой, но не громко, рядом, будто жёнка на вечерю приглашает: „Не бойся, иди ко мне. Сделай этот шаг!“ Я и ступил...

Дух отлетел –

Часы на главной башне

Пробили дважды три...

Слева, внизу – Пётр Иванович Землянский с семьёй. На коленях мать мой жены – Нэлли Петровна Железняк /Землянская/. Из пятерых детей, расстрелянного чекистами главы семьи, трое сыновей /слева направо/ - Роман, Лев и Вячеслав, а также муж дочери Анны – Иосиф, погибли на фронтах войны, защищая свою жестокую Родину-мать.

Поручил он мне важную и тяжёлую работу – искать и находить правду в нашем краю, выкрывать кровавые преступления правителей, причины звериного поведения вчерашних людей, находить человек среди них, собирать их для Того, кто придёт. Рассказывать и учить. Честь и совесть возрождать. Погрязли все. Брат на брата, сын на отца.

Ещё одно деликатное дело – примечать скотство преступников в законе, тёмные стороны их раскрывать и Ему на престол.

Поведал он мне:

„Каждый получит по делам своим. Ты будешь их вечным укором, Твоя тень, голос твой, твои предсмертные вздохи будут преследовать их до конца и после него. В одного тебя Я вложил тысячи, десятки тысяч безвинно убиенных душ. Ты будешь иметь их всех внутри себя, страдать за них и слышать биение их сердец!

Ты будешь невидим, неосязаем, как Совесть, как Вера в меня! Их потрогать толстыми чернильными пальцами нельзя, но они есть! Есть, были и будут! Ищи их в людях. Вглядывайся в лица, заглядывай в души через глаза. Найдя могилы, ставь Крест Мой на них!“

С той моей последней ночи на земле и тружусь Его посланником, ибо фамилия моя Землянский, а имя Петро.

Отклонился я. Что ж эти люди на площади? Подсказал им, как цвет этот называется. Поведал и была грустную. Старых времён. Дело Сатаны явилось миру уже тогда. Все мы оттуда – с революционного 17-го, звенящих стальными клинками двадцатых, подвалов тридцатых, смердячих кровью и порохом. Главными фигурантами в то время были они – люди василькового цвета и просто другие люди.

А почему именно им рассказал? Сам толком не знаю. А кому ещё? Власти? Глухая она до сих пор, а эти помнить будут и дальше понесут тяжкую память.

Как без памяти? Это ровно, как и без совести!

- Для чего тогда Народный Комиссариат юстиции? – спросил глава Комиссариата Штейнберг у Ленина, - Назвали бы его Комиссариатом по социальному уничтожению, и дело с концом!

*- Великолепная мысль, - отозвался Ленин, - это совершенно точно отражает положение. К несчастью, так назвать его пока мы не можем!**

* «Государство против своего народа», - Гл.2 – «Вооружённая рука пролетарской диктатуры», Paris, 1997

И в мои времена были хлебные поля и сорняки на нём. И теперь они сохранились. Поля уменьшились, а эти разрослись. Сорняк есть сорняк. Сидит он меж хлебов и слушает о чём они. Вот все влево покачнулись – и он туда. Отпрянули, а тот вертикально встал. У некоторых уже и хребет ломается, а васильку ничего. Гибкий, живучий, как сволочь! При любом наклоне, при любой погоде. Шум издаёт почти такой, как хлебное поле, отличить тяжело. Поверх смотришь – нормально всё. Желтеют, наливаются, а чуть присесть – масса вправо метнулась и он на миг виден стал. Редко, но тоже бывает – стоит в одиночестве, красуется, но до злаков далеко. Самому не доползти, года уже не те. Тогда ждёт ветра руководящего со своей стороны. Вот порыв налетел, он семена по струе и отправил. Цепкие, с крохотными коготочками. Маленькие, как микробы, как пыль, совсем незаметные, но чуть времени прошло... и там, ближе к пшенице, затем уже и между стеблей, один, два появились. Пока хилые, ростом с ноготок. Хлеба вверх тянутся и они стараются не отстать.

Был он на дороге, на краю ниже всех, а чуть погода – в центре, в самой гуще оказывается. Всё равно, как гибкий плющ, как лоза-пролаза. Стоит, слушает, поддакивает. Иногда даже свой голос подаёт, с другими, старшими, спорит, идеи предлагает – „на рожон не лезть...“, против ветра не ломиться, жить спокойно, жатки ждать. Так, мол, написано...“.*

Вроде, не могут один без другого. И все к этому симбиозу привыкли!

Нашёлся один сомневающийся хозяин, пошёл на поле, вырвал их всех с корнем, сел на межу и стал ждать: „Погибнет хлеб без них! Загнётся. Говорят, от парши очищают“. Долго сидел, но ничего не приключилось. Хлебное поле только чище стало. Как прибой, как волны морские. Исчезло чириканье, подсвистывание. Шепоток, на клёкот похожий, пропал. Ветру есть где пройти, провентилировать. Грибок чёрный пропадать стал. Воздух внутри поля не застаивается, не спёртый... И растут, и желтеют, и золотом наливаются...*

- Новая пора придёт, опять так сделаю. Трудно будет, но их – руками, руками с корнем! Да и внуки с правнуками придут на помощь. Они смелее нас будут! На поле все делом заняты – им нету места! А если, когда и ихний яд понадобится, то те места и мажь им, а не по всему телу, т.е. полю. Отравится всё опять, погибнет изнутри, изнутри сгниёт!

*жатка – машина для скашивания и укладки в валки или расстилки на поле зерновых, травы.

*межа – граница между крестьянскими участками в виде узкой необработанной полоски. По краям живописно зарастала лопухами, хреном. Кто ходил по ней ранним утром босиком, тот не забудет тонкий, пьянящий, чуть горьковатый аромат трав и земли, согреваемой первыми лучами. А вечером, после дойки коров, другая картина – красноватые отблески заходящего светила на соломенных крышах, туман, появляющийся из ничего, и перезвон голосов на сажалках – бабы о деревенских новостях, хлопки пряников по льняному белью, лай собак и радостные крики купающихся детей.

Петро Землянский ещё раз полной грудью вдохнул запах ржаного хлеба и тихо сказал, даже не сказал, а что-то прешелестел этим людям в такт качавшимся лапам саянских елей.

- Ой, мама! Кто это, будто до руки...

- До руки, кто это мог? Мы же здесь вдвоём стоим. Никого рядом.

- Нет, дотронулся и голос, будто сам в голову пришёл. Васильковый этот цвет. Очень ядовит. Интересно! Я же думала, что столько красоты в них? И потом, у меня, в душе множится что-то, мысли, мысли. Поле вижу хлебное, васильки вокруг цепью, а посередине дедуля наш... Каким же он был?

- Да что с тобой, доченька? Скажу только, добрый он был, Петро мой!

- Пойдём мама. Больше ни шагу сюда! У нас и свой край есть. Мне, может, сам Боженька про эти васильки поведал, а я потом и людям... Скольким же они, оказывается, жизнь отравили?

Петро Землянский остолбенел: «Почудилось? Да мало ли имён одинаковых? Не один же Пётр пропал? Тысячи!

Спят усталые попутчики в общем вагоне. Девчонка, положив голову на колени мамы, сладко посапывает. Вагон раскачивается, постукивают на стыках колёса, слабый свет плафона отделяет людей от мрака за окном.

В крошечной тьме летит рядом Землянский Пётр, вглядывается в лица, ищет тех, кто приизнётся его имя.

- Вот они! О, Боже, откуда имя это? Ладно, пусть спят, а я о начале беды расскажу. Тяжело им будет поверить, но стараться буду. Кто-то должен память дальше нести? Хотя бы и во снах. Так от беспамятства и уцелеют.

Поезд с грохотом мчался по железным рельсам, свистел колёсами на поворотах, глухо гудел, приветствуя флажок ночного дежурного. Рядом с шестым вагоном, по правую сторону металось с куста на дерево, с дерева на откос что-то светлое, полупрозрачное...

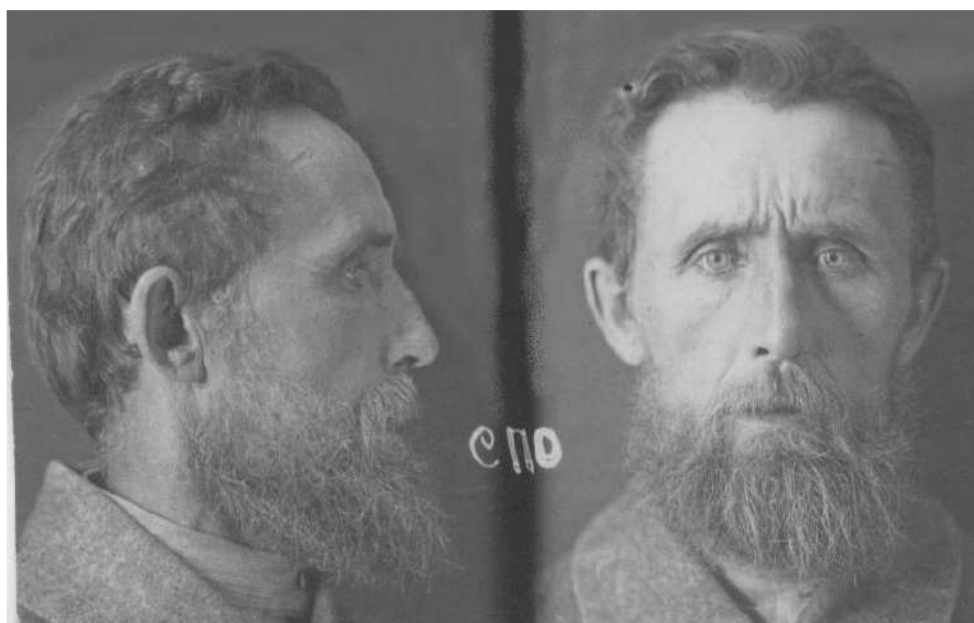
А вы видели когда-нибудь во мраке ночи эти таинственные, бестелесые, мятущиеся пятна? Не приходила ли вам в голову мысль, почему они загадочные, притягивающие взгляд? Почему никогда не отстают от вашего окна? Почему не приближаются? Всё время рядом с людьми. И только по ночам! Толком не рассмотреть. Скорость. Годы, как дни летят! Не забыть бы чего!

Луна бесучастно смотрела холодными глазами вниз. Потом криво улыбнулась и спряталась за напоздавшую тучку.

Женщина застонала, удобнее устроилась в углу и обняла рукой спавшую дочь. Из глубин, из далёкого прошлого побежали тревожные сны-кадры начала нашей новой советской жизни...

Час ночи. Кромешная тьма за окном, только хлесткие порывы дождя, наотмашь бывшего в стрельчатые окна бывшего банка, напоминали о бренности жизни и о том, что даже беззаботные, летние деньки могут смениться плохой, штормовой погодой. Со стороны каменного забора раздался лёгкий стук, похожий на стук дятла. Но это была не странная ночная птица, не захлопнувшийся внезапно ларь с драгоценностями или сундук с мукой в крестьянских сенях – крышка почтового ящика райотделения ОГПУ всё чаще и чаще срабатывала в темноте. Днём же записным, и не очень, стукачам мешали то солнце, то случайные люди, а кому, редкому, и остатки совести. Попеременный звук постепенно от месяца к месяцу становился чаще, а к лету 1929 стал напоминать спешное заколачивание гробов как во время вселенской чумы.

На стол уполномоченного Липеньского райотделения ОГПУ Мансарова лёг мокрый, мятый лист серой, похожей на обёрточную, бумаги. На нём аккуратно, явно под линейку, было выведено почти печатными буквами и с ошибками:

„Как был дан наказ выявлять врагов власти, то я был на кане «Чорны» в деревне Ситники. Там гутарил с лесником Ермалаем Знакам, бо хотел выписать себе четыре бревны с сосны. Сосну он не дал, бо недалёко стоял мушчина и лесник показал на того, что тот забрал мои брёвны. Когда я захотел забрать за мои гроши эти брёвны, то мужчина скрутил мне фигу и похлопал себя по задку сзади. Ещё сказал: „Пусть табе твоя власть даст, бо, говорить, ты добры слуга уже у ней“. Он отъехал с моими брёвными и тремя мушчинами, каких не знаю. Эти слова про власти, большую фигу им и мне и хлопки по задку слышал лесник с Нежевки Ермолай Знак. Но он отвернулся, ничего не сказал и выписал мне еловые брёвны. Я гроши ему отдал, но брёвны ещё растут в лесе и нужно их спилить. Докладываю как мне вами

был даден наказ про постоянное выявление любых врагов советской власти. Я не поленился и спросил в магазине кто такой был с конём. Это был говорила магазинщица Сымон Майданов. С этим докладую вам – Стрэмительны. 14 июня. Извиняйте может про лужок под сено для меня немного или новую пилу как“.

- Молодец, сексот! Месяца не прошло со дня вербовки, а уже сообщений с десятков и столько же врагов выявил. Если так пойдёт, то можно выше пробиться! Но хитрый – тут же сено просит.

Мансаров задумался. Редко и только наедине сам с собой он допускал в голову крамольные мысли: „Какие, к чёрту, это враги? Сказал человек... Ну, чуть громче, при людях, а я его уже на заметку? А не возьму, начальника сексоты заложат. За Советы людей агитировали, а потом налогами и продразвёрсткой придушили так, что деревнями вымирать начали. Всё поотбирали, а сейчас ждём, что народ нам плясать будет! Да, видимо, любой, кто к власти дорывается, своих же сначала губить начинает. Так безопаснее, да и силу свою показать можно. По их же жизням вверх ползёт. В старое время сказали бы „ересь в головах, молиться надо...“. Теперь и молитвами не спасёшься. Если не я их, то те, кто наверху – меня. Им тоже страшно за горы трупов, поэтому лучше все концы в воду, а без настоящих свидетелей, кто разберёт? Кстати, у меня эта фамилия где-то проходила“.

Чуть отлегло от души Мансарова, да и совесть с годами честной службы в этой тайной организации давила всё меньше и меньше.

Каждый в этой стране делал своё правое дело. Мало кто соображал, что с 1917 года все стали бессловесными винтиками в огромном эксперименте по подавлению личного, своего, частного. После жестокого и безоглядного вырезания „вчерашних“, оппозиционеров, несогласных начали проявляться симптомы второй, более ужасной и нескончаемой волны – ненависти попробовавших власть хамовитых и злобных бездарей, ловчил всех мастей и национальностей, тупых и безмозглых громил от революции ко всем, кто спокойно трудился за станком или на земле. Уже 12 июля 1918 года на стол управляющему делами Совнаркома В.Д. Бонч-Бруевичу легла докладная записка за подписью опытного юриста В.А. Жданова: „Отсутствие контроля, право решения всех дел, отсутствие защиты, гласности и права обжалования, допущение провокаций и пыток неизбежно приводит и будет приводить ЧК к тому, что в ней совыют себе гнездо люди, которые под покровом тайны и безумной бесконтрольной власти будут обделывать свои личные дела и карьеру. Я утверждаю, что деятельность Чрезвычайной Комиссии будет являться сильнейшим дискредитированием Советской власти“.

Этим мыслям уже не давали хода, а людей, высказавших их, брали на тайную заметку. Всероссийскую ЧК, утопившую страну в кровавой бойне, пожарили и упразднили, создав в феврале 1922 более обширную и всесильную структуру в составе НКВД.

ВЦИК разослало всем губернским ЧК специальный документ о том, что „Упразднены вывески, но оставлено самое важное – агентура, которая будет информировать губчека для принятия должных мер к ликвидации всех контрреволюционных сил“. Пояснялось, что „в каждом уезде будет оставлено до пяти-семи чекистов для ведения оперативной /т.е. негласной, агентурной/ работы. В распоряжение райотделов предоставляются денежные суммы на оперативные надобности“.

Мансаров покопался в папке с лирическим названием – «Первичные сигналы» и вытащил оттуда неровную полоску бумаги. На ней значилось: „Выписка протокола правления к-за им. Ворошилова от 5/06-29 г. Слушали: О трудовой дисциплине. Постановили: „Майданова Сымона с женой отчислить из колхоза за систематический невыход на работу кобылы «Стэфки», разложение бригады и вредительские отношения к колхозному имуществу и посевам – без оплаты труда натурой за трудодни и предложить освободить хату, которая принадлежит теперь колхозу, где живёт он, его семья с детьми и егоныя батьки. Дело о невыходе кобылы «Стэфки» и порче её передать в суд и в местное ОГПУ.

С оригиналом согласны. Председатель к-за..../неясные закорючки“.*

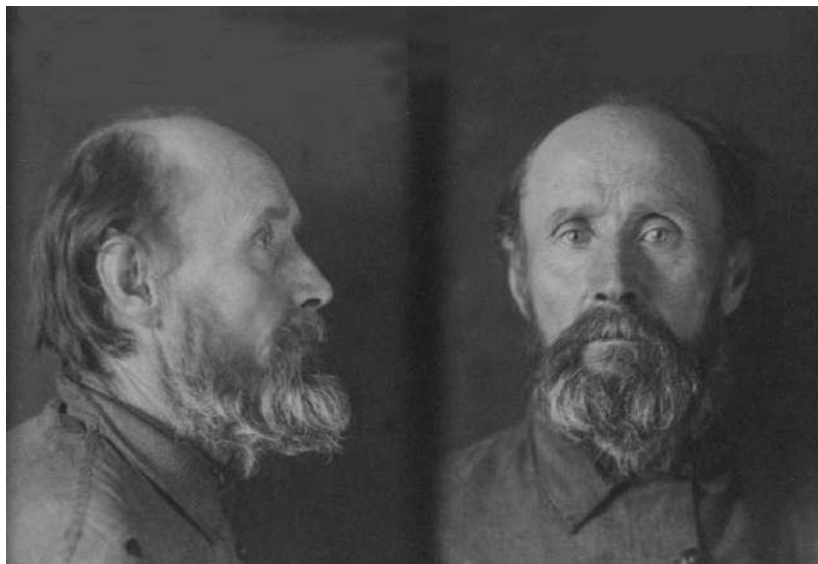
- Что делать с этими болотными людьми? Проверить бы? Хотя, какого рожна проверять? Сексот же написал, что Майданов и раньше был враждебно настроен. Все, кто по лесам здесь живёт – подозрительные и к советской власти соответственно. Корчевать да корчевать! Раз они в правлении решили, что Майданов враг, то мне какое дело? Сами же друг на друга пишут? Окраску бы поточнее по этой кобыле подобрать, чтобы в приказы угодить, а не то сам влипнешь. Пойду к начальнику, он руку набил в чекистских вариациях, - Георгий оторвался от тёплого кресла, положил листки в папку и поплёлся в конец коридора.

- Ко хре? Кто там ещё? – захрипел баситый голос Ларина, - ааа, ты? Давай сначала „народной“ принеси, а потом за дело. Быстрей, не спи! А то голова раскалывается от этой работы. Нужно сосуды расширить.

Мансаров вернулся в кабинет, открыл ключом большой двухстворчатый шкаф. На верхней полке, за трудами классиков марксизма-ленинизма стояли четыре бутылки разной ёмкости – две литровых, одна четырёхгранная аптечная тёмносинего стекла и обычная. Эти бутылки с крепким самогоном были конфискованы три дня назад у ярых сопротивленцев колхозному делу, единоличников, братьев Гурских – Карла и Фелициана.

Ехали с начальником не за ними в Сутино, а дальше, в глухую деревню. В лесу наткнулись на телегу с двумя седоками. Нашли самогон. Те пробовали артачиться, даже угрожать. За сопротивление представителям советской власти связали, отвезли в отдел, забрали всё, что было на возу, а затем со спешно написанными бумагами их в Минск.

Карлу дали 5 лет Сибири, другому – 3 года. Но как-то так получилось, что через неделю обоих расстреляли, а крепкий самогон и добротные продукты остались в чекистском шкафу.

Георгий взял бутылку поменьше, два кружка сыровяленой крестьянской колбасы с хлебом, солёных огурцов и две дольших луковицы. Крупная соль была в спичечном коробке. Уже выходя, передумал. Один кружок вернул на место, а взамен отрезал шматок проперченного сала.
- Тебя за смертью посылать. Что так долго? Отмерял сколько мне, а сколько себе? – прямо в точку попал шёф.

- Ну, что вы так? Вместе с вами полрайона выкосили, работая, а тут мерять.
- Ты брось своего начальника в сообщники вмешивать...
- Так я же только о врагах.
- Ладно, прощаю. Давай, за наше ЧК!

Оба без промедления опрокинули по стакану, положили в рот по кусочку колбаски и захрустели луком.

- Ты, Георгий, хоть и нацмен, но нашей русской пролетарской крови. Работашь отменно, да и сало уже ешь. Без твоих результатов в последнее время никаких наград бы не получили, а так... Давай за тебя, за молодую смену!

- Спасибо. Буду стараться. Район захудалый, поэтому фантазия нужна, а мы, кавказские люди, богаты на это. С гор же дальше видно. Мансаров подобострастно наклонился и одним ливком заполнил стакан начальника. Оба, крикнув, выпили, сразу по второму и, уже основательно закусив, приступили к анализу ситуации.

- Спрашивать, какую лучше окраску дать? Давай поразмыслим вместе. Тебе наука на будущее, да и мне для гибкости застоявшихся мозгов. В этой лапотной белорусской окраине, насквозь пропитанной западным душком, море работы для нас, чекистов. Если подходить творчески и с классовым огоньком, то, подчёркиваю для тебя специально, нам никогда не грозит безработица или недоверие руководящих товарищей любого уровня, даже высшего!

У нас с тобой уникальная работа. Мы сами решаем в тиши кабинетов судьбы людей и нам никто не может помешать. Посмотрим, что грамотный народ пишет. Вот, в первом номере чекистской газеты «Красный меч» акцент – „Для нас нет и не может быть старых устоев, морали и гуманности, выдуманных буржуазией для угнетения и эксплуатации „низших классов“. Т.е. абсолютно всё, что касается старого буржуазного мира, поведения, высказываний людей из прошлого может и должно рассматриваться нами только, как направленная враждебность, подрывающая советский строй! А такого материала предостаточно. Сейчас ещё 90 процентов населения – „бывшие“. Это почва для чекистского плуга! Неважно кто под ним – зажавшиеся кулаки и скрытные лавочники, хлипкая и продажная интеллигенция, мракобесы-попы, жидовьё из лавок и подвальныхчиков, офицерская кость с револьвером в кармане и ещё всякая погань в очках и с умным видом. Это раз! А вот ещё для прочного усвоения – „Наша мораль новая и гуманность абсолютная, ибо она покоится на светлом идеале уничтожения всякого гнёта и насилия“. Здесь ты должен объяснять, прежде всего нашим сексотам, что, искоренив и уничтожив всех тайных и явных врагов, ты расчищаешь путь в будущее для крестьянства и пролетариата! Ты, как ассинизатор, убирая дерьмо из наших рядов, делаешь чище саму жизнь и свободнее советское пространство! Это два! Вот цитата из той же газеты –

„Нам всё разрешено, ибо мы первые в мире подняли меч не во имя закрепощения и угнетения кого-либо, а во имя раскрепощения от гнёта и рабства всех. Кровь? Пусть кровь, если только ею можно выкрасить в алый цвет Революции серо-бело-чёрный штандарт разбойничьего мира. Только полная бесповоротная смерть этого мира избавит нас от возрождения старых шакалов!“

- Здорово сказано!

- Вот особая тонкость для нас. Слушай меня внимательно. Я уже кое в чём разобрался. Здесь речь идёт не только об окончательном избавлении от врагов, но и от наших с тобой ошибок. А ошибки неизбежны, даже потому, что наверху тоже люди сидят и многое от их настроения зависит. Команды у них меняются часто – „то этих давай, то тех“, а иногда, чтобы себя оправдать, приказывают вытащить на белый свет всю нашу оперативно-агентурную работу, даже то, о чём мало кто знал и знает сейчас... Здесь уже о деталях и просчётах нашего труда и особых его тонкостях. Понимаешь, что я имею в виду? Но об этом молчок! Работая плотно с массами, думай постоянно о заделе на завтра, чтобы комар носу не подточил. Даже, если ты или кто-то из наших чекистов перегнёт палку или перестарается в ходе перевыполнения планов по повальному выявлению врагов всех мастей, то результаты, их устрашающие объёмы смоят и кровь врагов наших, а с ней и наши неизбежные ошибки. От нас же требуют постоянно перевыполнять план – увеличить, расширить, углубить..., а любая спешка сам знаешь к чему приводит. Это три!

- Вот это учёба, товарищ начальник! Спасибо вам, не подведу. Вы мне настоящую энциклопедию раскрыли.

- Просто понравилась мне твоя смекалка. Особенно хватка и дисциплина. Обычно твои земляки всё больше разболтанные. Не ум впереди у них, а характер. Норов, как у жеребца крутого, но на таком далеко не уедешь. Разбиться можно! Поймают... и на мясо! Советую – больше учись, начальству никогда не перечь, хотя бы для виду. Главное – умей ждать! Есть слухи, что меня на повышение, вот и замену сказали подыскать. Понимаешь, Мансаров, всё, о чём я сказал, должно быть в основе работы каждого сотрудника ГПУ и каждого его сексота. Но это общее руководство к действию. Конкретные цели, т.е. враждебные к нашей власти люди, их преступные замыслы, должны днём и ночью фиксироваться твоими негласными, секретными сотрудниками. С их помощью ты должен получать не только агентурные данные о шпионаже, заговорах, антисоветчине, но и малейшую информацию компрометирующего толка – кто пьёт, ворует, ведёт разгульный образ жизни, склонный к ненормальностям, понимаешь каким. Очень важен настрой людей. Если нытик, интеллигент сраный, то это прямые кандидаты в Сибирь. Если же этого нет – доволен начальством, работает неплохо, то тогда его нужно посмотреть в быту – как в семье, связи с родством, поведение,

разговоры с соседями? Особо выделять тех, по вине которых срываются планы социалистического строительства. Скажем, небольшой руководитель. Сам, вроде, работает, а дело почему-то не движется вперёд?! Причина? Значит, саботирует или пробравшийся по заданию западных разведок в руководство враг. А перед ЧК все равны! Понял? Всегда копить агентурный материал с компрометирующими данными. Если он не понадобится сегодня, то в нём может возникнуть нужда в другой ситуации – курс партийный сменился, ориентиры вверху поменяли, срочно сменить кого-либо, убрать с дороги, главное – поставить более лояльного не только к власти, а главное – к нам или более зависимого от нас! Вот где ключ ко всему! Тогда и нас голыми руками так запросто не возьмёшь, а то кто там знает, что понавыдумывают в Кремле через год? Видишь, дела-то идут плоховато, планы срываются, вся техника на заводах, в колхозах старая и вечно с ней какие-то проблемы... Значит, без компры на всех и вся мы не выживем, а обвинить нас в превышении, в нарушениях заинтересованным лицам легко, так как они сами нам приказывают это делать. А вот с конкретной компрой, будь то секретарь, председатель, учёный, даже генерал, убрать наше дело и нас самих будет гораздо трудней. Легче тех, на кого мы им укажем. И верхушку спасём и самих себя прикроем. Как у уголовников. Знаешь? Там пока у новичка руки в крови не будут, то ни в какое серьёзное дело его не допустят, а, если в крови, значит, ты уже свой, сидишь на компре и рыпаться никуда не будешь. Грязновато всё это, но человек и в библии так описан, как мешок дерьма и мусора всякого... Когда-нибудь спросят, а у тебя факты на бумаге, да и подтверждены не одним только сексотом, а двумя, тремя. Твой же накатал на этого Майданова? Ну, тот, который в Доме селянина?

- Да, да. Вы его знаете. Завербован в прошлом месяце на компроматериалах. Газетами польскими у него вся кухня была обклеена. Помните?

- Помню, «Стремительный» кличка. Я же бумаги на него подписывал.

- Да. Живёт, правда, далековато, но кое-что зафиксировал. Майданов, по вчерашнему сообщению «Стремительного», полученного сегодня ночью, - не моргнув глазом, соврал Мансаров, - специально забинтовал ногу кобыле, чтобы она на работу не вышла. Мой возьми и спроси – „от колхозных работ отлыниваешь и кобылу к этому приучаешь?“ Тот его по матушке, в морду даже закатил и со двора выгнал.

- А что, следы на морде есть?

- Да нету. Бил как-то умело, стерва. Но вдогонку кричал громко: „Провокатор сучий! Духу твоего чтоб у нас не было! Чекист сраный!“

- Не густо. Хотя последнее обидно. Так он же пишет, что конфликт из-за брёвен?

- С брёвен началось, а он ещё и политики добавил. «Стремительный» мне срочно всё это ночью сам в отдел принёс.

- Ну, тогда другое дело. Оформи ещё и своей устной справкой. Ну, как будто ты более профессиональную оценку даёшь. Сексот-то молодой ещё, а уже приткий!

- Видите, как обозвал ЧК? А мой-то где-то копию из правления добыл. Результат неплохой – собраты по этому захудалому колхозу Майданова уже сами ненавидят, со свету сжить хотят. То ли потому, что живёт получше и хозяйство покрепче, то ли самостоятельный, никому особенно не кланяется... А им, этим разгильдяем и пьяницам всё равно – что приказал председатель, так они любого сожрут. Надеются, что им тоже что-то достанется после высылки или расстрела.

- Быстро-то как они? При царе мирно жили, а сейчас чуть что, так вражина. Знают – есть кому писать! Смотри, если большой „липы“ нет, то зацепка серьёзная. Везьми обязательно от кого-либо ещё сообщение. Попробуем на подполье или на заговор выйти. У нас давно никаких обобщающих материалов не было. Завтра поговорю по этим фактам о своих «Стрелком», а ты внимательно пошерсти в деле по району. Охвати километра на два-три вокруг Майданова. Можешь и побольше – на пять. Напишешь, что тот давно негативно влияет антисоветски на таких-то и таких из близлежащих деревень. Или может влиять... Не, лучше фактом бить – влияет и давно. Если фамилии как-то не будут подходить, ну, по родству там, по дальнему тоже, то захватишь хутора. Он мог и тех и других не только знать, но и контактировать с ним. Цепочку нам нужно... А потом проведём показательный процесс. А в Польше у него есть кто?

- Вроде, фамилия у тётки или дяди на польскую похода. Значит, есть и в Польше кто.

- Усиль эту линию, тогда по 74-ой пойдёт, как польский шпион – раз, попытка раскрыть методы работы ОГПУ – два, саботаж через кобылу и пропаганда по разложению колхоза среди односельчан – три. Завтра к обеду, самое позднее к вечеру дополни всё, собери в отдельную чистую папку, я звякну в Минск, получу там одобрение, подпишу всё это и поздним вечером прогуляемся в Ситники. Возьми Борискина с Кораблёвым. Хрен их знает этих лесных людей. Ещё стрельнут из обреза.

- Сделаю. Здорово вы всё разметили. Видно, что профессионал!

- А ты как хотел? В нашем деле без опыта и знаний никуда! Всё чётко, без колебаний! Не забудь на завтрашний день кое-что приготовить. Ну, вот, как сейчас. Поработает, потом чуть расслабимся. Нельзя в таком напряжении. Мяска добудь хорошего. К Мире сходи. На керосинке поджарим. Без него кровь не разогревается, а она у нас постоянно должна быть горячей. Сам Феликс Эдмундович говорил. Привезём этого, чуть пригубим, а потом спокойно с ним в подвале по душам. Смотри, много не пей! Должен свежим быть. Вот бы на цепочку выйти. Борисовские тогда бы ж...пу свою от зависти проглотили, а то диверсии какие-то у них на дороге почти каждую неделю... Явно липа! А то у нас почти год никакой организационной дея-

тельности не выявлено. Боком может выйти. Сами можем загреметь! Читал в ориентировках – Молодеченские на большое вредительство вышли. Озимые у них специально не взошли – то ли зерно промёрзло, то ли враг не так посеял. А двенадцать взяли! Там, как оказалось, и руководство района замешано и польская разведка. А у нас нихрена. А возьми Осиповичи – у них в прошлом году даже диверсанты выявлены – кто-то щебень из откоса взял. Ведра два-три. Наверно на стройку. Так под вышку пошли все, кто вдоль дороги жил и начальство тоже.

- А на какое расстояние захватили от того места, где щебень своровали?

- Что ты мелешь, Григорий? Дело не в расстоянии, а в том, что сами железнодорожники проморгали опаснейшую попытку теракта. В любую минуту наш поезд мог сойти с рельс. А если литерный? Это в назидание им, чтоб повнимательнее были и службу исправно несли. Наказание получили по служебной цепочке все, кто должен был предвидеть, но преступно закрывал глаза. Взяли и влево и вправо – с одной стороны до минской станции все полетели, с другой до самой Орши. Не совсем посредине получилось, но эффект колоссальный! Все прямо на завтрашний день схватились за работу. И наших тоже крепко наказали. Все поймут, что с ЧК шутки плохи. Пойми – главное в чекистской работе даже не сама служба – вербовки, сообщения, мероприятия, не поиск врага, не отчётность, а то, как мы всем этим можем влиять на умы. Кстати не только народные, но и на тех, кто у власти. Для этого всё можно отбросить – и интеллигентское нытьё, и неощутимые никем честь и честность, даже гнилую отрывку под названием совесть и жалость! Всё это вон, если у тебя в зажатом стальном кулаке и задыхающийся враг и подозрительные экспериментаторы из партийной верхушки. Компра на всех – двигатель нашего прогресса! Вот где корень, где суть чекистского тяжёлого труда.

Дашь результат – с тебя за него не спросят, а будешь размышлять, анализировать, что хорошо, что плохо – сам к стенке пойдёшь. У верхних тоже голова есть – менять, видите ли, им и своих надо. Поэтому любому, даже ничтожному сигналу ты должен в первую очередь придать классовый уклон – идёт это на пользу стране, или нет, воспитывает это людей в нужном нам русле, отвлекает ли от сицилистических задач, портит ли лицо страны? Нам нужно реагировать и выкорчёвывать подобных задолго до того, как эти нац и прочие ублюдки сойдутся в стаю и растопчут нас самих. Сказал, значит, как минимум, настроен враждебно. Второй, третий раз сказал, значит уже тенденция, убеждённость, желание сбиться в стаю, в подполье. Лучше всё это упредить арестом или расстрелять, очистив тем самым общество от плесени. Здесь и другим урок – будут трудиться лучше, а не искать изъяны у властей. Задача наша – оставить на советской земле преданнейших и лучших. Колеблющихся – под меч революции!

**литерный, здесь - правительственный*

- Да вы мне целую университетскую лекцию прочитали. Настолько доходчиво и подробно... Я это буду и в практике использовать. Особенно, когда начальником стану.

- Используй, используй, но это не только наш чекистский опыт, это теперь фон нашей новой советской жизни. Пусть немного жестокий, но не для честных и открытых людей. Их пока мы не трогаем. Вся наша страна, так я понял, и люди в ней должны быть похожи на стройные армейские шеренги и колонны. Дана задача - все с одним дыханием выполняют её, новое направление партией указано – все поворачиваются в ту сторону. И так дальше. Демократия – это разгильдяйство. Она к хорошему не приведёт. У нас не тот народ, что на западе. Там европейцы, у нас больше с азиатским пониманием. Мы чтим и власть и силу, а там больше болтовни. То, что хорошо для них, не годится для нас. Там наверх выбивается один человек. То ли с деньгами, по блату, через связи... У нас твоей чекистской работой сплачиваются народные массы и именно они, а не одиночки движутся в революционном порыве к цели. Что сильнее? Один или бескрайняя энергия масс, конечно контролируемая нами. Одна дисциплина на всех, одно воспитание и жёсткий, постоянный контроль. Только так мы сможем выстоять в борьбе против остального мира. Всех сбить в монолит, а не растаскивать по партиям и интересам. Силой заставим богатеньких и умненьких склониться перед нами! Если нет – уничтожим!

Мансарову стало казаться, что Ларин уже не сидел за столом, а стал выше, как бы летал аж под потолком. Иногда, в периоды особого эмоционального напряжения лицо его на мгновение чуть вытягивалось и, о ужас, становилось похоже на этого, ну, из самой важной и толстой книги?! Голос заполнял всё нутро, всё пространство, гудел праведным набатом, вызывая у Мансарова желание тоже кричать, бить кулаком и рвать на себе красную рубаху.

Революционная бацила была не только всепроникающей, но и смертельно опасной – она губила мозг, если ещё остатки его были в голове... Думать, чувствовать, сопереживать, помнить – всё это отменялось. Рубить, стрелять, ломать, выявлять и опять стрелять становилось привычным и от этого на душе расплывалась какая-то подозрительная нега, как после прыжка с высокого забора в душистый стог сена. Новый дух перебивал всё, что было знакомо и привычно ранее... Запах был сладковатый, уже не отталивающий...

- Всё, хватит говорильни! – пришёл в себя начальник, - завтра к обеду готовую подборку, полчаса на просмотр... и по коням! Доливай остатки и на отдых.

Выходя от начальника, Мансаров посмотрел на часы – три ночи! Странно. Несмотря на позднее время и выпитое, он чувствовал себя подтянутым и почти свежим. Голова была ясной, скорее просветлённой. Сердце, правда, билось сильнее и чаще, но завтрашний день вырисовывался конкретней, мысли приобретали нужные оперативные очертания. Слабые шевеления совести о судьбах несчастных индивидуальностей постепенно забивались громом барабанов и пронзительным звуком революционной медной трубы.

Воодушевлённый характеристикой начальника, Георгий не стал дожидаться утра, а тут же в кабинете состряпал липовую справку о беседе с инспектором пожарной охраны Дембицким. Тот не был пока оформлен соответствующими документами, но в годовом плане уполномоченного уже считался кандидатом в информаторы, до поры до времени не догадываясь об остроощекоющей перспективе сексота и стремительном падении в зловонную яму предательства.

Понимая, что лучше свой почерк вообще не показывать, Мансаров вытащил из шкафа старый «Унтервуд» и принялся тыкать в него двумя пальцами:

„6.06 провёл встречу с кандидатом в секретные сотрудники Д. Целью ставилось изучение личных качеств Д. на предмет возможного использования его, как выездного сексота по району. Ему был задан вопрос знает ли он жителя села Ситники Майданова Сымона. Д. сперва ответил, что не ведает. Путём наводящих вопросов о поездках Д., как пожарного инспектора, по различным деревням выяснилось, что он припоминает Майданова и уже может его охарактеризовать, как остро критичного в отношении советской власти человека. Тот в один из дней приезда Д. в это село стоял возле правления колхоза и высказывался отрицательно о заготовке картофеля на зиму. Говорил, что столько бульбы в буртах не уцелеет до весны, а сгниёт, при этом грязно ругался в адрес начальника звена, крича и размахивая резко рукой, что тот ничего не смыслит в бульбе, так как работал раньше золотарём и забирал гувно в городе из туалетов. Кто ещё был при этом Д. не помнит, так как местных жителей не знает, но в Ситниках он раньше видел других и они могли быть там во время вышеупомянутого разговора и враждебной агитации, так как часто приходили курить возле правления. Он ещё добавил по собственной инициативе, что, если ему назовут фамилии живущих пока в Ситниках, или в близком там сёлах, то он тогда вспомнит их лица и также напишет на них“.

Георгий крикнул, поставив точку, и с удовольствием потёр ладони: - Ха, удался и текст и, главное, пару белорусских словечек для верности вставил. Кто будет сомневаться, что написано не со слов Дембицкого? Понадобится – других свидетелей найдём. Для ареста хватает. Все наши юридические нормы соблюдены!

Довольный своими же выводами, Георгий открыл дверцы шкафа, залез туда по локти и, не вынимая съестного наружу, нащупал пальцами кружок

чесночной колбаски. Там же, в глубине, откусил кусок. Из банки вынул половинку солёного прошлогоднего огурца. Добрый глоток крепкого напитка обжёг горло. Горские традиции длительного застольного питания давно уже замещались короткими взбадриваниями перед новыми, невиданными доселе „чекистскими трудовыми подвигами“.

С треском вытащив из пишущей машинки лист со свежим пасквилем, добавил своей рукой – „встречу провёл на явочном пункте «Бочка»“ /имелась в виду маленькая каморка старьевщика Фимы с тыльной стороны крытого рынка/ и аккуратно вложил его в папку к другим шедеврам советского времени – новой письменной продукции запуганных и забитых советской жизнью людей. У них уже давно не было никакого другого выхода. Заступиться за соседа по земле было смертельно опасно, а писать на него сподручней. Отказаться, означало смерть! Вот так воспитывались и сплывались трудящиеся массы!

Георгий повернул кресло спинкой к столу, снял сапоги, а ноги положил на подоконник. Бросил взгляд на часы – полпятого! Часа два на отдых. Натянул для уюта куртку и прикрыл глаза. Засыпая, заметил, как на липе, напротив окна появилось непонятное пятно. Оно было светлее, чем дерево, вытянуто вдоль ствола и чуть-чуть шевелилось, как бы дышало...

- Похоже на тень от человека, только почему светлая... Тяжёлый сон смежил его глаза...

Пустая гулкая комната. Посредине табуретка, на ней Георгий. Яркий свет, мешающий разглядеть, что вокруг. Тот же голос сверху:

- Почему ты заставлял своих сексотов лгать на невинных, честных людей и перевыполнял за счёт их жизней свой чудовищный палаческий план?

- На каком основании ты клеветешь на них, прикрываясь партией и несбыточными советскими заклинаниями?

- Кто тебе дал право пытать людей, кровью выбивая из них признания?

- Почему человек с польской фамилией, родными за границей причислялся тобой к матёрым шпионам, а потом без суда - к расстрелу?

- В чём виноваты дети, матери и седые старики твоих жертв?

- Думал ли ты, сострадал ли ты ночами сонму невинно убиенных?

- Что ты скажешь себе, своим детям и потомкам? Что ты скажешь Мне?

Свет стал нестерпимым, из окружающей черноты начали проступать жуткие очертания черепов. Они медленно, не произнося ничего, смотрели рваными глазницами прямо на Георгия и круг их сужался. Их становилось больше и больше, они рядами поднимались вверх, заполняя все стены и потолок. Из этой массы могильных костей отделился маленький, кривой, видимо, детский скелетик. Он бесшумно подлетел к чекисту и протянул к его лицу кисти рук – с тонких косточек стекала тёплая кровь и капала на губы и грудь Мансарова. Детский тонкий голосок:

- Тебя мучит жажда, палач? На, выпей моей!

История Ларина

- Давай подборку. Вот кипяток, щипцы и сахар, чай в коробке. Попей, а я прочитаю.

Ларин отхлебнул из чашки и сосредоточился на документах. Он давно усвоил, что на бумаге всё должно соответствовать духу и пункту приказов – время и обстоятельства поступления первичного сигнала, данные на объекта, его связи, оценка материала, надёжности секретного сотрудника. Желательно наличие свидетельской базы, выводов о степени важности зафиксированного, описание путей и способов прикрытия оперативного источника. Далее в справке, прилагаемой к сообщению, должен быть намечен краткий план по проверке и реализации данной информации. И, как требовал пункт 6-ой параграфа 7-го, приказа № 00375, первичный сигнал считается фактом при подтверждении его минимум одним, лучше двумя сексотами. На худой конец, с молчаливого, но заинтересованного согласия начальства, да и самого сотрудника принималась за юридическую истину и фальшивая справка опера, рвущегося к следующей ступеньке служебной лестницы.

Если проверка через институт сексотов была затруднена или невозможна из-за их отсутствия в окружении фигуранта, то приходилось выкручиваться за счёт доверенных лиц, или просто официальных работников той же организации. В любом случае, к первой бумажке с намёком о враждебной деятельности или таких же действиях какого-либо лица, должны быть присокуплены ещё пару подтверждающих бумаг. Вот этот „простор“ для чекистской импровизации только в обвинительную сторону /а что, сейчас подавляющий обвинительный уклон исчез сам по себе?/ был широк и поощряем, чем умело пользовались наиболее опытные и наглые, беспринципные сотрудники. Именно они, понимая истинную силу правильно оформленных бумаг, выживали при политико-сезонных чистках собственных, неприкасаемых до поры, рядов. Они прекрасно соображали, что, когда кровавой камарилье придёт конец, а наиболее агрессивные инициаторы будут стоять у стенки, уцелеют, возможно, только те, кто не нарушал ведомственных приказов и скрупулёзно оформлял документы. Неважно, липа то была или нет! Кто в ажиотаже борьбы с очередными „искривлениями“ будет ездить по деревням и перепроверять, состоял ли товарищ Н. или П. в доверенных лицах или инициаторах-заявителях? А если и самих заявителей через пару недель или месяцев к той же стенке? Вот круг и замкнётся. Можно начинать новый! Главное – полнота и всесторонность обвинений на бумаге! Эта методика шлифовалась особо тщательно во все времена! Полнота обвинений на бумаге. Шлифуется и до сих пор! Если человек сам пишет, кто и когда его вербовал в польскую разведку, да ещё и с деталями /город, дом, комната, что стояло на столе.../, на какой конспиративной квартире встречались, сколько получал за донесения, кого привлёк к сотрудничеству, а это ещё и подтверждается показаниями других, то здесь и комар носа не подточит!

Главное – убедительно пугающая конкретность! А ещё пару собственноручно придуманных схем подложить? Маршрутов тайных тропок? Ааа? Ну, а если несговорчивый и слишком чистый, то тогда табуреткой по голени или кулаком в переносицу, благо жертва не может дать отпор.

- Неопытные – скоростью и количеством, а мы, битые – умом и осторожностью, - вдруг изрёк вслух неоднократно „битый“ начальник РО ОГПУ, - настоящая чекистская формула такова – мы настойчиво предлагаем ему собственноручно написать список своих связей или родства, обещая облегчить участь и сохранить главное – жизнь, а потом выдаём это за вражескую агентурную сеть. Поверят же нам, а не ему? Писал то сам? Да ещё и заставим подтвердить и других его знакомых или родственников. Мол, знаете, что такой-то контактит с этими в списке. Те охотно подтверждают – вот и готова основа для „вышки“. Результат? Ещё какой!

Владимир Лаврентьевич Ларин имел строгое рабочее происхождение – отец наборщик типографии в газете «Российский аптекарь», а мать буфетчица на железнодорожном вокзале, что явилось главным основанием для принятия в ЧК. Вся же история такова – после четырёх классов, Ларин закончил курсы при Главном почтамте, затем исправно обносил почтой и посылками восемь улиц на Васильевском острове и прилегающие к ним отроки и закоулки. Обладая житейской смекалкой, составил схему домов, переулков и список с фамилиями, адресами жителей, чаще других пользовавшихся бандеролями, посылками и заказами из-за границы. В его блокнотике очутились люди зажиточные, занимавшие положение в госаппарате, правительстве, думе, полиции и в других важных учреждениях. Однажды на какой-то агитационной встрече с подпольщиками его блокнот попал на глаза чернявому типу с бегающими глазами. Тот сразу заволновался и сильно грубая, повелительно сказал, что Ларин с этого вечера может считать себя членом подпольной большевистской ячейки и „должен, подчиняясь партийной дисциплине, передать нам свой блокнот и принять участие в секретных акциях“. И пошло поехало! Молодому парню импонировало, что серьёзные и хмурые подпольщики-бомбисты обратили на него внимание и он уже через пару дней, выслушав двадцатиминутную лекцию по конспирации и выявлению „хвоста“, разбрасывал в своём квартале агитки и призывы к мировой революции. Вова был осторожен и, несмотря на приказы своих истеричных шефов вкладывать революционную литературу в почтовые ящики или под двери квартир, делал по-своему – просто оставлял в подъездах на полу за входной дверью. Понимая, что его вот-вот могут поймать филёры охраны, Ларин сделал то, что считал особенностью своего ума. Это был упреждающий шаг – он письменно заявил куда надо об обнаружении подрывной литературы. Его вербовал в агенты симпатичный офицер в гражданском по фамилии Родзиловский. Культурно предложил самому выбрать кличку – для связи и подписи представляемых в отделение охраны сообщений. Он выбрал имя «Лаврентий» в честь своего отца.

Его начали хвалить с двух сторон – партийцы-большевики наградили наганом и выдали две гранаты, господин Родзиловский аккуратно платил деньгами. Пять сообщений – пять рублей! Тридцать – золотой! Для начала очень неплохо. Вторая, более приятная работа длилась недолго – после переворота офицер исчез, но в марте 1918 неожиданно объявился и предложил поступить на службу в организованную большевиками Чрезвычайную Комиссию. Оставил несколько тоненьких книжек, аванс 5 золотых рублей и пропал. Навсегда пропал.

В ЧК долго проситься было не нужно – пару намёков знакомому чернявому типу, работавшему там, рассказы о ненависти к «бывшим», ссылка на умение работать с подкидными брошюрками и в конце марта уже сидел с подобными себе в обкуренной комнате первой советской спецслужбы.

Вначале ЧК намеревалась обходиться без агентуры. Она вызывала презрение у всех революционеров, „испытавших справки, доносы, жандармов любезности...“. Но Ларин, познавший сам результативность и пользу от скрытого доносительства, активно агитировал за возврат к „вечным ценностям“ любых спецслужб – агентурному аппарату и оперативно-розыскной работе. Нашлись и другие последователи старых методик, да и наиболее активных официальных заявителей-инициаторов стали находить убитыми после визита в здание «чрезвычайки».

Книжки офицера Родзиловского пришлось кстати. Ларин внимательно, по нескольку раз проштудировал их, сделал понятные только ему выписки и пометки, а затем выдал это за свои идеи. Там были подробные инструкции по ведению наружного наблюдения, по основам вербовки и закреплению негласного сотрудничества на компрометирующей основе.

Ларина заметили и в апреле 1919 года направили к новому шефу украинского ВУЧК М.Я. Лацису в качестве уполномоченного по связи с Центром.

Так бы сидел тихо под крылышком шефа, если бы не случай. Летом 1919 года в Киеве появилось много фальшивых денег. Чекисты не могли выйти на след преступников. Агентура не срабатывала. Однажды к Ларину в кабинет зашёл Лацис и сказал, что в разговоре с Питером он узнал о его осведомлённости в методах наружного наблюдения, поэтому с санкции Главка он назначает Ларина руководителем отделения слежки. Лафа для бывшего почтальона кончилась. Нужно было конкретно доказывать свою преданность и профессионализм тем, кого он уже предавал, разнося по подъездам листки большевиков, а потом сочинял об этом доносы в охранку. Дела пошли удачно. После того, как Ларин настоял на установке наружки за одним из распространителей фальшивок на целый месяц, вместо положенных максимум двух недель, было раскрыто место изготовления, адреса, а уже через них вышли на всю банду и её глубоко законспирированное руководство. Ларина наградили и назначили начальником горотдела ВУЧК по гор. Киеву.

Пожимая руку, Мартин Лацис сказал: *„Запомните – для нас нет и не может быть старых устоев морали и гуманности. Мы не ведём войны про-*

*тив отдельных лиц. Мы уничтожаем буржуазию как класс. Не ищите на следствии материалов и доказательств того, что обвиняемый действовал словом или делом против Советов. Первый вопрос, который вы должны ему предложить – к какому классу он принадлежит, какого он происхождения, образования или профессии. Эти вопросы и должны решить судьбу обвиняемого. В этом – смысл и сущность красного террора!“**

Вот где Ларин развернулся во всю мощь! В ненависть ко всем „вчерашним“, кто был богаче, умнее, образованнее, мог думать, быть самостоятельным, гуманным, он вложил и свой вечный страх перед возможным разоблачением, свои бессилие и трусость перед большевиками и офицером охраны, страх загнанного прошлым в угол бешеного пса. Желание любым путём выбраться из грязно-кровавой пены наверх заслонило и глаза и совесть. Зачеркнуть опасный вчерашний день можно было только кровью, большой кровью других!

Вожди революции выпустили и государственно оформили кровавого Сатану, сидевшего до поры в людях!

Вот выдержка из документа, свидетельствовавшего о „качестве работы“ Ларина и ему подобных:

*„После того, как в августе 1919 года Добровольческая армия заняла Киев, комиссия генерала Рерберга составила документ об увиденном в подвалах тамошних ЧК: «Весь пол большого гаража был залит стоявшей на несколько дюймов кровью, смешанной в ужасающую массу с мозгом, черепными костями, клочьями волос и другими человеческими останками. Стены были забрызганы кровью, на них рядом с тысячами дыр от пуль налипли частицы мозга и куски головной кожи... Жёлоб в четверть метра ширины и глубины и приблизительно в 10 метров длины был на всём протяжении доверху заполнен кровью. Рядом с этим местом ужасов в саду того же дома лежали наспех, поверхностно зарытые 127 трупов последней бойни. У всех трупов размозжены черепа, у многих даже расплюснуты головы. Некоторые были совсем без головы, но головы не отрубались, а отрывались... Мы натолкнулись в углу сада на другую, более старую могилу, в которой было приблизительно 80 трупов. Лежали трупы с распоротыми животами, у других не было членов, некоторые были вообще совершенно изрублены. У многих были выколоты глаза. Головы, лица, шеи и туловища покрыты колотыми ранами. У нескольких не было языков. Тут были старики, мужчины, женщины и дети. Одна женщина была связана верёвкой со своей дочкой, девочкой лет восьми. У обеих огнестрельные раны. В уездной ЧК было то же самое, такой же покрытый кровью с костями и мозгом пол и пр. В этом помещении особенно бросалась в глаза колода, на которую клалась голова жертвы и разбивалась ломом, непосредственно рядом с колодой была яма, вроде люка, наполненная доверху человеческим мозгом, куда при размозжении черепа он тут же падал“.**

В сентябре 1919-го Ларин был арестован тем же М. Лацисом. Основанием для ареста стало невыполнение им важного пункта специнструкции ЦК РКП/б/ и центрального аппарата ВЧК: «Расстреливать всех контрреволюционеров. Предоставить районам право самостоятельно расстреливать. Брать заложников, для них устроить в районах мелкие концентрационные лагеря. Сегодня же ночью Президиуму ВУЧК рассмотреть дела контрреволюции и всех явных контрреволюционеров и их сообщников расстрелять. То же сделать районным ЧК. Принять чрезвычайные меры, чтобы трупы не попадали в нежелательные руки, чем раскрывались бы методы ВЧК».*

Несколько родственников замученных без разбору людей написали в Москву о зверствах чекистов горотдела. Ларина и четверых подчинённых ему сотрудников приговорили к расстрелу.

Но опять выручила смекалка. Ларин ночью попросился к коменданту тюрьмы и рассказал ему, что один из арестованных поведал перед казнью о наличии в Петербурге подпольной контрреволюционной организации во главе с офицером царской охраны Родзиловским.

Далее следовал подробный портрет главара, особенности его речи, походки. Главное – был указан адрес действительной конспиративной квартиры, где когда-то агент «Лаврентий» получал деньги за двойное предательство. Беспроигрышный ход! Чекистов всегда манила фантастика классовых авантур и острых беспредельных приключений, а тут – прямо в цель! Четверых подельщиков расстреляли этой же ночью, а Ларин был отправлен в Петроград и назначен с понижением помощником уполномоченного горотдела. Кончилось тем, что Родзиловский был пойман под другой фамилией и, хотя „выбить“ из него организацию не удалось /никого не выдал/, а доказывать конкретную враждебную деятельность никто не собирался, он был расстрелян через три дня.

**С.Баймухамедов, «Русский базар», № 40/650, 2.8.10.2008, Париж*

В каменном подвале были двое. Один, избитый до полесмерти, спокойно стоял, опираясь о стену связанными сзади руками и внимательно вглядывался в ви-за-ви.* Чекист был одет в кожаную куртку с поднятым воротником, украшен рыжеватой бородкой клинышком /а ля Дзержинский/ и большими круглыми очками в толстой роговой оправе. Ларин поднял наган.

- Далеко же ты продвинулся «Лаврентий»? – неожиданно прошипел арестант, - я же тебе золотом платил, а ты на большевистское говно купился? Они тебя говном и отблагодарят! Помни, стукачей ненавидят все и главное – они ненавидят сами се...».

Пробитая насквозь голова дёрнулась, и представитель бывшей царской спецслужбы медленно сполз на каменный пол. Вялой и ничтожно слабой оказалась эта служба. Интеллигентская игра по правилам закончилась для неё смертельным матом.

От отдачи и вспотевшего лба фуражка упала и покатилась к убитому. Ларин краем глаза, словно чего-то ещё боясь, посмотрел на неподвижное тело. На лице Родзиловского появилась кривая улыбка. Пульсирующая струйка крови заполняла чекистский головной убор.

- Уезжать отсюда! Немедленно! Куда-нибудь в глушь, там таких глаз не бывает! Там уже никто не узнает меня!

**Дух отлетел –
Часы на главной башне
Пробили дважды три.**

**vis a vis /фр./ - лицом к лицу, лицо, стоящее /сидящее/ напротив.*

- Всё правильно, Георгий. Подписываю и звоню насчёт машин, - Ларин поднял чёрную эбонитовую трубку телефона и произнёс пароль, - девушка, мне «Кедр». Товарищ Рыжкин? Это Ларин. Здесь создаётся ситуация по плану «эЛКаЭл».* Нам бы... часам к десяти вечера. Кого с ними пошлю? Меня от температуры лихорадит. Никак не отойду. Может, Манса... Так он у меня тут сидит. Трубке ему дать? Нет? Понял – аккуратно. До свидания. Есть!

- Давай, Мансаров, минут тридцать на чай и в дорогу. В Минск повезёшь ты и отчитаешься ты. Не удивляйся и не выпучивай глазами. Тебе нужна командирская практика, а без неё не продвинешься. Молодым вперёд надо, а нам, старика, лучше уже в глубинке посидеть.

- Понял. А кто Майданова будет допрашивать?

- Ты и начнёшь. От допросов тебе тоже нельзя отлынивать. Не так поймут, да и не впервой уже для тебя. Привезёшь, сразу вниз, а там и я подойду. Разомнёмся вместе, да и старое вспомню – кровь разгоняет. Кстати, езжай с Борискиным. Последний раз, когда на точку в лес этих вывозили, увиливал что-то. Поактивней его привлекай, а то неровен час... Понял? Пусть и такую работу делает.

- Так точно, привлечём. Уж от меня не отвертится!

- Давайте, в добрый путь! Бог в помощь!

Через минут двадцать Мансаров и помуполномоченного Борискин Семён, накинув поверх гимнастёрок серые куртки-пальто, тряслись в ободранной кабине «Форда-Тюдора» по Березинской улице.

- Куда дальше сегодня? – спросил немногословный Кулашидзе. Никто, даже начальник райотделения, не знал толком из каких краёв и по какой причине попал в середину болотной Беларуси этот, то ли грузин, то ли осетин. В Минске поговаривали, что он, работая в Пятигорске, в банде чекиста Артабекова, лично отправил на тот свет более пятидесяти человек. Шептались – вызвался не стрелять, а отрезал головы кинжалом. Покушались там на него даже свои, вот и сохранили ценного кадра, упрятав среди белорусских лесов.

- Куда? Дуй сначала на Деруцкую, Городище, а там в Ситники. В деревне спросим, где дом. Вот тебе бумажка. Вручишь лично Майданову на допрос в город. Ничего с собой не брать. Завтра приедет. Я буду возле калитки, а Борискин сзади, со стороны огородов.

- Завтра, говорите, - шофёр криво ухмыльнулся. Кто-кто, а он знал цену этим лживым словам. Он хорошо читал стремительный бег времени в глазах обречённых. Прожитые годы для них летели секундами, а оставшаяся минута казалась всей жизнью...

* ЛКЭЛ – ликвидация контрреволюционного элемента /проф. Аббревиатура прошлого/

Два подпаса стояли в тени широченной ольхи и, обмахиваясь ветками, отгоняли назойливых и кусачих оводней. Чёрно-белые коровы усиленно работали хвостами и, не отрывая голов от сочных трав заливного луга, набивали животы витаминами, прихватывая иногда в качестве ароматных добавок полевые цветы. Пастуха Франэка не было. Он пошёл за махоркой в Берёзовку. Туда и обратно было почти четыре километра, плюс – тары-бары возле магазина. Итого, полтора часа вольготного времени были в кармане у молодцов. Хлопцы были уже в том возрасте, когда долетавшие до их ушей разговоры взрослых оставляли в душе след. Неглубокий, больше поверхностный, но временами тревоживший своими неожиданными поворотами и неизвестностью

- Слушай, Петька, а почему гонят всех в эти колхозы? Да не просто так, а под ружьём или наганом? Слыхал, сначала с Барсуковки взяли два хутора, потом даже издалека, из Малой Черновы – человек пять или шесть...

- Мой батька говорит, что это Люцифер теперь правит.

- Может быть! А мой, что сейчас легче будет, чем за прошлый год. Соберут всех в колхоз и там будут выдавать поровну на голову – и зерна, и готовой муки, хлеба тоже будет вволю...

- К моим приходила родня издалека. Какая-то Городня или Гродне. Те знают точно, так как сами за Польшей жили. Они говорили, что красные уничтожат всех, кто не пойдёт сам в колхоз. Новой власти, Советам этим, лучше управлять, когда народ в кучу сбит. Ну, как наши коровы в стаде. Лучше и ловить, и доить, а когда какая часто отбиваться будет, или брыкаться, то знаешь – на мясо пойдёт.

- Сэлик, что ты болтаешь? А если кто захочет своей семьёй на земле работать? Он же никому плохого не делает, а налоги, или ещё, что новая власть говорит, платить, то это же нормально, по-человечески?

- Ты, Петро, дурной, как пень! Слышал ли ты или видел, чтобы под ружьём свадьбу справляли? Когда на тебя наставят дуло и скажут, что нужно их песни петь или мордоваться днём и ночью не на себя, а на эти Советы, то ты и заголосишь. Может не сразу, а потом. Стой! Что Это?

Сквозь шелест стрекоз и лёгкий шум листвы донёсся звук мотора. Он завывал то громче, то проваливался куда-то под землю, но крепчал и крепчал, заполняя нежную природу железным грохотом и бензиновой вонью.

Сэлик и Петька, не сговариваясь, бросились бежать. До последних кустов оставалось метров тридцать, когда кто-то со стороны дороги громко крикнул, но не им: „Эй, ты! Подойди сюда!“

Инстинктивно, как и подобает жителям настоящей глубинки, подростки остановились и уже медленно подобрались поближе – возле открытой дверки чёрного автобуса стоял пастух Франэк и что-то объяснял человеку в тёмно-зелёной гимнастёрке. В глубине салона угадывались тени других людей. Франэк с изменившимся лицом не пошёл, а поковылял через луг, а

автомобиль, выпустив ключья синего дыма, быстро поскакал по бугристой дороге дальше, туда, где начиналась кромка Дрехчанского бора.

Чёрный ворон сидел ночью, как всегда, на верхней ветке высоченного тополя. В старом парке Липеня их осталось с десяток. Остальные то ли от возраста, то ли от звенящих пил пришлых людей исчезли, распавшись, кто на дрова, кто на плашки, а кто и сгорел на костре. Вдруг снизу донеслось: „Не бейте по ногам, я всё понял, ой, ой!“ Ворон вздрогнул от неожиданности и, если бы не мёртвая хватка когтистых лап, мог бы свалиться во время глубокого сна вниз.

Человеческие нормальные голоса его не пугали, но звук этот? Как быка резали – сип, шипение какое-то, клёкот! Будто и не человек уже? Видимо от близкой смерти это!

Птица в темноте слетела с верхушки и точно приземлилась на трубу бывшего банка, занятого уже лет шесть районным отделением ОГПУ. Все перья на голове и шее ворона поднялись дыбом.

- По голени бей, салага! Оттягивай сильне!

- Ооо, ооо! – вой то затихал, то поднимался, казалось до ночных звёзд, - всё подпишу. Милые мои, не трогайте больше! Нога уже поломалась, перевязать дайте что. Боженька, помоги! За что мне так?

Стальной голос: „Кто, кроме тебя, входил в организацию недовольных советской властью людей? Кто присутствовал при твоих контрреволюционных призывах возле магазина в Ситниках? Говори, сука кулацкая, пока хребет не переломали! Кто был возле тебя? Лесник Знак, Ольга из магазина? Называй! Ах ты, гнида крестьянская! Мансаров, добавь!“

Мокрый треск стрелой выскочил из кирпичной трубы, больно задев ворона. Уже не плач, а рёв и предсмертные стенания вырывались в ночь из черева глубокого подвала через единственный туннель, туда, к звёздам и, видимо, к другим мирам. Вселенная переворачивалась, швы её трескали, рушился кусками свод, но палачам было недосуг – цель ещё не достигнута, а до приезда грузовиков оставалось только часа два.

- Список вражеских лиц, или жизнь твоя здесь закончится! Ну, Мансаров!

- Не нужно больше, прошу вас! Дошло до меня, уже дошло! Пишите, пишите, сам я буквы слабо знаю. Так что мне писать? Ох, грех какой! Боже, помоги!

- По списку будем, кто ближе к Ситникам.

- Сымон, - вкрадчиво предложил Георгий. Как-будто не было ударов дубовой армейской табуреткой, не было и хруста костей, - давай договоримся. Отсюда выхода только два – через дверь или через трубу. Сейчас я тебе назову раскрытых нами и арестованных членов вредительской организации, а ты подтвердишь, что они действительно существуют и ты знаешь их, места проживания и немного осведомлён с ихними враждебными планами. Если не подтвердишь, то семьи тебе не видать. Не скажешь – не беда, у нас в подвалах ещё три человека из твоего села сидят, но они останутся, а тебя

уже не будет, только горка пепла. Врагов мы в печах сжигаем. Мансаров пошёл вразнос. Он уже был во власти чекистского ража и фантазии. Он ясно видел пламя пролетарских печей-чистилищ, корчившиеся там фигурки этих недоносков и разгоравшееся коммунистическое зарево над тёмной и забитой Беларусью.

- Ну, вот, порядок. Сколько, двадцать шесть? Организация уже есть! Георгий, проводи Майданова, пусть сегодня отдохнёт, а завтра домой отвезём. Нога же!

- Ой, спасибо. Нога заживёт. Служба у вас тяжёлая. Сочувствую. От детей моих, от жены – спасибо вам, вас... Я сам докалдыбаю, или коня какого найду. Есть же в городе люди ещё хорошие? В ту сторону частенько ездют... Ещё ж не поздно, может до полуночи?

- Ну, нет, дорогой. Что ж мы - звери? Отдохнёшь, придёшь в себя, да и ногу перебинтуешь. Давай, Мансаров, устал я уже. Оформись побегом. Нам сейчас показывать его нельзя, - Ларин махнул рукой и, не оборачиваясь, вышел.

У Мансарова стало горчить во рту. Он прокашлялся, выплюнул сгусток собственной крови. Видимо от старания закусил губу, когда бил табуреткой. Подал Майданову вместо костыля черенок от лопаты и приказал идти наверх.

- А как же я, сколько здесь ступенек! Высоко нужно лезть, почти в небо. Но всё же выход какой?

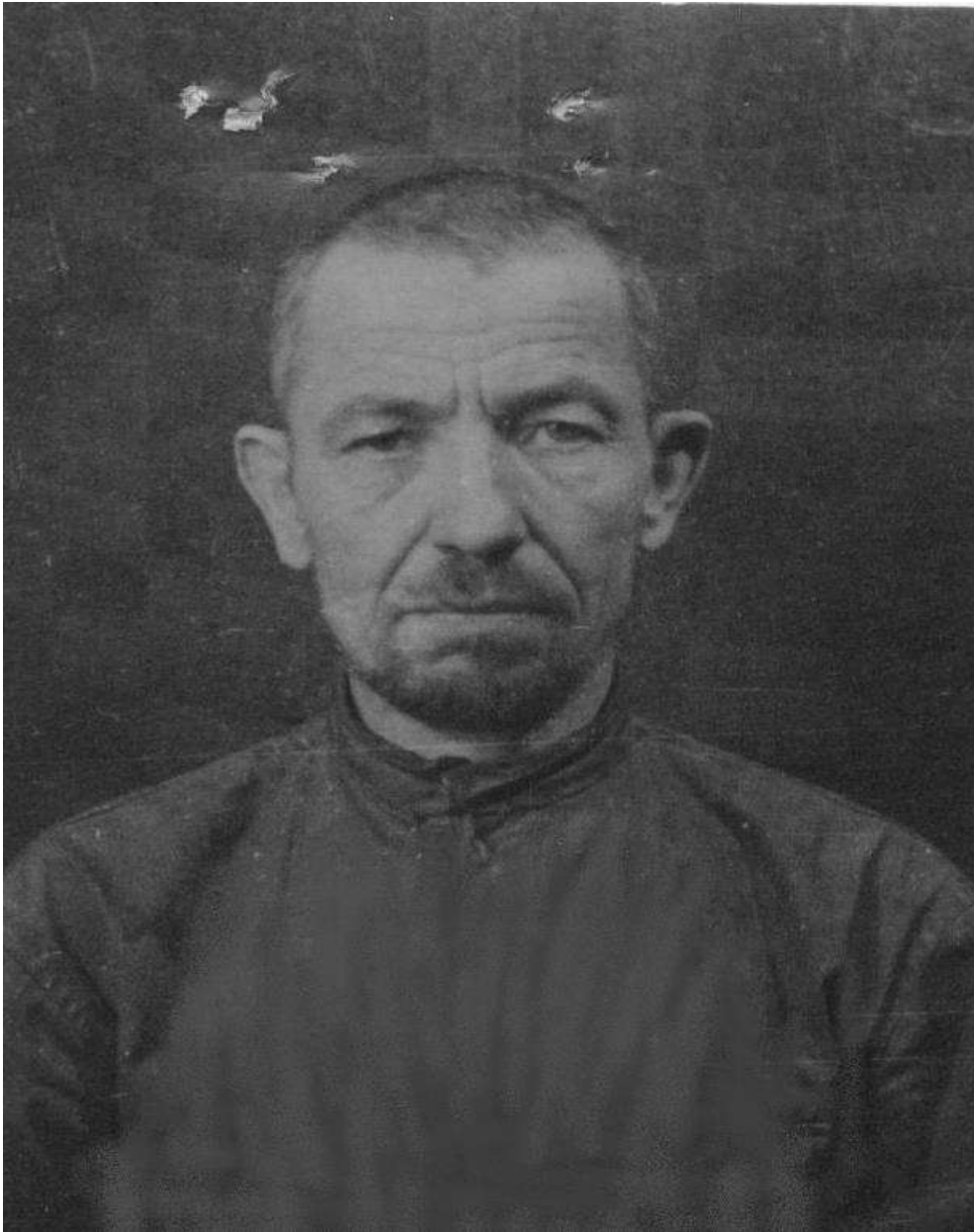
- Выход есть, давай вверх на свежий воздух! Там подышишь.

Сымон Майданов и в таких страшных обстоятельствах ещё верил этим зверям. Он понял, что спасся, хотя был на волосок от смерти.

- Ну, ещё три ступеньки, а там... и за дверь... Нога заживёт, но сейчас везде молчать буду...

Слова Сымона сбылись – он замолк навеки! Сымон правильно оценил и ситуацию и свои шаги... Ни звука выстрела, ни боли он не почувствовал – мгновенная смерть от руки чекистского убийцы унесла ещё одного работника земли белорусской, ещё одного сына и отца, мужа и христианина. Руки чуть задрожали, когда Мансаров попытался быстрее натянуть толстый холщовый мешок на голову убитого. Кровь стекала по ступенькам вниз, а душа этого кристального человека уже продумывала путь наверх, к Богу...

**Дух отлетел –
Часы на главной башне
Пробили дважды три.**

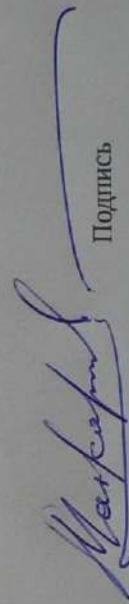
С п и с о к

лиц, скомпрометированных показаниями арестованных по делу об антисоветской организации № 66 от 16.06.1929 г.
Липеньского райотделения ОГПУ по Минской области

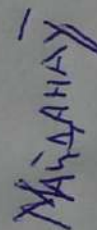
Номер п/п	ФИО	Год рождения	Место проживания	Место работы, должность	Кто дал показания	Содержание показаний
1.	Аляхновіч Мікалай Іванавіч	1898	в. Уборкі	аднаасобнік	Майданаў Сьмон	Аднаасобнік, а/с настроен
2.	Аколаў Адам Сцяпанавіч	1870	х. Дуброва	-- //	-- //	-- //
3.	Ксяневіч Адам Мікалаевіч	1893	ур. Вялікі лес	-- //	-- //	-- //
4.	Ксяневіч Іван Мікалаевіч	1893	-- //	-- //	-- //	-- //
5.	Жыдовіч Аляксандр Васільевіч	1872	в. Ператокі	-- //	-- //	-- //
6.	Скуратовіч Аляксандра Альфонсаўна	1875	-- //	-- //	-- //	-- //
7.	Скуратовіч Антон Іосіфавіч	1907	-- //	-- //	-- //	-- //
8.	Скуратовіч Вольга Фёдараўна	1903	-- //	-- //	-- //	-- //
9.	Скуратовіч Станіслаў Лукіч	1898	-- //	-- //	-- //	-- //
10.	Івановіч Пётр Кірылавіч	1900	х. Пагулянка	-- //	-- //	-- //
11.	Шайкоўскі Антон Нічыпаравіч	1887	-- //	-- //	-- //	-- //

12	Знак Ермалай Яўцiхiевiч	1891	в. Нежаўка	ляснiк	
13	Знак Сямён Iванавiч	1891	-- // --		
14	Круглiк Аляксандр Iосiфавiч	1895	-- // --		
15	Круглiк Захар Уласавiч	1864	-- // --		
16	Круглiк Фадзей Захаравiч	1901	-- // --		
17	Пятровiч Iван Iгнатавiч	1880	-- // --		
18	Вяргейчык Уладзiмiр Васiльевiч	1899	в. Грабёнка		
19	Леанартовiч Iван Гвiдонавiч	1877	в. Драгча		
20	Корзiк Антон Iванавiч	1877	-- // --		
21	Матусевiч Iосiф Г'ўрылавiч	1903	-- // --		
22	Ласiцкi Фелiцiан Францевiч	1906	в. Дубовы Лог		
23	Лiсоўскi Антон Лявонавiч	1908	-- // --		
24	Лiсоўскi Iгнат Лявонавiч	1903	-- // --		
25	Пiатух Аляксандр Карлавiч	1898	-- // --		
26	Тумар Канстантiн Пiлiпавiч	1903	-- // --		

Документ оформил ул-ый Липеньского РО ОГПУ Мансаров

 Подпись

Дал показания Майданаў

Подпись

Первый покос

На столе начальника Липеньского райотделения ОГПУ товарища Ларина лежала мятая военная топографическая карта со свежим штампом в правом углу – «Совершенно секретно». Карта масштаба 1:1000 Липеньского района была выпущена в 1914 году топографическим управлением Генерального штаба русской армии. Гриф стоял не потому, что устаревшая карта была секретной и там могли быть обозначены координаты войск, артиллерийских батарей или оборонительных линий. На зелёном фоне лесных массивов и болот, почти возле каждого населённого пункта, даже возле далёких хуторов, была нарисована странная математическая формула – в числителе синим карандашом написано, к примеру – 98, затем в скобках красным – $/1+2/$, а в знаменателе, уже чёрным – 27. Возле крупных сёл все цифры увеличивались, словно то был подсчёт оставшегося крупного скота на подворьях. Иногда попадались и нули...

Сотрудники были одеты в зелёные гимнастёрки, галифе у Ларина и Мансарова были синие, а у других зелёного цвета. На васильковых петлицах мрачно, словно волчьи глаза в тёмную ночь, бордовым пламенем горели шпалы. Три у шефа, две у Мансарова и только одна у Борискина. Из-под клапанов кобур тусклым серебром светились отполированные постоянным употреблением доньшки револьверных рукояток. Это были специальные револьверы системы Наган с укороченными стволом и рукояткой, модернизированные в 1927 году для „острой“ нужды оперативных работников ОГПУ. Сапоги начищены, в воздухе, кроме удушающего запаха дешёвых папирос «Красноармеец», был слышен мужской парфюм «Свежий ветер революций». Все готовы к работе. Осталось уточнить маршрут, списки и дожидаться прибытия спецтранспорта.

- Не вертись, Борискин! Что это ты, как только любая баба под окном проходит, так твоя голова, как привязанная, за ней?

- Ну, что вы, Владимир Лаврентьевич. Без семьи уже почти полгода. Моя всё время спрашивает, когда я хоть комнату получу?

- Получишь. Отбарабанимся без замечаний, тогда и замолвлю словечко перед „первым“*. Слушайте все! Принимая во внимание скрытность операции, мы начнём там, где не так много сёл, да и дорога далеко от главной. Ещё – контрреволюционные элементы, как и ожидалось, сосредоточились недалеко друг от друга.

**имеется в виду первый секретарь райкома партии. На периферийные «органы» жилой фонд Центром не выделялся. Квартиры они получали за счёт районов, где тяжело „трудились“.*

Это заставляет нас думать, что между ними могли установиться тесные связи, поэтому быстрота и чёткость арестов должны быть на первом месте. Для этого обговорим моршрут и совместные действия двух чекистских групп. Записывайте за мной направления, названия деревень и фамилии изымаемых.

По полученным от арестованного Майданова спискам, начнём с села Уборки. Записывай, Мансаров. На русском, а то с этой белорусской тарбарщиной разобраться трудно. Русский исковеркали до неузнаваемости. По порядку. Едем в сторону Минска. На перекрёстке Апчак направо в направлении Драчково. После Петрович переезжаем деревянный мостик через Волму и по лесной дороге полтора километра. Забираем там Алехновича, он в списке первым, и обратно до Полянки. Там налево. Через 3.5 км с правой стороны Дубрава. Во втором доме забираем Аколова А. Все грузятся на первую машину. После села Дыхань до перекрёстка, затем в Великий Лес. Там Ксеновичи Адам и Иван. Потом объезжаем Пятигорку и направо. Через километра три Перетоки. Там Скуратовичи на отшибе. Забираем Александра, Антона, Ольгу и Станислава. Рядом с ними Жидович А. Всего 5 арестантов. Через деревню Вызволение правее и через 6 км. Погулянка. В центре дома – Твановича и Шайковского. Далее Нежевка. Там работы много – Знак Ермолай и Семён, Круглики Александр, Захар и Фадей /два дома возле болотца/ и Петрович И.

Внимание! В Нежевке разбиваемся на две оперативные группы. Первая из шести стрелков, водитель и Борискин с 18 арестованными ждут другую группу за деревней Барсуки, возле моста через реку. Без конвоя по нужде не выпускать. Попытка бежать – расстрел. Тут же закапывать. Шанцевый инструмент, как всегда, в грузовиках. Вторая группа во главе с Мансаровым, четырьмя стрелками, водителем Кулашидзе направляется в сторону Гребёнки, забирает Вергейчика В. И., следует до Драхчи за Ленартовичем И., Корзиком А. и Матусевичем. Затем Рудня и через 4 км. Дубовый Лог. Там повнимательней, народец лесной, злобный, могут пальнуть! Забираете Лосицкого, Лисовских Антона и Игната, Пиатуха А. и Тумар К. Соединяетесь вместе, сверяете список и, не заезжая в Липень, прямо в столицу, во двор ОГПУ. Туда я позвоню после окончания операции. Все сотрудники, кроме Мансарова, он сопровождает груз, выходят возле Натальевска и пешим порядком в отделение. Ждём звонка о прибытии в Минск. В центр должны доехать не менее 26-ти арестованных. В сторону небольшого увеличения можно, на две, три единицы. Систему знаете – до села спешили, уполномоченные уточняют по своим каналам адреса и нахождение объектов. Затем тихо к домам. Окружать весь участок. В отдельных случаях, где большое число, всю деревню! А то сиганёт из сарая или бани, тогда не его, а вас к стенке!

Никакого внимания ни на вой, ни на плач, ни на детей! Оружие на товсь! Это истинные враги! Пожалеете сегодня их, завтра они вас будут из жизни

изымать! Сколько там осталось? Полтора часа? Разрешаю по стакану. Для расслабления. Да, возьмите с запасом верёвки и электропровод. Все должны быть связаны!

Узкая брусчатка с провалами и длинным горбом посередине, оторвавшись от города, через километров пять уткнулась в стену елей. Тёмно-зелёная полоса тянулась нескончаемой лентой, обнимая с двух сторон вспаханные просторы, отделяя поле человеческое от небесного. Два двухтонных грузовика марки «Руссо-Балт М 24/40» с брезентовым навесом, барабанившие пустотой по булыжнику, допрыгали до лесного массива и замедлили ход — мостовая закончилась. Дальше пару километров тянулась гравийка, потом вообще ничего. Густые ели попеременно с ольшаником и орешником преграждали путь глазу, пытавшемуся рассмотреть что-нибудь в зелени. Вблизи стволы различались, но в глубине деревья соединялись в общую массу и закрывали всё, что могло быть в этом лесном мире. До сего времени он был гостеприимен к тем, кто посещал его. Терпеливо сносил порубы из-за потребности людей окружить себя деревянными стенами, защитить от дождей и снегов семью, дать старикам тепло и уют под крышами белорусских хат. Не думала природа, не думал вековой бор, не ведали люди, что для ледяного ветра пришедших перемен тёплое дерево не станет преградой, не укроет землеробов от подозрений и злобы, от зависти люмпенов к труженикам села.

Темнело, включённые фары пока помогали слабо. Небо освещало ещё нитку дороги, а впереди грузовиков уже бежала какая-то продолговатая серая тень.

- Видите, товарищ комендант*, как к длинным корням приближаемся, так

пятно это, как-бы руки в стороны раскидывает. То ли приветствует, то ли путь преграждает.

- Точно! Не замечал. Езжу часто, о дороге не задумываюсь, а она сама, оказывается, что-то показывает.

- Эта дорога не наша. Она больше предупреждает, чем показывает... Как крест руками, как путь в никуда...

- Какими-то загадками говоришь? Смотри у меня! Шофёр, шофёр, а мысли непонятные, упаднические.

- Да что вы, я всей душой за нас. А это от усталости. Вы хоть меняетесь с Чернобаем, а я всё кручу и кручу. Уже глаза выкатываются к вечеру, а ночью, когда в свете фар ещё люди эти целыми рядами, то уже лиц не различаю, а силуэты, масса одна. Как думаете, болезнь уже это или усталостью чекистской можно объяснить?

- Я не доктор. Думаю, что очки тебе нужно классовые, рабочие прописать, но не для улучшения зрения, а чтобы ерунды не говорил и поменьше всякого видел. Чище наших рядов нет и не было, а ты о преступниках. Если уже попал к чекистам, то до конца дней твоих в ихних рядах должен! А? Вот тебе моя философия, а то – ряды, ряды ему... Реже будет их строй – легче управлять, прозрачнее станет в стране. Гляди направо. Насколько в глубину различаешь?

- Да сейчас почти ничего.

- Вот тебе и наш чекистский закон по понятиям – проредишь чащобу гнилую, безопаснее и светлее станет, да и движения всяких лесных тварей заметнее. Дёрнется кто-нибудь, а ты увидел издали и уже начеку. Раз на курок – и гада нету!

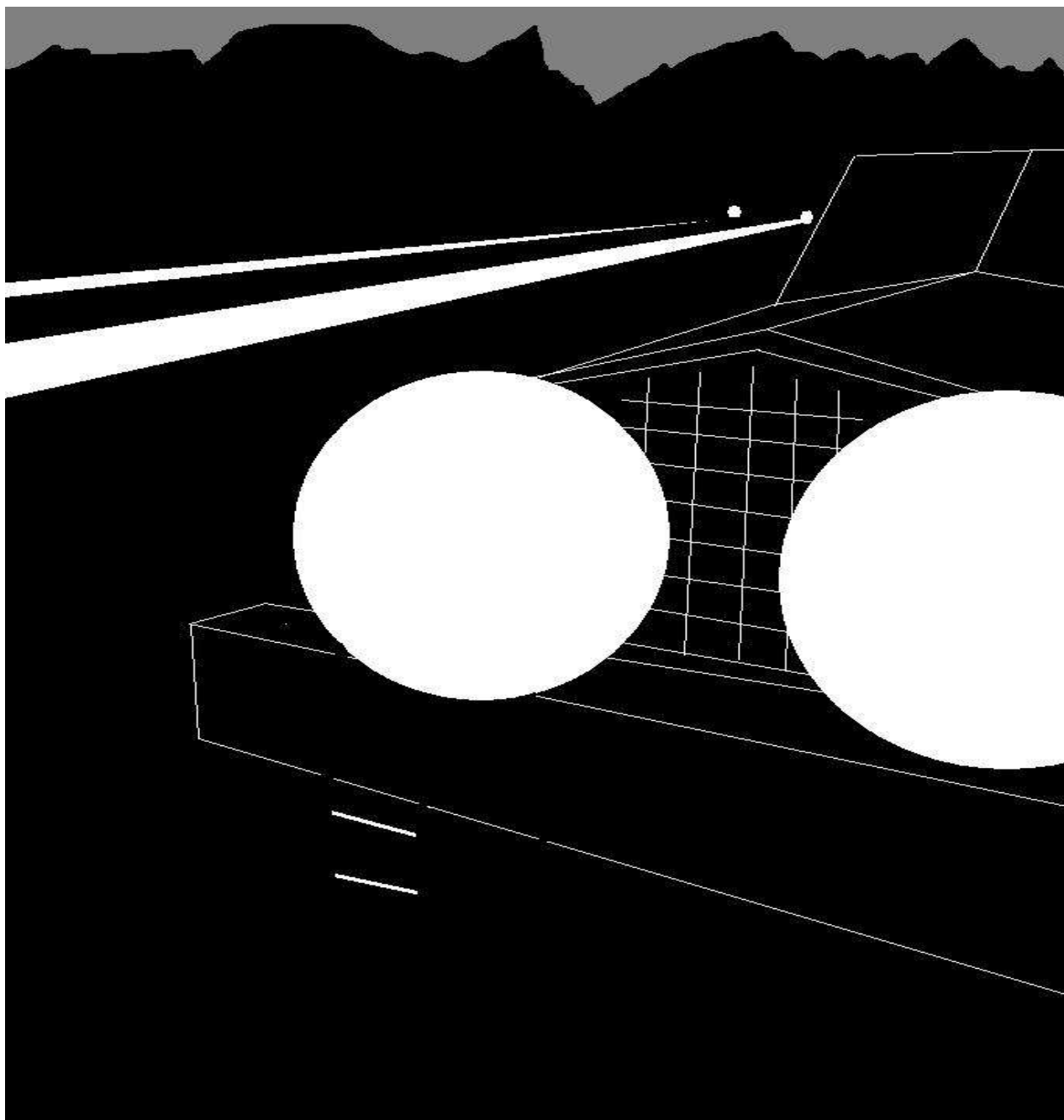
Натужно гудели моторы. Грузовики будто сами не спешили прибыть в назначенное место. Быстро темнело. Жёсткие корни, кое-где пересекавшие поперёк всю дорогу, заставляли подпрыгивать и железо и людей. У слабонервных создавалось впечатление езды по человеческим костям. Тёмно-бордовый круг солнца почти опустился за кулисы лесных зубцов и выпустил в глаза ездоков прямые, ядовитые стрелы. Они били в зрачок и мешали правильному рулению.

- Давно заметил, когда едешь на аресты, то и природа против, - подумал про себя бывалый водитель, - то грязь непролазная, то снег заваливает, а сейчас ни хрена не вижу. Глаза мокреют, но не от слёз же?

Он прикрылся левой ладонью, а правой продолжал вертеть туда-сюда чёрное рулевое колесо с четырьмя стальными спицами, вбитыми крестом в эбонитовый круг.

- Что это за силуэт чёртов впереди бежит? Не к добру. Уже казаться начинает...

**в прошлом в обязанности комендантов ЧК, ОГПУ, НКВД входил расстрел жертв. При больших количествах и постоянной работе расстрелы проводились спецгруппой из сотрудников комендатуры. Оперативный состав привлекался редко.*

С левой стороны деревья расступились, раскрыв небольшой клочок зем-ли, возделанной руками человека. Издали, от гряды берёз ровными канав-ками тянулись борозды, будто чьи-то могучие пальцы, лаская земную по-верхность, оставили следы крестьянской любви.

Середина июня. Только, только главная для жизни зелень начала проби-ваться наверх. Тонкие, гибкие струйки будущих хлебов уже впитали тепло солнца, пахучий ветер и, политые редкими грозами, красовались своей мо-лодостью и желанием жить. Деревья надёжно укрывали слабые ростки от

бурь, холодов и набегов саранчи. Природа, словно на ладонях, пестовала этот символ труда людей – лес раскрылся именно в этом месте, обнажая истину истин – в поте лица своего люди добывали хлеб свой. То была пора, когда сорняки ещё спали, колючки разные и лопухи были маленькие, а простенькие цветы довольствовались межами и окраиной полей.

Всё бы и дальше так, но вековой строгий порядок весеннего рождения уже нарушался кое-где гибкими, льстивыми движениями жёстких и шершавых на ощупь растений. Внешне они мало чем отличались от главных на этом поле – такие же тонкие, поменьше ростом, но пока без зелёных пёрышек, с какой-то странной пупырышкой на голове, вроде микрофона-жучка или злокачественного нароста. Юные злаки росли вместе, соперничая и подгоняя друг друга, а эти, пониже ростом и неказистее, выполняли поодиночке, сливаясь с первыми. Иногда пупырышки оказывались наверху, но тут же прятались, заслышав серп или косу в крепких крестьянских руках.

Что это? Симбиоз, идущий из седых глубин? Рок? Судьба быть вместе, яро ненавидя друг друга? Невозможность развиваться по одному, отдельно? Яд или букет для единственной? Желание любым путём быть среди других – работающих, талантливых, искромётных, интересных, но через тайное соперничество, через липкий шепоток, прогнутую спину и пожатие потных ладошек. Что это – тайное чувство униженности серых существ, задержавшихся на нижней ступени развития, или их сознательная мерзкая плата первым? Всесилие держателей тайн или превосходство толпы над думающими и страдающими, а, может, оргазмоподобные содрогания дегенератов при виде крови и несчастий трудолюбивого и порядочного соседа?

Откуда это рождается, приходит, пришло? От жёсткой, но тёплой ладони пращура, гладившего подползшую за костью собаку, от сознания раба, что есть из рук хозяина лучше, чем голодать? От щемящей тоски врождённого дебила по чему-то неизведанному, нераспознанному, но притягивающему высотой полёта?

Всё это известно, но мы не учимся, мы не боимся греха, мы забываем горечь былого, мы снова рвёмся в направлении, указанном очередным перстом к придуманным для нас целям, несуществующим высотам и миражам на горизонте. Мы не актёры в этой игре, даже не зрители, мы те, кто стоит за дверью под ударами злой стихии и просят и просят униженно билетик на их „пир“ во время нашей чумы!

- Завёз? Замечания какие? – строго спросил Ларин, - возьми теперь карту и сделай поправки по оперативной обстановке. Не откладывай, не то придут с проверкой, а у нас там мёртвые души. Мы же с мёртвыми не работает? А? – хохотнул он и довольно потёр руки, - хорошо, почти тридцатник за неделю оформили. В этом месяце не хуже, чем у соседей. Так что там?

- Замечаний никаких. Я, как и раньше, во внутренний двор. Дежурный по тюрьме принял всех по списку и под конвоем сразу на допрос, пока не остыли. Оперативно сработали. Никакого шума. Соседи даже не всполошились. Собаки, правда, лаяли, но никто их не слушал. Сексоты помогли здорово. Я в дом не успевал зайти – уже снаружи стояли, а у «Варяга», «Стального» и «Решительного» даже списочки были заготовлены...

- Какие там списочки? Ты что, операцию заранее раскрыл? Да за это...

- Нет, нет. Это я неправильно выразился – рисуночки у низ были, схемы – где и что. Какие дома, сколько в них живёт...

- Как там Борискин действовал?

- Нормально, даже одного подстрелил – хотел выпрыгнуть по дороге.

- Совсем подстрелил?

- Ну, как сказать? Машины отъехали, тот заорал и в лес. Борискин навскидку прямо из кабины и положил. Мы его здесь же закопали, но больше никто уже не дёргался. Пришлось для ровного счёта вернуться. Брата забрали. Тоже кулак. Фамилия та же, а имя? Кто там будет разбираться? Тюремщин сказал, что до часов трёх ночи допросы, потом оформление документов ещё час... и в распыл. У них крайне трагичная ситуация – совсем нет мест в тюрьме. Бедолаги вкалывают напролёт все ночи. Нее, такой работы не хочу. Лучше здесь на свежем воздухе.

- То-то! Соображай на будущее. Сегодня делай уже задел на завтра и на следующий месяц...

- Можно попробовать и на год вперёд...

- Нет, на год не получится. Здесь нужен постоянный, но медленный прогресс или прирост, а его не угадаешь. Плюс, окраска меняется, то по «шп» брать, то по «вр», то через «сб»* просеивать. Видишь, теперь занимаемся коллективизацией. Ну, ещё годик, второй – закончатся кулаки, а потом что? Да и планы эти. Как сверху свиснут „количество добавить“, придётся перестраиваться на ходу. Но на неделю, месяц вперёд у тебя всё должно быть чин-чином! Карту в порядок опять приведи, а потом доложишь. Займёмся планированием. С Борискиным и Кораблёвым в отгул до четырёх, а потом сюда. Понял? А карту не забудь.

- Вот чёрт хренов! – ругался про себя Мансаров, раскладывая карту на своём столе, - пока тут разберёшься, а ему жаль пару часов на отдых добавить.

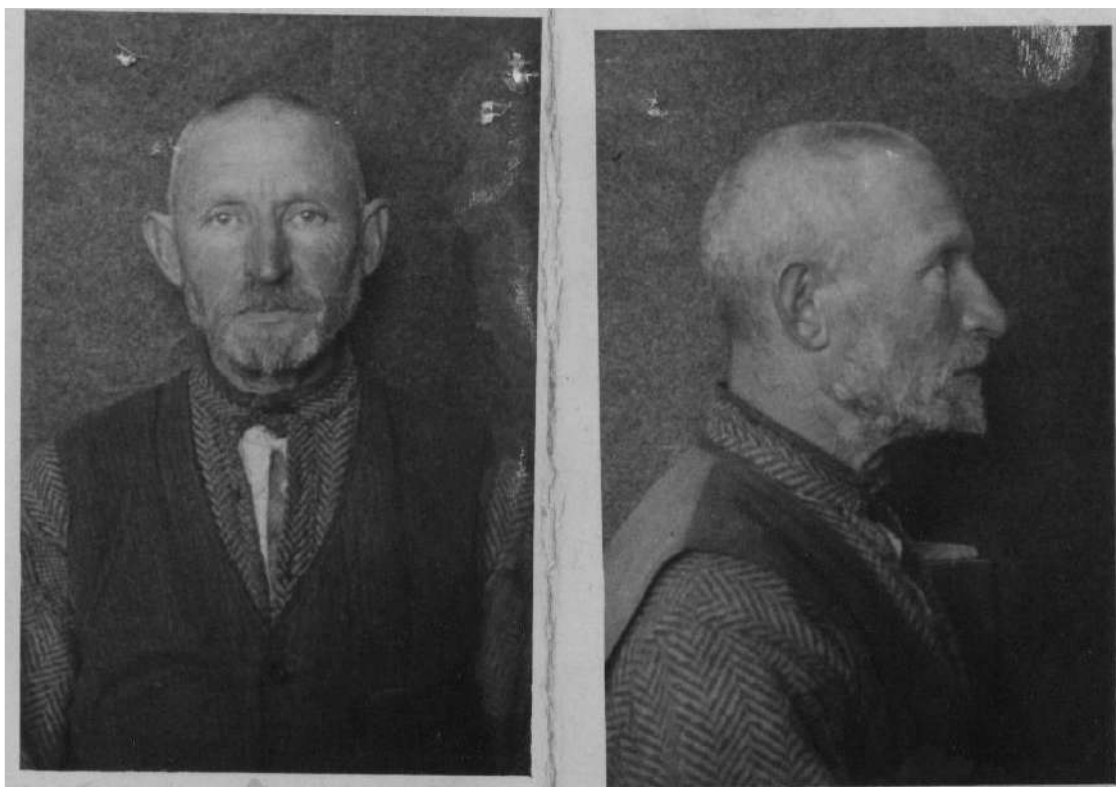
Карта была большого размера и свисала с двух сторон стола. Задача оказалась легче, чем он думал сначала – почти все арестованные жили в сёлах, сосредоточенных на севере района. Можно сказать, компактно.

- Интересно! Мы обработали самую населённую часть. Причём, лесную. Дальше хуже. На восток большинство деревень не в лесах, значит скрытность операций будет сложнее обеспечить.

**шп – шпионаж, вр – вредительство, сб – саботаж*

Придётся выдумывать что-нибудь. Можно и сбор в военкомате организовать по нашим спискам. Кого не будет, доставим потом. Двор там закрытый, охранять легче, да и воя по домам не будет. Меня уже тошнит от него. Как услышу детский визг или бабий рёв, то по ночам даже кажется. Ни аппетита, ни нормального сна, жена уже с вопросами пристаёт: „Где, с кем был?“ Знала бы с кем? Лучше бы с девкой какой, чем с этими! Какие глаза у них там, вл дворе ОГПУ? Уже ничего живого, что им не говори. Чем занимаемся? А не будешь, так и тебя! Вот, в Молодечно нашёлся сердобольный опер, так его сначала в младшие, потом в шофера, а через пару дней исчез с семьёй. Объясняли – в далёкий сибирский райотдел, а брат его мне шепнул – „семью в Сибирь, а его в подвал!“ Под боем заставили показать, кто из своих ещё от такой „работы“ морщится, а потом и расстреляли.

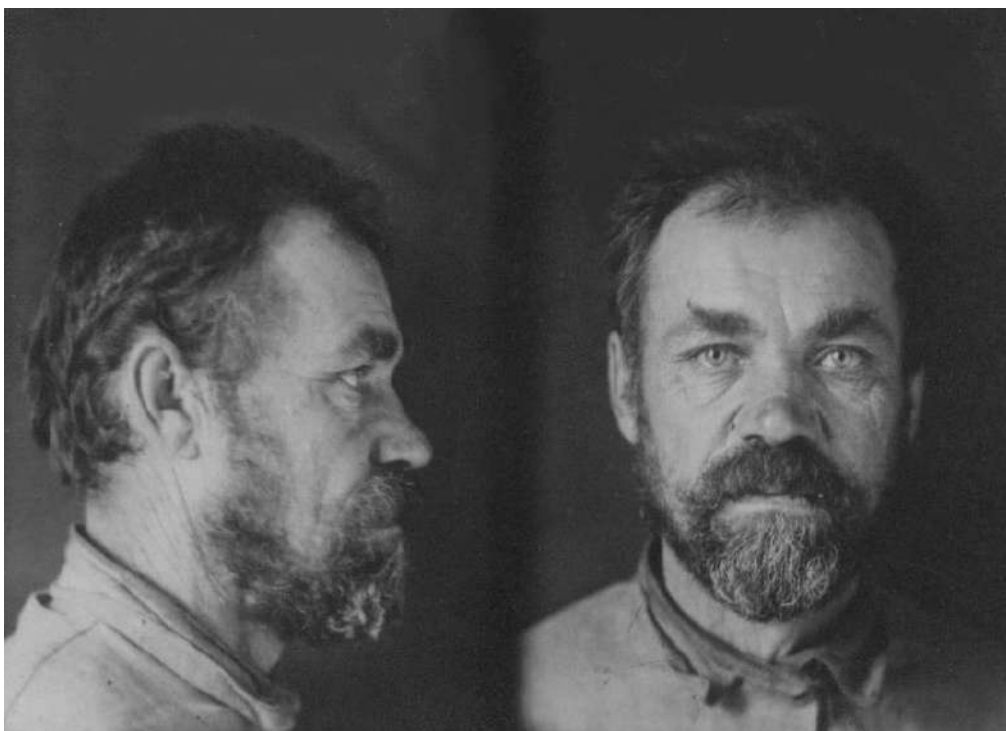
Георгий вздохнул то ли от усталости, то ли от ноющих иногда ошмётков совести, достал из сейфа том по району и начал сверять списки по проведённой операции с данными, обозначенными на карте.

Возле села Уборки было написано – $\frac{14}{0+0/}$. Мансаров исправил на 13,
 $\frac{1}{0}$
а в знаменателе поставил 0. Получилось – $\frac{13}{0+0/}$. И так далее. Справить-

ся удалось за минут сорок. Сёл было девять. И возле каждого на карте стояла уже исправленная загадочная формула! Возле села Дубовый Лог ранее значилось – $\frac{48}{5} / 1+1/$. После исправления – $\frac{43}{0} / 1+1/$.

Формула была придумана не Мансаровым и не Лариным. Это был новый математический продукт, выработанный практикой чекистов, и означал он, что жителей в селе было 48, из них один сексот и одно доверенное лицо. Внизу обозначено количество врагов – 5 человек, выявленных через этого же сексота и доверенного. После операции жителей стало уже 43, враги до поры исчезли, а количество тайных информаторов осталось неизменным. В некоторых местах знаменатель не исчезал весь, оставалось ещё какое-то количество заготовленного впрок „материала“. Опыт шлифовал методику работы, а такая методика окончательно закаляла и без того стальные горевшие сердца. И так возле каждого села. Конечно, не только в Белоруссии.

- Ну, вот! Закончил. Теперь можно и к семье.

Мансаров положил все документы в сейф, закрыл его, осмотрел кабинет и стол и, не заходя к Ларину, вышел из здания райотдела.

Он жил недалеко, напротив базара. Там, в тени лип стоял крепкий польской постройки дом, где семья чекиста снимала во второй половине две комнаты.

На территории базара почти никого не было – середина недели. Только на лавках первого ряда сидели двое мужиков и две бабы. Перед ними на газете были разложены яйца, сыр в тряпочке и пару вязок молодого укропа. Они беседовали о чём-то, но, увидев Мансарова в створе ворот, резко замолчали. Боковым зрением Георгий заметил, как одна из женщин перекрестилась, а бородатый мужик сплюнул на землю...

- Точно кулачье! – определил сходу чекист, - сволочи, уже пронюхали. Видимо, у них своя сеть сексотов по району, иначе, почему так быстро до гора дошло? Нужно будет тщательно и с этим разобраться. Сегодня же спрошу у «Семёна», кто был на базаре.

С чуть подпорченным настроением Мансаров осторожно открыл калитку и вошёл в свой двор.

То была не просто деревянная калитка. Казалось, что особого в кривом сооружении из четырёх досточек, двух поперечных и одной по диагонали? Для Георгия это был особый ритуал. Он и сам не знал, когда и зачем придумал его, но был рад этой придумке. Каждый раз, открывая свою калитку, он представлял, что перешагивает из мира злобы и тревог в мир уюта и теплоты. Закрывая её за собой, он оставлял снаружи личину чекиста, свой непробиваемый, пропотевший панцирь, снимал надоевшие до смерти доспехи, надетые на душу и сердце по приказу „железного“ Феликса. Он с ужасом замечал – его лицо ожесточается, покрываясь, как в том французском романе, страшной, стальной маской. Остатками человеческих, пока не полностью чекистских мозгов он ещё различал, что страной правит остервеневшая кучка нелюдей, повязанных тяжчайшими преступлениями и звериной злобой ко всем, кто не похож на них, кто любит людей, а не власть, кто мечтает об отмщении! В то же время он понимал, что главное сейчас – выжить любой ценой, даже ценой жизни других! Это стало тайным лозунгом и молитвой всех и вся!

Дети, заметив его через окно, уже бежали по дорожке и орали во всю глотку: „Маменька, папа пришёл! Урааа!“ Шестилетняя дочка и четырёхлетний сын бросились на него, как на лестницу с разных сторон, и начали карабкаться вверх. Оперативные заботы тут же испарились – довольный и расчувствовавшийся Георгий целовал и тискал своих деток, вдыхал запах их волос и бережно нёс к крыльцу, где уже стояла жена.

- Ну, слава Богу! Как пропал два дня назад, так ни слуху, ни духу! – жена обняла мужа и крепко поцеловала прямо в губы. Анна, пышногрудая украинка не была избалована мужскими ласками и естественно скучала по Георгию, ожидая его вечерами возле калитки. Соседки уже сторонились её и не приходили, как в первые месяцы, посидеть на скамеечке, погрызть семечки и посудачить о жите-быте. Говорить, иногда заговаривали, но всё покороче, на ходу, не задерживаясь возле опасного дома, где жил страшный чернявый человек с печальными кавказскими глазами.

- Руки хорошо вымыл, а то кто знает, что ты там делал? Садись, милый мой! Устал? Вижу. Ну и работёнка у тебя! Ни дня и ни ночи! Дети, не мешайте папке обедать. Сядьте рядом. Опять что-то серьёзное? Рюмочку тебе?

- Налей. Извини, что без подарочка. Следующий раз и тебе и детям принесу, а то некрасиво как-то. Хоть что-нибудь, но принесу.

- Ой, папочка, принеси, принеси! Как прошлый раз. Хорошо?

- А что там было в прошлый? Не помню.

- Ты же цветные карандашики и блокнотики принёс. Почти новые. Нам бы ещё игрушек красивых каких...

- Ладно, подумаю, где-нибудь наберу. Семьи пока бедные попадают. А тебе духов каких иностранных? Вот по интеллигенции пойдём, тогда...

- Да мне и без них нормально. Ты же варшавские подарил? Ещё много в флаконе. Правда, что бельё у них, говорят, хорошее с кружавчиками и обувь ещё модельная есть?

- Правда, но ты не очень-то по сторонам.

- Я же не дура, понимаю, где ты и как достаёшь. Даже больше понимаю, чем надо. Смотри, будь осторожен. Ненавидят люди и боятся нас. Да и у вас тоже всякая шваль работает. Детки, погуляйте в песочнице, там ведёрки и лопатки ваши.

Дети еле оторвались от папиных локтей и, надувшись, вышли из комнаты.

- Я не один так делаю. Вся наша система теперь одинакова, да и никто сейчас на нас руку не поднимет. Народ запуган до смерти. Власть смотрит на каждого через прицел иди поверх гробов. Не то уже время, когда понимать и разбираться нужно было. Поздно! Теперь правит ЧК, вернее, партия. Так ей кажется.

- Время не то – ты прав, поэтому люди загнаны в последний угол. Посуди – в семьях кормильцев не осталось – одни бабы. А кто злобу затаил, может и на последний грех пойти. Сам понимаешь – и заяц кусается. Было же раньше – неповиновение, забастовки... Бросал бы ты это как-нибудь?

- Что я могу тебе, Аннушка, сказать? Ты молодец, всё видишь. А как бросать? Скажу, как раньше не говорил. Спросишь почему? Я и сам не знаю. Освободиться надо мне. Каяться-то некому? Всех постреляли. Много уже нагрешили. Что-то внутри подсказывает – против правды идём. Не все, а те, кто наверху. Потерялись они. Наобещали, а теперь? Видимо, власть особая штука. Как болезнь, как вечный грех. Они сейчас и историю и законы под себя подминают, чтобы удобнее управлять. А для нас, своих „церберов“, написали – попал в ЧК, молчи. Мол, профессия самая почётная и тайная. Что тайная, понимаю, а какой почёт палачу? Терпи и молчи. Поначалу все идут к нам за романтикой. Молодых парней всегда привлекает борьба. У кавказцев для этого стелется ковёр, собирается весь народ и люди в открытом и честном соперничестве доказывают, кто сильнее. Потом все пьют вино и радуются празднику. Сильному почёт и уважение, да и людям

защита от него. Да и проигравшего никто не трогает, сочувствуют, утешают... Здесь по-другому – сильнее тот, кто коварней, хитрее и злей. Кто, обвиняя других, умело прячется за ширмой революционера. Что стоит оболгать простого человека, когда за твоей спиной партия с её непредсказуемой и лживой политикой и целая армия подонков – стукачи, добровольные информаторы, активисты-карьеристы... Дети даже на старых отцов и дедов пошли. Говорят, ещё не все враги из их числа уничтожены. Не понимаю только, почему эти закоренелые враги так плачут? Глядеть иногда не могу. Плачут без слёз – только глаза к небу и молитвы запоздалые... Враг, вроде, есть враг. Он же знает на что идёт, а эти плачут только, рыдают... Еле выдерживаю, но должен молчать!

Теперь время очень жестокое. Если не мы их, то они нас. Ты говоришь, уйти? Уже столько наворочено, что дороги назад нет. Все вымазаны в крови. Самому бы уцелеть – так думает у нас почти каждый. Хотя есть и садисты с рождения. Им полегче – они без мозгов и сердца. Каждую неделю – „давай, давай!“, а разбираться конкретно с людьми никто не хочет, да и не разрешают нам. Каждому свой участок, с каждого отдельный спрос, каждому угрожают по отдельности – уволим, сошлём, расстреляем. Набор тот же! Как машины бездумные работаем. А дело-то имеем не с гайками? Тяжко мне. Поверь, иногда до скрежета зубовного. А что делать? Сожмёшь эти зубы и вперёд – за советскую власть! Ты же понимаешь, что я тебе и четверти не рассказал. Лучшие люди изымаются, гибнут, а полное гавно остаётся! Вот они и пролезают за отсутствием других во власть! Вот где корень! Что-то мне кажется, так будет в России всегда!

- Да, понимаю тебя. Не надо мне про всё это. И так понятно – мир стал серым, люди забитыми или с придурью. Это те, кто кричит громко лозунги. Пить больше начал. По твоим потухшим глазам вижу, по тому, что ты с каждым годом меняешься. Как за глухой дверью иногда. Не достучишься до твоего сердца, а раньше какой был, а? Я за тебя потому и вышла, что любил очень и обходительный был. Сама в плен твоих восточных сказок попала. Как хорошо было, как спокойно!

- Прошло это, не вернётся назад. Будет, скажу тебе по секрету, ещё хуже. Уже планы спускают, как на заготовку дров иди сдачу излишек. Пока на полгода требуют, а Ларин сказал, что скоро по месяцам и неделям отчитываться будем. А чем, кем? Понимаешь намёк? Выдумывать, врать надо, прямой грех брать на душу... Невмоготу уже. Шепнули в Минске – „дашь результат, на начальника пойдёшь“. Смекнул, что для меня это выход. Если стану начальником, то подальше от крови и грязи. Почище, как-бы. Наш увиливает, как может! И я буду так. На самом же верху ещё опасней. Младших оперов, как подножный корм тоже не щадят, а вот в середине, лучше в её нижней части, можно уцелеть. Сейчас везде лес рубят, сильно рубят! Через десяток лет одни щепки от страны останутся! А настоящий враг где-нибудь ждёт, когда мы сгниём на корню.

- Чтобы только не от нас!

- Вот, вот. Поэтому язык на замок, руку под козырёк, а палец на курок! Такая вот чекистская грамота по выживанию. Пойдём к детям, лица их начал забывать. Лица других детей всё время стоят перед глазами. Видела бы ты их...

Вышли в сад. Дочь и сын возились в песке, строили домики. Увидев своего папу, начали что-то ему рассказывать и радовались этому. Все заулыбались и счастье мягко коснулось своим крылом и этой семьи...

Вдруг идиллия разрушилась – кто-то громко постучал в калитку: „Эй, Мамедович, это я, Кулашидзе. Шеф приказал срочно в отдел. Я на машине, жду“.

Мансаров обнял жену, детей и, матерясь, пошёл из дому. Последние два года он дневал и ночевал в опротивевшем кабинете, среди таких же опротивевших людей. Он часто проклинал тот день, когда, оторвавшись от дома, от строгого уклада большой мусульманской семьи в Ингушетии, бросился искать счастья в сыром и промозглом Питере. В то время он наивно думал, что, работая в ЧК, он служит своим землякам, каждому работяге, всей стране, освобождая их от прежней подневольной и серой жизни. Он ждал и ждал, когда же станет спокойней и лучше, когда можно будет забыть про револьвер и заняться собой, семьёй. Он боялся признаться, что в своих „подвигах“ зашёл уже далеко, слишком далеко. Так далеко, что возврата оттуда нет. Страх перед правдой, страх перед судом Аллаха проникал в него всегда, когда, оставаясь один в кабинете, он листал и листал бесконечные сообщения сексотов, написанные под диктовку и на основе зависимости, о бесчисленных врагах, заговорах, подполье, шпионах... Получалось, что в результате такой тщательной „работы“ ЧК почти весь район состоял из вредителей или заговорщиков. В эту категорию мог попасть каждый! Он тоже! И не только слухи это подтверждали...

Ларин стоял навтыжку возле стола с чёрной эбонитовой трубкой телефона. Свободной рукой мохнул вошедшим и опять к трубке. Его лицо становилось то красным, то бледным, глаза вращались без остановки, пытаясь найти опору в ускользающем пространстве. Он повторял: „Да, товарищ комиссар. Устраним немедленно. Не разобрался. Ночи напролёт... Понял вас. Накажем кого... Кто руководил? Не я. Работник хороший, исправится. Опыта пока маловато. А когда машины придут? Сегодня к вечеру? А как же мы успе... Есть к исполнению!“

Не опустил, упал в кресло:

- Вот, голубчики, натворили, а мне расхлёбывать! Как это до тебя, Мансаров, не дошло, что оставлять в семьях нужно было минимум! Знаешь это слово? Минимум! Ты списки по району читал? Первую страницу прочитал и всё? Как же ты так? Сколько страниц там было?

- Товарищ начальник, наш список на трёх страницах был.

- Был, а в центре – на пяти. Кто его увеличил? Борискин? Выслужиться захотел втихаря без моего ведома? Безобразия! Нам шьют уже политическую близорукость. Вы меня подставили и себя тоже. Ты взял по одному, по два, а других озлобленных забыл напрочь? Думаешь, оставшиеся тебя будут благодарить? Здесь Центр прав на все сто! Надо работать с умом и упреждением. Эти люди, как только забрали их родственников, мгновенно стали самыми опасными врагами советской власти. Короче, один шанс исправиться. К часам девяти подойдут две машины со стрелками. Немедленно сесть за списки, которые я уточнил по телефону, наложить их на деревни и расширить. Если у сексота телефон – звонить, если нет, то, Борискин, на мою машину и, опережая опергруппу, уточнить через наши оперативные источники данные на супостатов и где они сейчас. Прикажи сексотам быть на месте и ждать группу захвата. Не дай Бог, чтобы они проболтались и кого-либо предупредили. Если сбежит хоть один человек, то и они пойдут в кузов! Операцией командовать буду я. Время?

- Ещё четыре.

- Не ещё, Мансаров, а уже! Плохо сработаем, плохо будет всем. Уточнённые списки доложить через час. Форма – куртки поверх, галифе, оружие. На сырость плащи. Всем взять дополнительно патроны. Кулашидзе, выдашь под расписку. Проверить наличие шанцевого инструмента, фонарей, верёвок. Взять четыре канистры бензина.

- Для заправки грузовиков? – спросил быстрый Борискин.

- А как ты будешь людей из дома выкуривать, если засаду там устроят? У них у всех оружие по чердакам валяется. Понял, дока? Они-то уже первый покос прошли?

- Так точно, Владимир Лаврентьевич, понял.

Никто из оставшихся людей не мог предположить, что смертушка через день опять явится и за ними. Люди плакали, рыдали по пропавшим всю ночь, но в глубине, по-животному, надеялись, что ещё раз никто не придёт, больше никого не заберут – насытились!

Молва о случившемся 17-го июня мгновенно облетела лесные деревни. Не два, не пять человек забрали, как в прошлые годы, а целых 26! Думалось земным работягам: „Уже заплатили страшную дань Советам! Передышка теперь!“

Глупые! Какая передышка, когда домны революции притушить нельзя! Они переплавляют сырьё без остановки. Остановка для них – смерть! Процесс очистки общества – процесс длящийся, вечный! А если остановить, то станут ненужными и чекисты-сталеваары и сменные партийные мастера! Как же им жить без своего тайного варева, без лжи и подлогов, без сладострастного чувства всесилы и безнаказанности, без мрачных средневековых декораций, любовно возведённых руками вождей?

Когда-то, на заре революции, упившиеся классовой борьбой лидеры пролетариата, гневно и презрительно отбрасывали всё, что было связано со старым, прогнившим строем. Уничтожив царскую охранку и полицию, брезгливо выбросили в зловонные отходы и методы агентурной работы. Честность, партийная дисциплина и неподкупность большевика – вот основа для любой деятельности на благо страны!

Время быстро показало зарвавшимся бегунам на политические дистанции, что человек есть сложный продукт. Редкий мог усидеть на месте, пока хозяина не было в комнате. Каждому маленькому вождю, любому калифу на час казалось, что хоть и в ограниченных пределах своего царства, но он может делать всё, что захочет, всё, к чему склонна его загнывающая натура. Думать о совести, законе, проблемах простых людей, не дай Бог о свободе?! Вершить судьбы, приговоры, карать и кроваво воспитывать – это да, а мерять себя по вечным лекалам христианской морали? Делай что хочешь. Партия с её протипуированным постоянством всегда поможет, всегда подставит идеологическую опору под любое преступление. Из-за неумения, авантюристичности, желания силой загнать людей в светлое будущее быстро образовались перекосы, практически во всех сферах. Задуманное на бумаге и в воспалённых головах никак не реализовывалось на практике. Всегда что-то или кто-то мешал! Но что? Кто? Быстрее оказалось искать и находить ответы в людской пёстрой массе. Не что мешает, а только кто?!

Поначалу обходились без тайных информаторов. „Бывших“ знали в лицо и не жалели. Естественно выходило, что виноваты во всём они, как исчадие старого режима. Одно заявление бдительного большевика или настороженного и бедного соседа-пьяницы – тех к стенке! Когда же количество „материала“ резко уменьшилось, а дела в стране по-прежнему никак не шли семимильными шагами, ленинская высокоинтеллектуальная мысль возвратилась к единственно постоянно результативному институту – тайной агентуре. Совсем тайной, чтобы не знал никто! Даже сами партийцы и кремлёвские „беспредельщики“. Осталось выработать рычаги управления аппаратом, владевшим повсеместно тайными ушами. Такие рычаги нашли, как и всё у большевиков, быстро и окончательно. На руководящие должности сначала, да и потом, направлялись особо преданные и безмозглые бывшие партийные функционеры. Эти свято верили очередному вождю и смотрели в его рот, круглосуточно ожидая новых указов, псевдонаучных сентенций и правильно понимаемого неожиданного изменения партийного курса. Огромная и рыхлая до времени деревянно-соломенная лабда вдруг резко меняла курс и направляла свой революционный форштевень на новые препятствия, мешавшие прямому движению. Под этот крепкий дубовый форштевень попадали поочередно, по мере исчезновения со сцены и из жизни практически все слои, все особенные люди – „вчерашие“, члены их семей, военные, полицейские, инженеры, духовники, профессура, учите-

ля, банкиры, частновладельцы, купцы, писатели и поэты, члены любых, кроме рабоче-крестьянской, партий, белое и всякое другое офицерье, младшие чины также, бухгалтеры, почтовики, специалисты железных и других дорог, западники, медики, евреи. Список этот бесконечен! Крепко перепало и крестьянам – все, кто не соответствовал /был чем-то выше!/ уровню планки в руках очередного районного „измерителя“ были стёрты с собственной земли вместе с семьями. Затем в ход пошли уже ближайшие соратники самого Ленина, потом просто его соратники, затем те, кто много знал об Иосифе и его проделках, потом те, кто просто много чего-то знал или был высоким профессионалом в своей области, быстро исчезали и близкие к самому Сталину. Верхи были так перемешаны, что даже настал час, когда и до прыщавого грузина дошло – некому работать, некому сочинять чертежи, командовать даже ротами?! Старых, преданных палачей уничтожили и назначили новых!

Парадокс – цеховая тайна начала управлять всем и всеми, а также сама собой! Пошла в разнос, как старый, расхлябанный двигатель, начавший вертеться уже по своим законам, отринув и природу и Бога! Круг замкнулся! Даже теперь, когда столетний ветеран сталинских ссылок или сын, не помнящий ни отца, ни мать, слёзно просят показать хоть бы страничку о своих погибших, „железные последыши“ Феликса вежливо объясняют : „Нельзя! Тайна!“ Иногда, всё же, сжалившись и заручившись высочайшим позволением /скорее всего – ложь!/, дают поддержать скрупулёзно отсорбированное, ставшее тонким и безликим дельце на трёх листках.

Тайна хранит тайну, дети палачей охраняют своих отцов и дедов! Тайна охраняет не тех, кто в бесчисленных могилах, а тех, кто их туда толкнул! Она охраняет то же оружие, те же методы, ту же пресупную мораль! Ответ до диктизма один – „Не нужно ссорить поколения!“ Или, как сейчас можно слышать – „Нужно знать, чтить и помнить нашу историю в целом /в других обстоятельствах эти люди добавляют непонятное – „и в общем?!“/, не забывая и горечи и наших побед! Нельзя разрушать страну!“ А потом будни – о будущих и прошлых победах – всеселенский ор, а о том, где же списки и могилы пропавших – опять мёртвая тишина до открытия очередного памятника или храма!

Людям запрещено говорить что-либо о том страшном времени! Они многого не понимают! Понимают это многое только самые верхние!

Чекисты Липеньского РО ОГПУ отмечают награды к дню ЧК. Слева-направо:

Жена Мансарова, Мансаров, жена Ларина, Борискин, Ларин, фотографировал изъятым у аптекаря аппаратом Кулашидзе.

Телеграмма Ленина в Пензу: „Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят „последний и решающий бой!“ с кулачьём. Образец надо дать.

- 1) Повесить /неприменно повесить, дабы народ видел/ не меньше 100 заведомых кулаков, богачеев и кровопийц.*
- 2) Опубликовать их имена и отнять у них весь хлеб.*
- 3) Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме.*

*Сделать так, чтобы на сотни вёрст кругом народ видел и трепетал “**

** С.Баймухамедов, «Русский базар» № 40/650, 2.10.08*

Второй покос

- Быстро ко мне, время идёт! – Ларин нетерпеливо махал рукой, - стрелки остаются в машинах, уполномоченные сюда! Сидоренко, выставить охрану по периметру. Никого не пускать! Уточним маршрут по карте.

Грузовики с закрытыми кузовами стояли на обочине, наклонившись на правый бок. На траве, посередине поляны лежала карта, подсвеченная мощным фонарём. Луна, осторожно выглянув из-за туч, увидела вооружённых людей и быстренько спряталась. На лес опустилась тревожная тишина.

- Сегодня работаем быстрее. Люди уже насторожены и напуганы. Возможно некоторые предполагают наше появление, поэтому начнём с обратного маршрута. Разделяться на две группы не будем. Этим запутаем врага, обеспечим большую скрытность и быстроту захвата. В Перетоках три человека. Погромовичах – Казимир, Мария и Степанида. Это новые, не связанные с позавчерашними арестами. С ними не церемониться. Живут в отдельном доме. Кроме них остаётся только скотина, так что никто выть не будет. После в Дубовый Лог. Там ситуация сложная. Одинадцать человек. Лосицкие – Станислав и Вера, Лисовская Эмилия, Миничи – Антонина, Екатерина и Надея, Нерад Алёна и Наталья, Тумар Агафья, Анастасия и Владимир. Лосицких, Лисовских и Тумар забираем всех. Действовать быстро, объясняя, что их соединяют вместе с ранее арестованными. Скажите, что только суток на пять, шесть. Так меньше слёз и паники. Потом в Драгчу. Там пятеро – Ленартович Гвидон, Матусевичи – Адэля, Надея, Павел, Тафиля. Матусевичей также забираем в дополнение к задержанным. Ленартовича брать одного. Других с такой фамилией нет, да и у него уже родственников не осталось. В Гребёнке четыре. Вергейчики – Варвара, Василиса, Василь и Евдокия. Их тоже соединяем якобы с родственником. В Нежевке тоже четыре. Жиглинские – Станислава, Викентий, Франтишка, Татьяна. Эти все новенькие. В Погулянцах многовато, целых восемь. Это Войтик Мария и Евгения, Ивановичи – Агафья, Ганна, Кирил, Мария, Камилия и Фелициан. Их тоже к «родственнику». Разобрать копии списков с адресами и фамилиями. По машинам!

Видела ли наша белорусская земелька такое? Да, в её истории были и другие тяжкие времена. Много крови пролилось из-за желания уцелеть, выстоять между двумя наковальнями. Не о народе пеклись наши князьки, не язык белорусский их интересовал, не самобытность наша. Каждый рвал на себя, каждый тащил всё, что мог поднять, в закрома и ждал, выжидал, когда падёт менее удачливый сосед. Ну, а если не падал, помогали ему, ставили с западом, востоком, или заговорами, а чаще обманом. „Стучали“ сильным, родню предавали и продавались. Не за много, за мелочишку. Кто из таких о высоком думал? Кто её, эту Родину истинно соби-

рал? И под ноги низко ложились. Не дай Бог, чтобы вчерашний враг, а теперь перешедший господин испачкается в трясине! А ушёл он – опять драка, делёжка, а чуть тяжёлый сапог соседей слышится, тогда спешим с подношениями – авось дадут пожить. Всю землю не собирали, а то, что ближе лежало. Хотели побольше иматок с людьми и добром разным. Но всё же, мало-помалу, начали соображать, что слугой быть – собакой выть, подачки кланчить и спину под кулак или кнут всю жизнь подставлять. Наконец, начали было собирать-склеивать, так договориться не могли – то вкривь, то вкось. То на запад, завтра на восток, о своём направлении каждый втихаря думал. Кармана тоже не забывали. Что ни маёнтак*, то и политика своя. Теперь же власть новая установилась не по частям, а по всей стране, единая, так сказать, в назидание задумчивым и памяркоўным* предкам. И объяснили с первых дней это жёстко людям. Мол, навечно и только для работающего народа. Никто особо и не возражал. Надоело на Беларуси каждый раз под кочку нырять, в болото прятаться, когда шум из-за горизонта напал – с утра с Запада, к вечеру с Востока. Идёт кто-то тяжёлый – шась под купину*. Прошёл – выпрямился. Отдых небольшой. Опять топот – опять под кочку. У нас, белорусов, видимо, от-тудова гибкость такая, да и другие особенности...

Поначалу подходило всё это советское для людей. И землю начали выделять и мерять, и рот не затыкали так больно. Каждый сам мог изъясняться и получалось в хозяйстве. Для руководства тоже хватало. Содержать не впервой! Но тучнеть стали „те“, числом разрастаться, большего хотелось, а голый энтузиазм масс плюс „упорство тупоумия!“* вождей не хотели гореть в топке коммунистического локомотива! Коптит, дыму много, а скорости не прибавляет! Едем, конечно, но куда и зачем? Начали пассажиры сомневаться, судачить, кое-кто на ходу прыг и к себе на участок. Другие советы машинисту раздавать и вопросы каверзные: «Остановись, дровишек подрежем, уголька нарубим, а потом и в путь! Что ж на одних словах голых-то? Много ли проедешь на лжи? Видишь не тянет без запасов? Или трубы все уже забились пеплом? А каким? От бумаг или от речей? Некоторые же спрашивают: „Почему на такой старой кляче? Где же обещанные свои? А ездить уса́тый умеет? Старого паровозника-то куда подевали? Вот и конец, т.е. конечная видна!“

*маёнтак /бел./ - имение

*купина /бел./ - болотная кочка

* „упорство тупоумия“ - М.Е. Салтыков-Щедрин

Зловещий гул неотвратимых грузовиков-катафалков плыл над лесом, покрывая низким гудением звуки живой природы. Стихло всё – ветер, чирикание птиц, только сердце у пастуха Франэка билось громче и громче.

Что может сделать одинокий человек? Куда он скроется? Кто поможет ему? Ответа нет – только плавающий звук стальных моторов и полная беспомощность. Именно на это рассчитывали те, кто сжимал чёрную эбонитовую баранку катафалка и те, кто был у штурвала страны. Посеять страх среди людей и назвать это дисциплиной или патриотизмом! Так власти делали и делают до сих пор, с первых дней пролетарского царства и до нашего времени кажущейся демократии!

- Быстрей, Петро! Напрямки через гать! На кого же коней оставить? Боже мой!

- А куда бежать?

- Один проговорился, что забирать будут, кто ещё остался. Чтобы свидетелей не было. Понял? Кого же выручать? Кого?

- Я в первую хату, потом каждый другому... В лесах наших можно ещё спрятаться.

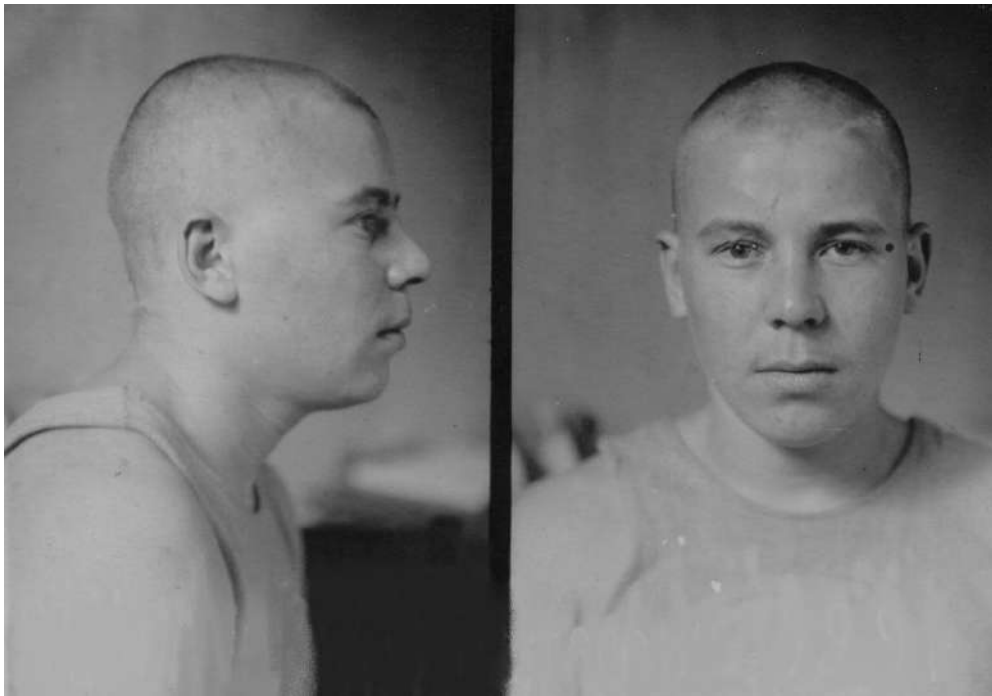
- Так всех не спасёшь. В Драгчу. Там, у Ленартовичей позавчера „хапун“ Ивана забрал, а у Матусевичей – Иосифа. Други тогда в хате не было, а сегодня и их. Если хоть одного спасёшь – на том свете засчитается!

Петро не бежал, он летел над лугом, болотцем, огибая кусты, озёрца и мокрые впадины. Эти дорожки были известны с детства, с тех дней, когда со старшими пошёл в ночное, где впервые увидел рассвет, клубы холодящего тумана и полоску ручья, таявшего в молоке. Голые ступни бесшумно опускались на шёлковую траву, колючая осока резала руки, а сердце, казалось, билось уже впереди него, говоря: „Ещё чуть, нажми, быстрей!“

Никогда в жизни он так не бежал. Два с половиной километра - один до дороги, а там уже и крыши видны. Успеть бы! Открытый рот хватал воздух, стараясь добавить силы и скорости, но на большее его организм не откликался. Гул машин уже не перекрывал биение сердца!

- Ещё немножко! Дай, Боженька, силы... Близко...

Резкая боль остановила его. Молодое тело рухнуло со всего разбега в кювет. Губы прошептали что-то двухсложное, до боли знакомое. Мимо с рёвом ползли эскадроны смерти.

- Где Тумар Владимир? Ну, молчишь, б... кулацкая! Мансаров, отведи её в сарай, проводи дознание, - Ларин был опять на своём коне. Несмотря на небольшой рост, он выделялся из числа людей, одетых в военную форму. В моменты “творческого” напряжения наклонял голову к правому плечу, сжимал тонкие губы и постоянно сплёвывал, цырка слюной. Передвигался в такие моменты не шагами – бесшумно семенил, сгибая ноги в коленях с небольшим наклоном вперёд. Словно добрый хозяин за своим цыплячим выводком. Возле очередного дома, размахивая револьвером, геройски выбивал калитку ногой. Внутри сразу заходить боялся – мало ли чего, но громко раздавал команды и ругался матерно. В обычной же обстановке считался даже интеллигентом среди простоватых и на вид и на нутро чекистов. Теперь же он был на взводе. Нутряное горение не давало расслабиться, да и пример молодым нужно было показать.

Вдруг со стороны убогого сарая с прогнувшейся соломенной крышей раздался пронзительный женский крик:

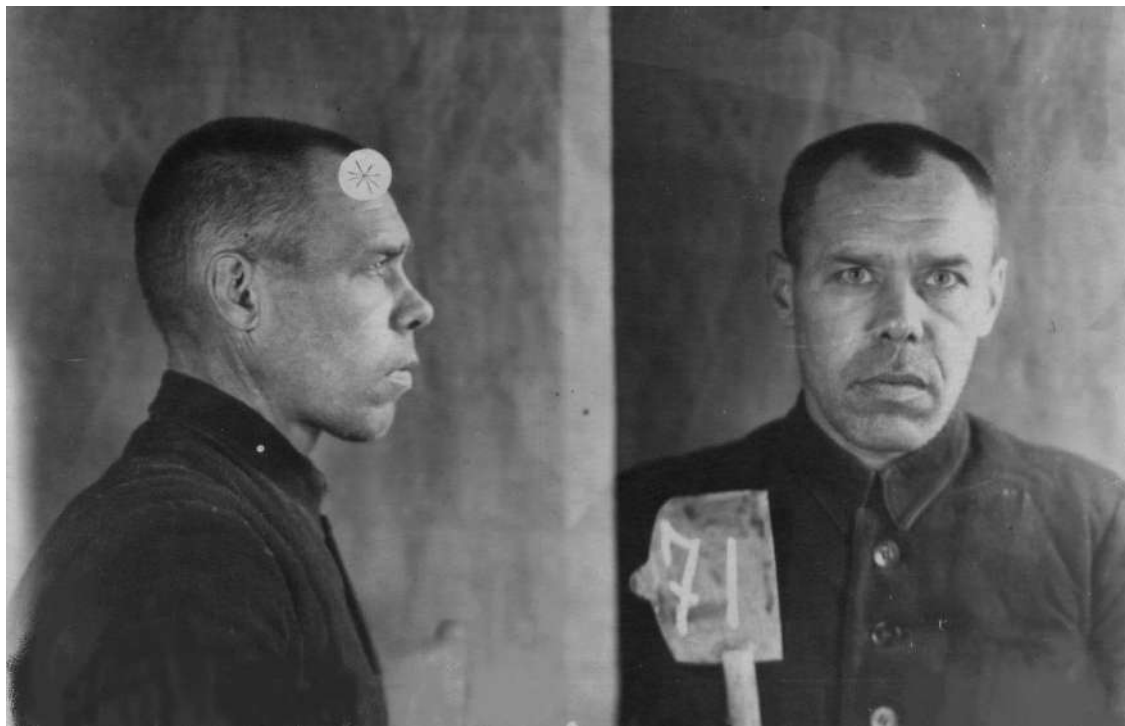
- Не выдам, ироды! Одного забрали, так теперь всех захотели! Не выдам и всё! Бей, гад, бей! На беременную бабу, татарская сволочь, у тебя силы хватит! Ааа! За что в живот? Дитё у меня там... Ааа... ааа... ааа...!

Крик бил в уши, разрывал ночной воздух и летел, летел к тем, кто ещё прятался в своих хатах и дрожал от предчувствия смерти.

- Не бейте её, выродки! Я выхожу взамен сам.

Поленница дров вдоль задней стенки дома осыпалась, и из неё вышел человек, её человек. Настоящий мужчина, он хотел спасти свою любимую половинку ценой своей жизни. Думал отцепятся. Не знал только, что одной жизни чекистам будет мало. В их доме им понадобятся все.

- Ах ты, вражина кулацкая! – Ларин на мгновение оглянулся. Заметив, что, кроме Мансарова на него никто не смотрит, изо всех сил ударил человека рукояткой нагана по голове.

Тот под вой и стоны жены рухнул на землю. Неожиданно наступила полная тишина. Никто не поспешил поднять лежавшего. Два стрелка, стоявшие с винтовками наперевес, отвернулись, сделав вид, что бдительно охраняют тылы чекистского “фронта”. В полоске света от керосиновой лампы, пробивавшейся сквозь щель полуоткрытой двери, лежал хозяин этого дома. Он ещё дышал, рывками глотая воздух своего двора, хозяйства, цепля-ясь чёрными, потресканными от трудов ногтями за свою землю. Женщина, потеряв сознание, лежала рядом. Её рука была вытянута в направлении мужа и пальцы почти дотягивались до его ладони. Она сделала усилие, чуть подвинулась и схватила мёртвой хваткой кисть супруга. Тот замычал и открыл глаза.

- В машинну обоих! Что стоите? За невыполнение приказа расстрел! – начальник ОГПУ поднял оружие. Его лицо стало фиолетовым, губы задёргались, из уголков рта выступила пена.

Бойцы спецотряда, такие же вчерашние крестьяне, как и их жертвы, медленно и тупо подошли к лежавшим.

- Нет! – заорал опять главный чекист, - в разные машины их, поодиночке! Оторвите! Хватит! Допрыгались!

Петро Землянский не мог лететь. Слёзы градом лились из глаз, щипали и заслоняли горизонт. „Какой Шекспир? Какой там Данте? Их листки не годятся даже на гвоздь повесить! Вся жизнь человеческая, вся любовь и нежность униженных до предела людей, ожидаемый первенец, весь труд их в поту пролетели за один миг. Сверкнули затухающей зарницей и ... Кто за них оплатит? Забудут ли люди невинных? Нет, пока я летаю, не забудут! Нельзя, не можно это забыть! Слышишь, мой Господь! Слышите ли, насупленные вожжи современности?“

Третий покос

Голова так и тянулась к груди. Голос Ларина действовал, как монотонные заклинания гипнотизёра. Усталость была запредельной. Не шутка – за каких-то семь дней проведены две операции по розыску, задержанию, аресту и вывозу 50 враждебных элементов. Только плановых встреч с сексотами перевалило за десяток, внеплановых было восемь, письменно оформлено 36 сообщений, ответов по запросам девять, четыре новых справки по оперативной обстановке на обслуживаемых объектах, подборка характеризующих данных на будущих сексо...

- Мансаров, ты чего? – Ларин рявкнул во весь голос, заметив задремавшего подчинённого, - спальня тебе? Исключения для себя захотел? Я в твои годы знаешь сколько работал? Ночь с арестованными, день с документами и так круглый год! Ну-ка, подтянуться всем! Сейчас зачитаю ориентировку. Только что фельдпочтой доставили. Здесь тоже всем на орехи. Когда там остановятся? Страшают – или под трибунал пойдём, или награды получим. Вот как ставится вопрос! Слушать!

„В результате внутрикамерной обработки доставленного из вашего района контингента и применения к нему допросов по форме 2, установлено, что Липеньским РО опять допущены некоторые ошибки в процессе выявления кулацких формирований. Обращаем ваше внимание на более качественную и своевременную работу с аппаратом секретных сотрудников, доверенными и активом района с целью не только агентурно-оперативных операций в отдельных пунктах, но и разоблачения связей арестованных в других местах и среди других слоёв населения. В результате принятых нами мер, кулак Тумар, выгораживая свою жену, показал, что всё село Любус вашего района и окружение этого села поражены кулацко-антисоветскими настроениями и замыслами. Родственно-враждебной почвой связаны также жители Берёзовки – Довнары Адам и Аркадий, Линевици – Виктор, Иван, Игнат, также Мемнонов Лев. Полагаем, что среди оставшихся жителей и родственников перечисленных лиц ещё укрываются враги советской власти и заинтересованные в развале колхозно-крестьянского класса.

Приказываем в кратчайшие сроки, до конца недели, максимум в 5 дней устранить недостатки и полностью выполнить и перевыполнить плановые мероприятия по максимальной зачистке населённых пунктов района от преступного антисоветского элемента в крестьянской среде.

В случае задержки или не выполнения, а равно, как и неполного выполнения приказа, на следующей неделе будет организована показательная проверка всей агентурно-оперативной работы вашего райотдела с выводами о целесообразности дальнейшего использования руководства и всего оперативного состава на чекистской работе... Подпись – комиссар 3 ранга Мерзоянов.“

Сонливое состояние мгновенно исчезло. Сам Ларин, и оба оперативных сотрудника – Мансаров и Борискин, физически почувствовали, как страх перед безжалостными сотоварищами по ЧК начал липко проникать под гимнастёрки и растекаться холодной дрожью по телу. Никто не предполагал, что запредельная палаческая шизофрения в головах высшего начальства начнёт выходить за все рамки даже такой уже совсем крайней ситуации. Начальства они побаивались, как и каждый смертный, но там, в Центре. В своём районе они мнили себя полубожками и, думалось, что никто их здесь не тронет и не достанет. Дело-то сделано?

- Всем по кабинетам, - первым отошёл начальник, - Борискин, позови Кулашидзе. Может он что-то посоветует? Ноги в руки!

- Так Кулашидзе шофёр? – засомневался Борискин, - ему же по оперативным вопросам запрещено...

- Слушай, аптекарь! /Сёмин отец был провизором./ Если после совещания кто-то из вас вякнет, что здесь был Кулашидзе, так я лично застрелю этого стукача! Мою руку вы знаете. У нас выхода нет, а Кулашидзе не просто шофёр. Был старшим уполномоченным ЧК на Северном Кавказе и с народцем тамошним разбирался на раз-два! За это и погорел, но опыт у него и хватка остались железные. Об этом мне сам комиссар говорил. Понял? Исполнять!

Кулашидзе был уже под крепким „шафе“, но шеф на это не обратил внимания. Срочно нужны были свежие оперативные идеи. Времени оставалось мало.

- Ситуация не первый такой, - сипловатым, прокуренным голосом спокойно отметил Кулашидзе, - раньше так Троцкий всех пугал. Чуть ошибка – расстрел! Теперь не лучше, - он выпучил свои глаза, пошевелил усами и с усиливающимся акцентом продолжил, - кавказцы за страну взялись. Видимо хотят полностью закрыть эту тему в Западной и перейти к другим районам.

- Что значит закрыть? Мы же, арестовав их, и так закрыли? – возразил Ларин.

- Товарищ начальник, времена быстро меняются. Работа касалась конкретных людей – в сёлах, районах... Организованная сеть в больших масштабах слабо просматривалась. Центр теперь больше в ширину забирает. Тут на-

писано – “... не только... операций в отдельных пунктах, но и на всей территории области и Западной Белорусии”. Во хватанули! Злые стали в Центре, груз содеянного давит, поэтому хотят вес его распределить поровну. Предлагаю завоевать доверие начальства резко выросшими результатами. Максимально искоренить связи арестованных – родню, друзей, знакомых, дальних родственников, показав всё это скопище, как организованную подпольную сеть единомышленников. Что, вы думаете все довольны нашей работой? Не плюют на нас и власть по кухням? Это уже и есть основа для предъявления обвинений! Как на Кавказе или в Испании. Читали? Там пока всех до пятого колена не вырежут, не успокоятся. Нам почти прямо указывают – свидетелей и ненавидящих нас оставаться не должно. В этом суть! Сейчас политика вверху такая, вот мы и постараемся им угодить. Страхом нужно сковать всех, тогда из народа лепить что угодно можно! Даже лепёшки. А оставишь, кто обижен или видел... Придёт время, когда уцелевшие скажут, что ты их безо всякого... Вот они и заботятся прежде всего о своей ж.... Но мы тоже не дураки. Попробуем всё организовать чисто. Пройдут годы и такая “работа” без хвостов и свидетелей спасёт и нас и наше славное ЧК. Другого выхода нет. Нужна острая, неожиданная и опережающая комбинация, которая пройдёт на гора у начальства, особенно у партийного. Любая власть любит гротеск, театральность, трупы и кровь, правда не свои. Нужно кем-то пожертвовать!

- Ну, ты вообще! Кем это жертвовать, из нас что ли? – лицо Ларина приобрело синий оттенок и сверхчеловек вжался в стул.

- Не волнуйся, начальник, - вдруг перешёл на “ты” Кулашидзе, а то удар хватит. Меня пригласили? Может, это поворотный пункт в судьбе? Этот вариант мы часто на югах использовали. Беспроигрышный! Одно условие – язык за зубами! Иначе расстрел! Нужен человек, который будет убит кулаками. Такой человек у меня есть. Я с ним выпиваю иногда. Жаль, но что поделаешь. Он напишет под мою диктовку список враждебного элемента, который вы мне дадите. А кулаки заподозрят его, пришьют и список заберут. Потом мы его размножим и будем находить у того, кто нам надо. Вот где сол?! Этот человек – Шабуня Антон. Счётчик в земучастке по нарезанию наделов. Сексот не сексот, а многое знает. Права на оперативную работу с ним у меня нет, но как собутыльник пойдёт. Сам он с Берёзовки. Попрошу его все ветви родственные тоже изложить. Неважно, где живут. Кстати, по инициативе райисполкома в городе созданы курсы для будущих колхозников, как агитация для тех, кто ещё не хочет вступать. В списках этих курсов значатся все единоличники района, значит, кулаки! Посещают они слабо, но это неважно. На этих курсах преподаёт Шабуня. У них там часто возникают всякие каверзные и даже злые вопросы, которые мы можем показать, как враждебный умысел. Много недовольных. Есть и родство за границей. Вот вы их и накроете. А потом с каждого выбиваем по страничке – вот и организованное подполье в масштабе района, может и на

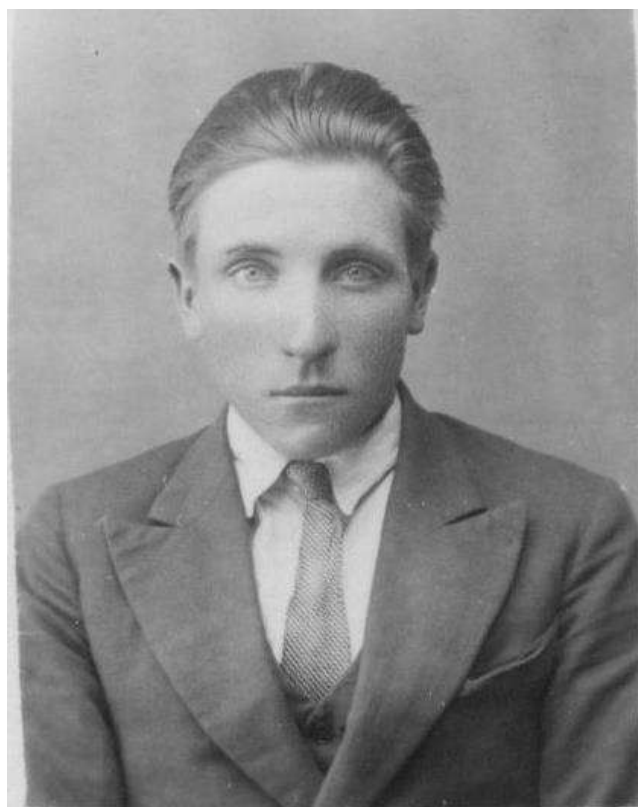
область натянем. По прогрессии. Где такое есть? В каком райотделе? Работу с ним и исполнение беру на себя. Но смотрите, чтобы никто не проговорился! Я всегда подстраховываюсь, а терять мне нечего! Теперь кавказцы у власти! Понимаете? Всё, давайте список, я пошёл.

Ларин хотел было стукнуть кулаком. Как это шофёр-чурка, с акцентом говорящий по-русски, им командует? Но не поднялся, не стукнул. Всегда, когда в этой мутной компании настаивал момент истины, чекисты затаивались и ждали с опаской глоса. Не совести, а того, кто ими управлял. Когда за шустрым Кулашидзе захлопнулась дверь, Ларин расслабился. Появилась надежда вырваться в гонке за результатом, чем оттянуть время острых вопросов и ответов.

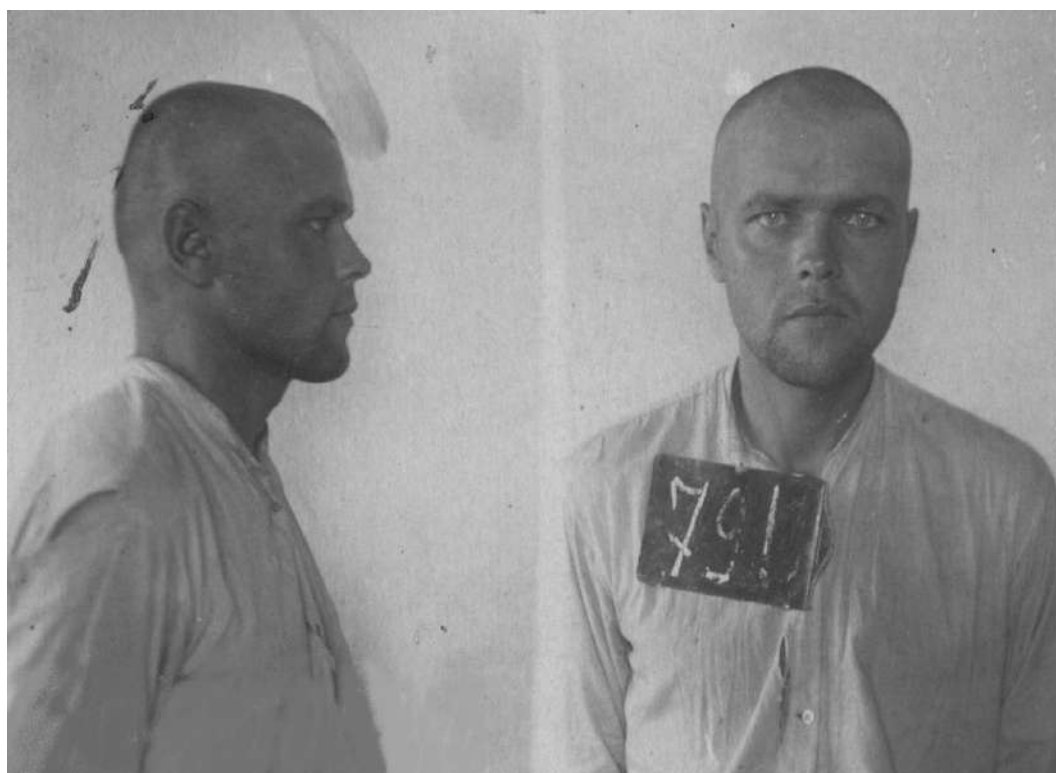
В полной тишине за окном хрустнули ветки, словно кто-то ломился сквозь куст сирени. Ларин резко распахнул створки. Напротив, на толстом суку липы, вроде сидела какая-то полупрозрачная тень. Даже на человека похожая, с головой, длинными ногами, но без рук. Сквозь неё были видны ветки. Чекист вытащил наган – тень исчезла.

- Чертовщина какая-то и уже не первый раз? От работы устаю.

Этой же ночью начальника райотдела ОГПУ разбудил резкий звонок из отделения милиции. Заместитель начальника Ломако испуганным голосом сообщил, что на территории базара, в зарослях между крытым рынком и забором найден труп с отрезанной головой, которую обнаружить не удалось.

Выездом было установлено, что убитым является служащий земотдела исполкома, преподаватель сульхозкурсов и активист Шабуня Антон. При осмотре в левом сапоге обезглавленного трупа был обнаружен клочок бумаги с нечёткой фамилией одного из единоличников. Выходит, погибая, Шабуня успел всё же написать фамилию своего убийцы. Малость, что человек с отрезанной головой не мог уже ничего написать, замечена не была. На следующий день у „убийцы“ был найден список из 21 фамилий, ранее принадлежавший Шабуне. План Кулашидзе сработал.

Этой же ночью по телефону Ларин взволнованно доложил высшему начальству о ЧП /о зверском исполнении не сказал/ и зачитал найденный у врага список антисоветского подполья, составленный погибшим героем. Из села Любус: Витковские – Константин, Фелициан, Юльян, Игнат, Пётр, Серафим, Залаторевич Михась, Машчицкий Семён, Тарасевич Семён. Из Берёзовки: Довнары Адам и Аркадий, Линевици – Виктор, Иван, Игнат, Мемнонов Лев. Из Новых речек: Карачун Степан и Францкевичи – Иван и Рыгор. Из Хутора: Цвирко – Винцэсь, Иван и Павел. Внизу, явно рукой самого Кулашидзе было добавлено – „устрэмления названных лиц полностью разделяли и все члены их семей, а также все родственники“.

На другом конце провода удивлённо хмыкнули, уточнили, кто погиб, похвалили за оперативность и отменили всякие проверки.

- Тут такое дело, - пояснил утром Ларину бывший „специалист“ по Кавказу, - когда остаётся хоть один, кто был задействован в такой сомнительной комбинации, всегда есть риск разоблачения „липы“. Пока всё шито-крыто, но на контроле своих держите. Лучше на компре. Ну, а вы какую-нибудь награду мне... и к содержанию подбросите. Буря отойдёт, тогда и черкани-те. Мол, инициатива есть и прочее... Другого же про меня сочинять не стоит, а то, не дай Бог, земляки мои тоже что-то своё напишут. Они сейчас прочно в самом Кремле устроились!

На Ларина леденящим взглядом уставились огромные мутные чёрные зрачки Кулашидзе. Лоб его был покрыт крупными каплями пота, на отложном воротничке гимнастёрки и на правом плече расплывались какие-то бурые пятна. Запаха спиртного от шофёра не было, но от него воняло выгребной ямой.

- Выручил. Такое не забуду. Иди проспись. Потом одежду обязательно постирай. Вонючка жуткая и пятна. Сам-то не проболтай, что в сортир голову выбросил!

Целый день городские власти хлопотали о похоронах бедного Шабуши. За их счёт, как герою, погибшему на фронте борьбы с тайными вражескими силами, были справлены – гроб, яма во втором почётном ряду кладбища, оркестр пожарной команды, два стрелка из военкомата и четыре красных знамени. Первый секретарь, начальник райисполкома, начальник райотдела ОГПУ, милиции приказали молчать всем об отсутствии головы у покойного. На просьбу членов семьи открыть для прощания крышку гроба, ответили странным враньём, мол, их муж, отец и сын отравлен заграничными, шпионскими ядами, опасными для окружающих.

К обеду на центральной площади, возле старого здания почты были сколочены подмостки, обшитые самой модной тканью того времени – красным кумачём. Местный маляр Семён Минахин вытащил заранее вырезанный ещё в 1918 году трафарет „По тебе скорбят! – от райкома“ и мелкими буквами внизу добавил непонятную двухсмысленную фразу – „Родина, запомни их!“

Ларин долго пялился на буквы, но в тайну смысла проникнуть не смог. Ему не нравилась такая помпа. Дело приобретало огласку, выходящую за рамки района. Но исправить что-то было нельзя. От Минска отбились, но лёгкое беспокойство осталось.

- А вдруг голову найдут? Нужно дерьмо из базарного сортира вывезти. Придётся силами райотдела, а то обвинят и в садизме, в зверских пытках и самоуправстве. Что-то я расклеился? Не гоже чекистам в сортире ковыряться. Кулашидзе не подведёт. Раз закопал там, значит и глубоко и никто не обнаружит. До сих пор к нему никаких претензий. Автомобиль всегда в порядке, аккуратен, не болтлив, готов помочь. Что ещё нужно? Сам же себя не будет подрубать? Чуть что, бойцы покажут и ему откуда ноги растут! Ничего, - успокаивал себя Ларин, - мы его по первости смажем по службе

жирненько, жилплощадь расширим, этим успокоим, а там видно будет. Оставлять живым с такой компрой на меня – преступление! Мансаров парень острый, но ко мне хорошо. Намекну ещё раз на выдвижение – вот и кавказца завалит. Осетины грузин ненавидят, впрочем, как и те осетин. Главное завтра сработать чисто. Одного грузовика хватит. По нашим спискам и тем из Центра получается, что деревню Любус всю выметаем, никого не остаётся. Даа, дела! Надо будет „первому“ подсказать, что коров и свиней – в колхоз, другую живность тоже или активистам пусть раздаст. Скотину всё же жалко. Дома ещё и сараи... Пусть сам решает. На топку пойдут, на дрова к зиме в наш райотдел. Не пропадать же добру?

От громких речей на панихиде сильно заболел затылок. Ларин шёл по деревянному тротуару и вертел головой, стараясь облегчить боль. Из красно-кирпичного магазина выскочила Голда и махнула ему рукой. Зашёл – вкусно пахло селёдкой, хлебом, подсолнечным маслом.

- Вот и вы, товарищ начальник, вижу, день и ночь работаете, а здоровье то у вас одно? Мой Мойша говорит, что, если бы он не был евреем, то стал бы тоже большим начальником. У него голова крепкая, а я вам подарочек к празднику. Вот, возьмите, не то обидите старую еврейку. Я, знаете, какая красивая раньше была?

- А какой у нас праздник? – удивлённо спросил Ларин, - что-то не припоминаю.

- Так праздник не у вас, а у нас. Моему маленькому Бореньке с октября за двенадцать пойдёт.

- Так ещё же июль, товарищ Голда?

- Что нам это время? Если оно не идёт к нам само, то подвинем чуть и выпейте за меня и за нас. Я, всё-таки, мать этому идиоту и жена другому, чтоб они все трое здоровы были!

- Как трое? Вы же сказали у сына праздник и за мужа тоже. А кто ещё был?

- Ой, не сидели бы вы в ЧК! Вы про всё знаете. Это у меня был один. Давно. Хотел забрать всю меня в Минск, так этот маляр мне так глаза разукрасил и уши, что и ребёночек в животе получился. Вот я и осталась. А тот, красивый, зубы у людей вырывает. Деньги за это ему неплохие платят. Вы представляете, что было бы – он зубы рвёт, а я на балконе сижу. Внизу люди разные ходят, а я с ними только сверху разговариваю. Правда сейчас людей меньше стало, да и разговаривать не хотят. Может знаете, что это за эпидемия такая, что их уменьшается всех? Не хотите, не говорите. Я понимаю так – тайна на всё! У нас на Украине всех родственников в гражданскую побили, так это тоже тайна есть. Выпьете и полегчает. От сердца, но Мойшу не забудьте. Если кто на него, то это неправда. Он душой за власть.

- Да ладно вам. Спасибо, Голда. Интересные вы люди, евреи.

Ночное небо затянулось тучами. В разрывах между ними дрожащий, как пальцы слепого старика, свет луны осторожно ощупывал соломенные крыши домов. Их было немного – десять или одиннадцать. Стояли они по одну сторону зелёной кривой улочки, а напротив молодо кучерявились яблоневые сады. Из-за плохого освещения видно было недалеко – вроде, за картофельными полосками мелькнуло маленькое озерцо, за ним бесконечное хлебное поле, а там и вообще темень. Не то чёрный лес, не то бездонный океан.

Благодатная тишина – люди отдыхают, набираются сил. Завтра опять тяжёлый крестьянский труд. Что успеешь за лето – воздастся сторицей холодной зимой.

Вдруг ночной чистый воздух пронзил жуткий, толсливый собачий вой. Он начался где-то на окраине, за селом, похоже, возле старой кузницы. Сначала глухо, утробно. Потом крепче, расширяясь, забирая в высоту к редким звёздам, становясь почти таким, как плач ребёнка... Звук этот леденяще проникал под кожу, шевелил волосы на голове, будил самые мрачные и тревожные мысли. Услышав траурный мотив, луна выглянула, решив рассмотреть солиста-одиночку – чёрный силуэт большого пса чётко выделялся на фоне светлого песка у двери кузницы. Пёс неотрывно смотрел то на закрытые ворота, то на маленькое окошко слева от них. Затем шумно вздохнул и поднял голову. Его морда заострилась, шея напряглась... и опять безнадёжно одинокий, зовущий откликнуться хоть кого-нибудь, вой полетел над покинутыми домами, над осиротевшим хозяйством исчезнувших селян, над их остывающими печами и уходящим в небытие родовым гнездом. Деревня с красивым и тёплым названием – Любус исчезла вместе с людьми.

Ничто не дрогнуло в организме у заплечных дел мастеров. Никто из них не вспомнил ни этих матерей, ни их Шарика, вертевшегося весёлыми кругами при виде „гостей“. Всё это уже кануло в Лету.

**Дух отлетел –
Часы на главной башне
Пробили дважды три...**

Дух Петра Землянского видел всё это со своей высоты. С той высоты, куда никогда не дано заглянуть недочеловекам без совести и без мозгов.

Скажите, кто из думающих, искренне желающих познать мир через добрые дела, может подстилать под свои ноги кости и черепа братьев и лишать их жизни по наветам, лжи, по приказам недоумков?

Петро видел всё это, но ничего не мог поделать. Он был дух и духом оставался. Он был бестелес и невесом, невидим и неосяутии. Таким, как наша совесть, наша сердечность и тепло. Чем можно измерить их, как и когда? А ведь можно! Делами! Только добрыми делами! А как узнать, что ты делаешь хорошо? Когда будешь помнить эти страницы и этих безвинных, когда тебе будут улыбаться люди и дети их.

*Я думаю о том, откуда, из каких теней, из каких самых тёмных закоулков нашего сознания и общечеловеческой морали, нет да нет, выползают гниды, питающиеся особой любовью к главному прыщавому тирану и садисту советского времени - Джугашвили-Сталину? Неужели подобными руководят только первобытные инстинкты - жажда крови, садизм и вседозволенность?! Если они не способны сопереживать и видеть в нашей кромешной темноте правду о миллионах загубленных, то какой с них спрос сейчас? Спросят на Высшем суде совести! Почему некоторым обязательно нужно воскресить этого тирана? Они на самом деле до сих пор питаются кровью себе подобных? Да....., есть отдельные особи, для которых нет даже дневного света! Для них день заменён озаряющими лучами от самого отца народов, недоучки, садиста и изверга! В 1937 году, в самый разгар адовыи репрессий, унесиих миллионы жизни, на съезде партии он произнёс свою знаменитую фразу – „жить стало лучше, жить стало веселей!“ Кому и где?**

Глава 2. Поросль

- Эй, хлопцы! Пригнитесь, а то вас за версту видно! Нужно немного за баней посидеть, а если он с хаты в сад пойдёт, тогда Михась нам сигнал подаст, - объяснял двум младшим подросткам пятнадцатилетний Стасик Акуловский, - я обещал Михасю тоже ранеток дать, но только за работу, а не просто так. Свиснет два раза, тогда и пойдём. Ты, Колян, первый, за тобой Вовка, а я прикрывать тылы буду. Вы быстро берёте в бане рамки сотовые, а я в мешочек ранетки буду рвать.

- А где эти рамки там лежат?

- Вчера видел, как старый Пашкович прятал их в бане, где-то за дверями, может в предбаннике.

Все трое привстали на колени и вытянули шеи по направлению к длинному саду. Дом Пашковичей еле просматривался сквозь заросший плетень и курчавые кусты смородины. Сад был разделён на две половины. Ближняя к дому в три ряда была заставлена ульями, а дальше росли яблони – по краям антоновки, в центре жёлто-красными плодами привлекали внимание две ранетки. От соседских участков сад отделяли ряды вишен с одной стороны и слив – с другой. Трудлюбивая семья и жила, в основном, за счёт продажи плодов. Картошка, овощи, лук, кое-какая зелень также шли на базар, и на вырученные деньги девять человек жили, особо не бедствуя.

В эти пёстрые годы голодраное большинство бегало с красными флажками и призывали, разрушив всё старое, рвануть вперёд. Другие, закрыв ворота и сжав зубы, злобно матюкали советские новшества. Пашковичи, как и при старом укладе, трудились от зари до зари, уповая на милость божью, на молитву и на свои натруженные руки. Они не принимали участия в еженедельных сходках в здании полуразрушенной деревянной церквушки, занятой то ли под сельсовет, то ли под правление будущего колхоза. Дед Иван, много видевший на веку, ухмылялся в усы: „Ничего, не такое бывало, но выстояли! Пусть ржут, да в ладони плещут. От крика да красных тряпок только петух разволнуется – взлетит на ворота, покуракекает... и пшик - весь вышел! Трудиться надобно, а когда там, в будущем что-то и появится у властей людское, то только через свой достаток и увидим это“.

Основательность и прочность семьи Пашковичей вызывали у большинства соседей не самые добрые чувства. Частенько полуцыган или полухохол Емельян, не работавший нигде дольше одной недели, приходил и нагло просил отдолжить или просто дать то муки, то картошки, то чего-нибудь ещё для якобы исхудавших поросят. Жене Ивана так надоели эти систематические поборы, что она начала выставлять за воротами большое деревянное ведро-цэбар с очистками, яичной скорлупой, остатками пищи. Просишь для скотины – забирай!

Такое решение сразу вызвало завистливые пересуды – одни говорили, что Пашковичи зажрались от богатства, другие – мол, специально унижают

крестьянско-пролетарскую семью, третьи видели в этой обыкновенной житейской картинке не меньше, чем демонстративный вызов всей советской власти и плевков каждому отдельному бедняку прямо в лицо! Зато рассмотреть лень и хитрецу бездельника этой массе дано не было. Вот и юнцы, слышавшие от старших о несправедном богатстве и бесчеловечности таких, как Пашковичи, наливались сначала подростковой бесцельной энергией, а потом и внушённой классовой завистью и злобой к работающим и самостоятельным. Никто и никогда не хотел им объяснить, откуда на самом деле берутся очень относительные блага крестьянина. Пропаганда новой власти была нацелена только на внешний результат – раз живёт лучше, чем сосед, значит кулак, враг и сволочь! Вот на такой простой и примитивной платформе и формировался нетерпеливый классовый взгляд. Ну, а выводы приходили сами собой! Именно, руководствуясь такими недружественными выводами, и определил Пашковичей в воровские жертвы шустрый Стасик.

Он и его мать были пришлыми в Липеньском районе. До переезда сюда жили они другой жизнью в Западной*, в большом селе Татарцизна, что в 20 километрах от Койданово.

Стасик был единственным ребёнком и вся родительская теплота, насколько это было возможно в то время, отдавалась ему.

Теплотой это назвать было трудно. Странная была эта теплота! Отец, человек набожный и мягкий, ходил на работу в местную управу. Благодаря стараниям, хорошей памяти приобрёл уважение начальства, поэтому на зависть другим всё чаще и чаще заменял самого главного. Бывало, что и по выходным дням работал. До вечера в конторке, а потом с домашним хозяйством. Для сына времени не хватало, только иногда за обеденным столом он изрекал застывшие сентенции, типа – «кто быстро есть – тот быстро работает», «трудиться надо в поте лица своего» или «...наша маменька всегда права, потому что правду говорит...». Получалось, что Стасика воспитывала одна мать. Супруг почти не принимал в этом участия, то ли из-за занятости, то ли нежелания, а, скорее, из-за откровенной робости и даже страха перед своей агрессивной, не терпящей никакого чужого мнения женой. Вмешиваться в любые её жизненные, да и любые планы, было опасно. Марта была истинной мегерой!* Волевая, целеустремлённая, особенного поведения. Это всегда проявлялось в ситуациях, когда она хотела настоять только на своём. Для достижения целей применялся редкий среди местного люда арсенал сил и средств – битьё посуды, швыряние попавших под руку предметов, громкие и слёзные истерики, театральные заламывания рук и падения в контролируемые обмороки, лисьи хитрости, многочисленные клятвенно-визгливые заверения покончить с собой. В эти мгновения отец пасовал, сгибался пополам и, бормоча какие-то извинения, тихо исчезал из дому, даже не пытаясь помочь лежащей на полу нервноозабоченной супруге.

Она когда-то окончила шестимесячные учительские курсы в Гродно и по просьбе ксендза вела при костёле в небольшой школке польский язык, не--

много белорусский, а также кое-что из их литературы. Конечно, она считала себя выше других, да и лучшего сорта. Не обладая хорошей памятью и глубокими знаниями, брала зубрёжкой, железной дисциплиной на уроках, яркой ревностью к своим коллегам. Её не столько уважали, сколько боялись – и ученики и их родители. На любой вопрос или сомнение об успеваемости любимых чад, она мгновенно находила аргументы только в свою пользу. От сознания собственной „исключительности и превосходства“ над простым людом, её постоянно распирала неимоверная гордость, точнее сказать – гордыня. Про себя она говорила только как о врождённом педагоге и примере во всём для других. Её педагогические навыки и методы сводились к долбёжке на уроках, жёсткому, унижающему детей давлению и вьедливому контролю. В глаза и души она не заглядывала. Когда никого из коллег не было рядом, била по головам, с остервенением таскала за волосы и уши. Из её маленьких, но необыкновенно крепких рук не мог вырваться даже второгодник из шестого класса. С таким же жестоким, почти садистским рвением воспитывался и единственный свой ребёнок. Характерец Марты был неуправляем и тяжёл. Её интересовала только собственная персона и то, что говорят о ней люди со стороны. Этот внешний авторитет, скрывавший истинное нутро, зарабатывался ею любыми путями и способами. Перед агрессией, злостью и волей пасовали и это придавало ей всё больше уверенности и наглости в том, что только она во всём и является примером. Откуда это пришло, не знал никто и она сама. В её родительской семье прививались терпимость, богобоязненное отношение к людям, покорность судьбе и тёплая родственная атмосфера. Лишь она одна из девятерых детей постоянно конфликтовала со всеми, раздражалась по малейшему поводу и без и ничего не могла, да и не хотела делать со своей безграничной заряжённостью на конфликты и агрессию. Марта быстро поняла, что почти все жизненные проблемы быстрее и эффективнее решать с помощью коварства, истерии и хитрости. В редкие дни она оттаивала и тогда маленький Стасик мог почувствовать её стальную ладонь на своей голове. Одну, самую первую в своей жизни трагедию, Стасик запомнил на всю жизнь и носил в своём сердце, не доверяя никому. Может быть, тот случай многое изменил в его характере, скорее, сломал, преподав то, что он не мог забыть, что, нет да нет, вторгалось к нему, хотел он этого или не хотел, чего он не мог никогда простить!

- Куда ты подевал мамины часы? – этим вопросом встретил Стасика отец, - они были на комод, а сейчас их там нет?

- Не знаю, - пробормотал встревоженно мальчик, я их там видел вчера, а где сейчас, не знаю. Я сегодня целый день на улице с Колькой, Витькой...

- Не смей врать! – из-за спины отца показалась напряжённая, с покрасневшим лицом мать, - лучше признайся, а то плохо будет! Говори, куда ты их девал? Ты знаешь, как эти часы мне дороги. Это папин подарок к нашей свадьбе.

- Воровать нельзя! Лучше говори правду..., - говорил, уже повизгивая на повышенных тонах отец, - не зли маму. Видишь, её уже дурно!

Обстановка накалялась. Стасик хотел подвинуться ближе к полуоткрытой двери, но путь отрезала мать. Её рука уже сжимала кожаный ремень с толстой железной бляхой, в которой кандалным звоном позвякивал стопорный ролик. Мальчик похолодел. Его спина уже была знакома с этим инструментом воспитания. Это была невесть откуда взявшаяся немецкая лошадиная подпруга. Мать периодически жестоко избивала его. Один раз за то, что простыл, играя на холодном песке. Второй раз, что опоздал домой на десять минут, заигравшись с друзьями на лугу, в двадцати метрах от своей калитки. В третий раз – за сломанную ветку.

Тонкий, как бритва, рот матери превратился в змеиную щель. Маленькие глазки округлились, стали злыми, а голос зашипел по-гадючьи. Лицо самого родного человека застыло и приобрело выражение железной маски. Рот приоткрылся, обнажив острые, треугольной формы редкие зубы. Из пасти извергся рык. Мать схватила сына одной рукой за тонкую шею, второй за штаны и изо всех сил, грубо бросила на софу в столовой. Содрав с тщедушного тельца одежду, она, как вампир, уже не контролировала себя – бессвязные звериные вопли, казалось, подняли потолок, в уголках рта запузырилась пена. С каким-то диким уханьем, прикладывая максимум сил, она полосовала и полосовала своего дитяти. Удары лошадиной подпруги со стальной пряжкой ложились кровавыми отпечатками на спину и ниже, били по шее, ногам...

- Не бей, мамочка, не бей так, - визжал в толстый матрас детский голосок, - не брал я этих часов, не брал я... Боженька, защити ты меня! Не брал я! Не бей так сильно! Больно мне! Не я это...

Но Боженька равнодушно взирал на эти невиданные, изуверские пытки, как и на многое другое, и сейчас и много позже, уже во взрослой жизни. Ох, избирателен же ты, наш Боженька и всегда лжив!

Голос ребёнка, спустя минуту, надорвался. Только звенящий сип шёл из рта. Инстинктивно он продолжал, как мог, уворачиваться от разящих ударов, крутился, как на сковороде. Но это только вводило мать в следующую, более озверелую стадию остервенения. Она вошла в раж и не унималась. В каждый удар она вкладывала что-то своё, тайное, не человеческое, не материнское. Это был звериный, безудержный апофеоз садиста, жаждавшего живой крови и страданий жертвы. Это облегчало её, разливалось сладким ядом по всему телу, било в виски и освобождало сердце от накопившихся за день трудов.

- Я тебя всего на кровавые писюги располосую! Ты у меня запомнишь, как врать и воровать! Ах, ты, сволочь малая! Ууух, аах! Как я сегодня на работу пойду? Какой у меня будет вид? Прибить тебя до смерти только осталось! Где мои часы?

- Где часы? – заревел мягкий всегда отец, - зарублююуюю! Он странно подпрыгнул на одной ноге и бросился в дверь. Шаги его зацокали по деревянному тротуару в направлении сарая...

Какая сила подбросила Стасика, кто вырвал его из рук озверевшей матери-садистки, но уже через секунду, натягивая штаны на окровавленное тело, он нёсся на всех крыльях вон, спасаясь от страшной смерти. Он почти чувствовал, как холодное блестящее лезвие отточенного топора вонзается ему в затылок, как хрустит кость, ручьём хлещет кровь, как прыгают и радуются родные ему мать и отец...

Сутки он прятался среди комарья на болоте, за кустами и слышал елейные голоса. Они тихо, чтобы только не узнали соседи, по очереди звали его домой. Когда же истинный виновник пропажи драгоценного папиного подарка обнаружился, то ни извинений, ни слов участия и любви Стасик не услышал. Не услышал ни в этот день, ни позже, за всю последующую жизнь.

Кошка, любившая прыгать и играть по всему дому, сбросила лапкой часы, лежавшие на комодке, в приоткрытую шухлядку, где они и были найдены с притворным удивлением к вечеру следующего дня. В присутствии удивлённых родителей Мурка, обнаружив часы на старом месте, опять попыталась подцепить их и смахнуть вниз. На неё зашикали, затем, взяв на руки, нежно погладили и, рассмеявшись, выпустили погулять.

Когда родители удовлетворённые находкой, ушли на работу, Стасик попытался раздеться. Никак не мог снять рубашку и трусы. Было очень больно. Ткань не отлипала от тела. Она заскорузла и приклеилась к ранам. Слезы текли градом. Наконец разделся догола и подошёл к старому бабушкиному трюмо. Такого он не ожидал увидеть! Его волосы встали дыбом – вся спина, плечи, руки, ноги до колен и шея были покрыты багровыми и синими струпьями. Сквозь лопнувшую кожу обнажилось что-то розовое, кровавые полосы не оставляли живого места...

Психика мальчика не выдержала и он зашёлся в рыданиях, в плаче загнанного зверька, в плаче оскорблённой, растоптанной и униженной души... Плечи его подпрыгивали, рот открывался в бессвязных всхлипах, хватал исчезающий воздух. Он рыдал, рыдал, рыдал... Временами, когда почти терял сознание, стены комнаты исчезали... и тогда вновь в ушах звучали железный визг, рычание диких зверей и свист кожаного ремня...

Боковым зрением заметил, как к их калитке подошла соседка, добрая тётя Катя, работавшая сиделкой в больнице и оттого любившая всех без исключения людей. Она из своего дома уже не первый раз слышала плач и стоны ребёнка, но не решалась войти на чужую территорию.

Стасик вдавил голову в подушку, захватил край зубами и, давясь от всхлипов, попытался замолчать. В этот момент он понял, что не хочет, чтобы о его горе знал ещё кто-то и видел его таким раздавленным. Дождавшись, когда соседка ушла, он опять предстал нагим перед зеркалом и, глядя самому себе в зрачки, яростно закричал, переходя на звенящий фальцет:

„Я никогда тебе этого не прощу! До самой смерти моей я не забуду твоих издевательств! Я проклинаю тебя! Я не виноват! Я ненавижу вас всех! Ты мне не мать!“

С этой секунды Стасик навсегда замкнулся и, хотя тупые и бесчувственные взрослые в таких случаях говорили и говорят, что время выветривает всё из детской памяти, этот чёрный эпизод навсегда лёг страшным грузом на его сердце. Да, со временем отношения в семье кое-как внешне выровнялись. Никто ничего не вспоминал, но мать в вечерних разговорах с мужем, возможно чувствуя небольшой дискомфорт, ещё долго, годами твердила: „Это только на пользу пошло. Не мог же он быть совсем невиноватым. В этом нет, так в другом же был? Как ты думаешь? Да и очень прятный он у нас!“

- Как ты говоришь, так я тоже так думаю. Наш ксёндз мне объяснял, что есть даже латинская пословица – „Qui bene amat, bene castigat!“ Кто кого любит, тот того и чубит! Вот как бывает! Да, очень шустрый он. Жаль, что ты свои нервы испортила. Тебе не нужно в следующий раз так напрягаться, Марточка. Твоё здоровье мне всего дороже, кисанька.

Но, видимо, заглаживая и свою вину, отец стал брать сына на ночные рыбалки сетями или бреднем. Это наказывалось властями, но жена бездумно и упорно заставляла его заниматься этим. Рыбу хорошо скупали оптовики, и финансовый достаток семьи чуть поднялся. Это уже нравилось Марте и она, не задумываясь о последствиях, со свойственными ей настырностью и сообразительностью уговорила заняться ещё более доходным делом – самогонованием.

- Ты же работник управы. Тебя никто не заподозрит, да и не только ты этим делом занимаешься. Смотри – Кузьмицкие, Кулеши и даже эти сектанты Махнецкие людям головы дурью забивают. Время сейчас тяжёлое. Советы, говорят, вот-вот придут. Всем сразу конец будет. А мы до их прихода и заработаем. Может и на новую хату хватит, а при комуняках неизвестно что. Молва ходит, что жильё отберут, а для всех один амбар построят, ну, как общежитие для студентов – каждому по катушку и всё..., да ещё и по одному окну будет...

Отец безропотно и бездумно повиновался. Знал бы он?

Кто-то доложил полиции и его арестовали за подделку акцизных* печатей на спиртное. По тем временам обвинение серьёзное. Грозили двумя годами, но через три месяца отпустили. Пока он сидел, власти арестовали трёх агитаторов за Советы. Двое из них жили через дом от Акуловских, третий откуда-то приезжал к ним. После возвращения отца среди односельчан одно время упорно ходили слухи, что свобода была выкуплена им в обмен на этих людей. Приезжий был расстрелян жовнерами* за старым кладбищем и там же захоронен, а Юхновича Франека, местного кузнеца и соседа-попрошайку Пугача Александра долго допрашивали в Гродно, а потом посадили всего на четыре месяца в тюрьму.

Стасик после этой истории сильно изменился. Он научился полностью скрывать свои мысли, ничем не выдавать эмоции и давно сторонился матери. Уже тогда он начал жить двойной жизнью и с грустью и нетерпением ждал возвращения отца. Потом не отходил от него ни на шаг, словно чувствовал что-то. Отец, когда рядом не было матери, как бы извиняясь за прошлое, постепенно посвящал сына в таинства взрослой жизни, научая его разумному поведению, осторожности и изворотливости. Часто говорил:

- Вот у тебя есть товарищи. Сколько их – три, четыре? А глянь на них сбоку. Чем занимаются, как ведут себя? Главное – какое у них отношение к тебе, к другим? Что у них за цель? Как они пользуются друзьями, в том числе и тобой? А кто из них тебе нужен для будущей жизни?

- Как так нужен, тата? Они же не вещи?

- Знаешь, в некотором смысле человек тоже вещь. Когда просто дружить, то нет, а когда искать свой путь и строить его самостоятельно в этой жёсткой жизни, то каждое человеческое существо вокруг представляет для тебя, как бы сказать, площадку, на которой ты или задержишься надолго, напрасно растрачивая время, или найдёшь другую ступеньку-друга, став на которую, пойдёшь дальше – на вторую, третью...

- Получается, папа, что все друзья – вещи, ступеньки? Неужели нет совсем тех, на кого можно просто опереться, дружить и поддерживать один другого? Только положить под ноги и лезть выше?

- Получается, что в настоящей взрослой жизни таких нет, или почти нет! Теперь, может, ты не всё поймёшь, но попробуй пока только запомнить слова твоего отца. Поверь мне, поверь моему жизненному опыту. Я много чего уже видел. Так уж получилось, что ты у нас единственный ребёнок. Поэтому очень хочу, чтобы ты был разумным, осторожным, а где нужно, мог и клыки показать. Когда поймёшь, что твой друг, знакомый может что-то для тебя, или для твоей будущей семьи нужно сделать – замолвить словечко у властей, достать для тебя что-то ценное, нужное, отвести угрозу, найти лучшую работу с хорошей зарплатой, то такой человек и стоит больше, чем все остальные – лентяи и ничтожества. Но никогда не забывай – сделал кто-то для тебя доброе, добром и отплати. Когда в тот же час не можешь, то сделай обязательно потом. Есть и маленькие подробности. Бывает, что твой друг, или знакомый в какой-то момент был для тебя полезен, но время прошло и оказался он пустышкой – работу поменял, ничего полезного с него не взять, или в немилости у властей, ну, как твой батяка... Тогда не трать на него время, отходи постепенно и настойчиво ищи следующих...

Особенно врезались в память Стасику такие слова:

- Теперь всё поворачивается к дьяволу. Советы вот-вот придут. Они очень желанные для тех, кто не трудится, а только мечтает о будущем богатстве и о том, чтобы всё отобрать у имущих и поделить среди своих. На первое время им хватит, а потом начнут искать и среди нас, тех, кто умеет и хочет

работать и зарабатывать, кто знает, как растёт хлеб и что нужно выпалывать сорняки и в поле и в своём огороде. Ну, такие вот, как васильки. С виду красивые, а по сути – яд! Ты уже достаточно взрослый, поэтому и говорю тебе мою правду – ничего более ценного чем твоя жизнь и жизнь твоих родных нет на свете. И когда придётся выбирать между смертью и жизнью, выбирай жизнь! Чего бы это не стоило! А цена за неё может быть любая. Знаю, что не по Вере, не по Библии тебе это разьясняю, но и среди апостолов был тот, кто выжил, а главный погиб. Правда и то, что Иуда долго не протянул, но сам виноват. Мозги нужно было иметь. Нужно не болтать лишнее. Прости мне, Боженька, за паскудную науку, но какое время, такие и учителя! Для будущей власти середины нет – или ты с ними, или в расход! Но уважай её, какой бы дьявольской она не была. Лучше сделать так, как сделал я и вернуться к тебе. Понимаешь теперь, сын мой, каким образом я заплатил за свободу и свою жизнь? Теперь и ты знаешь всё и мы с тобой с этой минуты должны держать язык за зубами. Пусть на улице говорят, что хотят, но свидетелей моих грехов нет и не будет. Жаль только старой работы...

Случилось это зимой, через два месяца после этого длинного разговора. Отца нашли в Немане, подо льдом. Лошадь выдернула из полыньи сани, а седок выпал. Стасик очень тосковал и часто думал об отце. Ему казалось, что он понимал его, понимал безвыходную ситуацию с самогоном, в которой он оказался, хотя и слышал пару раз от других, что плата отца была слишком высокой - с одной стороны месяцы заключения, с другой – расстрел человека. Эти тихие разговоры за спиной больно ранили его.

Он не мог и не хотел задумываться, где правда, а где ложь. Ненависть к злодеям и шептунам овладевала им и подталкивала к непродуманным и скорospelым поступкам. Несколько раз от подвыпивших мужиков слышал на улице: „Эй, щенок предателя! Подожди, придут Советы и всех вас, куркулей*, в Сибирь или под расстрел! Отплачутся вам слёзы Франека и Сашки!“

Придя домой, чтобы не слышала мать, он падал в подушку и рыдал, рыдал до боли в голове. В бешеном бессилии скрипел зубами и шептал про себя: „Я отомщу за тебя, отец! Они захлебнутся кровавыми слезами. но нам нужно отсюда уехать. Жить здесь нам не дадут“.

Рано повзрослев, ещё четырнадцатилетним, решился поговорить с матерью. Через недели три, продав весь скарб и хозяйство, уплатив проводникам, они перешли тёмной ночью границу в районе Осиновского болота и появились у далёких родственников отца в Липеньском районе, в селе Домовицк. Дядя выделил им кусок своей земли. Крепкий ещё сарай приспособили под жильё, а Стасик начал работать при местном лестничестве. Мать поменяла польское имя Марта на Марию и жизнь на новом месте и при новой власти постепенно начала налаживаться. Кто-то из мальчишек однажды донёс, что старый Пашкович сказал обидное про его маму. Мол, прижила ребёнка-байструка* на стороне. Тогда и решил Стасик отомстить деду, обобрать сад и стащить сотовые рамки. Воровского опыта у него не было. Не дождавшись условного свиста, „добытки“ пошли на дело. Двое по намеченному плану скрылись в бане, а Стась нервно срывал и срывал ранетки. Внезапно раздался злобный лай огромной собаки, задняя калитка захлопнулась и железные руки Пашковича схватили его за шиворот. Стасик был выпорот на виду у всех и пинком под зад вышвырнут к плетню.

- Смотри у меня! В Западной* гәдили, но тут вам другое место!

Эти слова и их двойственный смысл врезались в память подростка на всю жизнь. Он вспомнил слова отца и его неторопливый голос:

- Когда ты очутишься в безвыходной ситуации, то бей первым! Бей так, чтобы тот, кто замахнулся на твою жизнь, свободу или честь, лёг и больше никогда не встал. Бить можно по-разному – кулаком или словом. Когда кулаком, то обязательно без свидетелей и не на том месте, где тебя оскорбили или угрожали. Пусть пройдёт время и не маленькое – может, год, а может и больше. И место этой последней битвы должно быть далеко. Книжки читай. Там есть разные истории – то случайно утонул, в бане задохнулся, с лошади тоже можно свалиться насмерть, или в хате сгореть... А для тех, кто будет интересоваться, где ты был, ты должен свою историю подготовить. Главное – ни с кем не делиться, никому, никогда ничего не говорить. Никому! Язык твой – враг твой!

Словом бить лучше, но для этого нужно иметь близкую связь с властями и не абы какими! С властью тайной, которая управляет всем и всеми в темноте через своих тайных людей. Она и эти люди есть везде. Какое её название у Советов точно не знаю. Но уже слышно среди людей – очень

жестокая она и кровавая. А для мести всем выбл...м самый раз. Есть у меня плохое предчувствие, что грех мой потянет скоро меня. Тогда и отомстишь всем этим. Но не торопись, подрасти. Сначала присмотришься, послушай. Что говорят знающие люди, начальство какое-нибудь, что пишут в газетках, а что на улицах среди простого люда? Не сторонись контактов с людьми – будешь всегда в курсе всех событий. Да и хорошо со стороны – ты не одиночка, а такой как все. Тогда и можно набрать „товара“ для новой власти и только с ним туда и идти. Не с пустыми руками и с подготовкой. Мол, не могу стерпеть, обидел кто-то в ссоре..., а я вас защищал... А познакомившись, не спи в шапку. Делай так, чтобы, по-первое – себя прикрыть, свои интересы, а по-другое – с ними в их же игры сыграть. Спрашивают о ком-то конкретно, ты и отвечай, что тот настроен не так, то есть, что они хотят, то им и подавай! Не забывай, что рядом с тобой и другие тайные игроки могут сидеть. Этого никогда не забывай!

Надо бы всем нам на восток съехать, но успею ли я? А так скажу – учиться тебе надо. Голова у тебя хорошая, за мою лучшая и память тоже. Тебе бы дальше и дальше, что тут в деревнях прозябать. А в городах работы всем хватит – и властям, и тайным силам её, и тем, кто всё это тайно охраняет! Туда тебе надо, к ним!

Уже в Домовицке, лёжа в ночи на лавке, сработанной отцом, Стась мечтал о мести тем, кто загубил его единственного родного человека. Перед сном думал о прожитом дне, строил планы на будущее. Отцовские советы всё больше обретали реальные очертания – из ближайших деревень забирали и забирали людей, и никто толком не знал, за что и куда. С осторожностью, прячась за наивностью и любопытством подростка, он выпытывал то у одного, то у второго причины арестов, интересовался, что говорят об этом люди. Как-то случайно до него дошло, что, если задавать один и тот же вопрос, но разным людям и в разных местах, то ответ получался более обширным и интересным. Никто не мог ничего заподозрить. Через год, когда Стасика, как одного из старательных работяг назначили старшим смены, в его голове уже созрели дальнейшие планы. Мать, услышав, что сын собирается учиться в школе рабочей молодёжи в райцентре и работать там, взгрустнула, но, поняв, что по выходным он будет приезжать, успокоилась.

- Отца своего только не забывай! – сказала она при первом расставании.

- Нет, мамка, я ни его, ни тебя никогда не забуду, - и смело добавил, я ещё выпью стопку за конец тех, кто его сгубил и кто издевался надо мной!

Мать внимательно посмотрела ему в глаза. Там уже был незнакомый ей стальной блеск и упрямство. Она, поняв намёк, поёжилась, выдавила уголками рта кривую улыбку и, делая вил, что ничего не поняла, осенила его крестом и прошептала:

*Западная – так в народе называли территорию Беларуси – Гродненскую, Брестскую и часть Минской области, занятые до 1939 года поляками.

- Что было, то было. Может я и выковала из тебя человека. Ты был единственным плодом нашей любви. Береги себя. Пока ты жив, жива и я. Что бы ты не делал, я на твоей стороне! А деньги на науку найдём. Отец твой напрасно время не тратил.

Уже начальник

Мансаров любил по воскресным дням прогуляться по Липеньскому базару. Не для покупок. Его жена прекрасно справлялась с этим сама, тем более, что от дома до торговых рядов было метров сто. Приходил он сюда для того, чтобы и людям показаться и самому принюхаться. Спиной чувствовал, как прикрывали рты немощные деревенские торгаши, как сгибались ниже и пальцем втихаря показывали один другому на нового начальника райотдела НКВД. Название репрессивного аппарата меняли и до и после часто, наивно полагая, что новое имя со временем заставит людей забыть зверства, связанные, скажем, с ОГПУ, но дело было не в названии. И прежние садисты и настоящие с революционным энтузиазмом и рвением упорно продолжали творить беззаконие и с новыми именами, названиями и кличками. Форма не определяла содержание. Она была призвана на какое-то время прикрыть кровавые пятна на прошлых годах и укрепить веру чекистов в праведности служения одному и тому же Дьяволу.

Времена менялись быстро и непредсказуемо. Ларина через год после удачной операции забрали в столицу в отдел кадров. Мансарова назначили на его место. Неожиданно вырос Кулашидзе – от рядового баранки* до уполномоченного, обойдя засидевшегося и слишком осторожного Борискина. Копаться в прошлом, даже в своём стало опаснее. Потоком шли строгие приказы о допущенных нарушениях при коллективизации, превышениях служебных полномочий, даже признавались случаи, как скромно отмечалось в этих документах, отдельного избияния отдельных подследственных... Правда нигде не говорилось о массовых казнях и высылках на каторгу безвинных детей, женщин и стариков по ложным доносам и заведомо фальшивым делам.

Сотрудники притихли, затаились, сосредоточенно вылавливая в интонациях высшего начальства персональную угрозу. Предпринять что-либо для своей защиты, изменить или подделать, исправить что-то в том, что уже легло в архивы и отчёты было невозможно. Оставалось уповать даже уже и на Бога и на то, что, может быть, на этот раз пронесёт. Росла тревога за „сверхактивную“ работу и особенно за профессиональное тщание по „перевыполнению оперативных планов“. В моменты таких перетрясок хуже всего чувствовали себя самые верхи и непосредственные исполнители – оперативники на местах. Последних никто не щадил. Забыв напрочь и о наградах

этих людей и о том, что именно ихними стараниями был выстелен путь в генералитет одним, а другим – в ад, уже был взят курс на так называемую партийную объективность при оценке совершённого. Чаше и чаще на многочисленных совещаниях в Москве и в республиканских столицах звучали искренние удивления тому, что якобы раскрылось при инспектировании низов! Пошла волна арестов тех, кто сделал незыблемым на века чекистский фундамент. Их сначала выгоняли на свои хлеба без пенсии и пособий. Потом возвращали и тут же арестовывали для расстрела без всякого расследования, категорически не касаясь такой тонкой субстанции, как высокопоставленные инициаторы преступных приказов всех рангов – от областного до общесоюзного. Облава и на них произойдёт попозже по приказу самого Вождя! Чем всё это объясняли? Да ничем! Причины были до занудности те же, что и при расстрелах простолудин или интеллигентов-нытиков – затесавшийся в своих рядах враг или западный шпион, перерожденец, что звучало почти по братски, конечно, резидент польских или каких-то там других разведок... Словом, нужно было прикрывать свою задницу перед очередным постановочно-театральным гневом Отца народов. В любом случае судьба коллег-палачей любого уровня была печальной. На гребнях исторических переломов, а по правде сказать, по причине патологической подозрительности и недоверия Самого, ставили к стенке даже генералов, комиссаров, формируя таким образом преемственность рабского послушания и животного страха.

Мансаров на этом колеблющемся, зыбком фоне продолжал всё же поддерживать, даже улучшать свои отношения с бывшим начальником. Тот, работая в кадрах, уже был намного дальше и от подозрения и от собственного чекистского меча и мог спасти. Поэтому Мансаров, не афишируя, то привозил кое-какие подарочки натурального свойства – рыбку, сушёные грибочки, соленья разные, кое-когда дичь, подстреленную сексотом. И только где-нибудь в парке или на улице Минска тихонько говорил:

- Владимир Лаврентьевич, знайте твёрдо – всё это закупаю для себя, не для подарков. Никаких подношений. Это в случае чего... Вы же меня понимаете? Время-то стало. Вам хорошо, да и мне, возможно, в будущем подвезёт!

Ларин слушал и обычно не реагировал, держа нейтралитет, но пару раз согласительно кивнул. Это был хороший знак.

Однажды вне стен кабинета он веско произнёс:

- Работаешь ты хорошо. Гибко, но конкретно. Понимаешь о чём? Доволен и я и наше начальство тобой. Вроде бы сдавать никто тебя не собирается. Видишь, что значат тонкости в оперативной работе, особенно на стадии реализации материала. Ты в этом преуспел. Намекну – вновь приближается очередное затишье. Нас по команде оставляют в покое, но, как всегда, наверху уже есть новые идеи и новая политика.

Расширяется мало применявшаяся метода по вербовке агентуры влияния, но не в старом смысле – повлиять на какого-либо конкретного человека, а

привлечь неустойчивые и потенциально враждебные массы к организованной деятельности, к сплочению против властей, тем самым облегчая и наш контроль за ними и делая уничтожение подобных формирований чётким, глубоким и назидательным. Не только контролировать, но и самим создавать эти процессы и потом решать, что с ними делать. Для нас практически беспроектно – сами создаём проблему, сами же её решаем и этим же отчитываемся! Есть и нюанс – чутко реагировать на постоянные зигзаги во внутренней политике партии и её лидеров. Влево – мы левых наплодили, вправо – правых! Гениально! Ну, а на практике так – подбираем и растим, воспитываем секретного сотрудника, учим его, помогаем ему даже с поиском соответствующей работы. Там, где будем создавать нужную нам оперативную комбинацию. Прикрываем его другими сексотами или спецмероприятиями. Словом, настоящая оперативная игра. Москва уже первая начала. Теперь черёд за республиками. Найдёшь подходящего кандидата, сможешь проверить, обучить, то могу сказать – в Центре на тебя молиться будут. Там одни говорливые бюрократы. Работать внизу никто не может. Ну, а покажешь результат – и дела твои служебные здорово подвинутся. Можешь и меня обойти. Но я не боюсь, мы уже Липенем крепко связаны. Так?

Учёба по жизни

Следуя советам отца и матери, Акуловский обнаружил в себе интерес к учёбе. Устроился рабочим-разносчиком в районной типографии. Работа была не пыльной – кипы свежих газет складировать для развозки, бумагу и типографскую краску сгружать и вовремя пополнять запасы, линотип чистить и ещё разные мелочи по поручению начальника. Времени свободного, не сравнить с крестьянским трудом, было навалом и Стасик, „подъехав“ как-то к шефу в момент его хорошего настроения, попросил рекомендацию в школу рабочей молодёжи. Тот важно надулся, начал вещать, что туда первыми идут представители рабочего класса, а поскольку он из деревни, то нужно советоваться, мол, в самом райкоме...

Тут Стасика осенило: «Хорошо, спросите там, а вам случайно кругляк не нужен? Для стройки или для чего...?»

- Какой такой кругляк? Он всегда в хозяйстве нужен, а откуда у тебя?

- У меня ничего нету, бедные мы с мамой, а учиться надо. Состарится она, кто помогать будет? А я вам подвезу с десятков добрых хлыстов, но недорого совсем. Можно сказать бесплатно. Бесхозные они. Ну, никто пока ещё не забрал. С моей бывшей работы в лесхозе. Лежат там. Я вчера видел. Возьму лошадь, телегу и в два, три прихлопа и привезу. А вы мне, пожалуйста, рекомендацию эту, Пётр Захарович. Потом и досок найду. Не пожалейте бумажки. Я же сейчас уже в настоящих рабочих тружусь.

- Десяток, говоришь? Ладно. Если сможешь, то только поздним вечерком и сразу за сарай. Так и быть, напишу, но без фокусов, без болтовни на стороне. Теперь слышал какие законы – за одну доску загромоздить можно, а тут почти дом целый. На баньку точно хватит, а то в этой городской вся жопа в сале каком-то. Всё там у них грязное. Принесёшь справку из своей школы. Сколько закончил, какие оценки. Должно быть не менее шести классов, а ты, вроде, три или четыре всего?

- Нет, нет, у меня как раз до шести дошло, - не моргнув, соврал Стась Акуловский, - в понедельник и принесу.

В этот же вечер пошёл пешком к матери. Взял у неё курицу, два кружка сыра, десятка три яиц, бутылку самогонки и ночью вернулся в Липень. Наутро подошел к Лазарю Минделю, наборщику и, отозвав его в сторонку, как учил отец, отдал ему меньшую часть, а большую попросил передать Захаровичу. Почему так? А чтобы сильно не смущать прямым подношением своего начальника. Стась уже давно знал, что все советские начальники берут взятки. Те же, кто гордо отрицает это мокренькое человеческое подношение, те берут охотно взятку от государства – квартиру с улучшенной планировкой в чистом и отдалённом от плебса районе, дачку с автомобилем и шофёром-хитрецом, повышенную по непонятным причинам зарплатку, конвертики разные, приоритеты для деток – ВУЗы за кордоном, обязательно менеджерские тёплые места, зятьёв побогаче...

Старый Лазарь, прошедший длинную, кривую дорожку переменчивой еврейской жизни, слегка удивился такому обходному пути, но через часа четыре уже вручил молодому, быстро растущему специалисту один экземпляр жиденькой районной газеты «Коллективист». Увидав вопрос в глазах Стасика, Миндель скрутил газетку, легонько похлопал ею по голове Акуловского и со словами – „читайте передовицу, молодой человек, там ответ на твой вопрос“, сунул ему эту трубку за ворот рубашки. Появившийся некстати в дверях заведующий типографии, рассмеялся: „Правильно, Лазарь, учишь. Эти разгильдяи даже свою газету не хотят читать. Там же кладезь районной мудрости. Приучай, приучай!“

- Я так и стараюсь, Пётр Захарович. Говорю всем, что, если хочешь знать, что будет или чего не будет никогда завтра, читай наш «Коллективист». Так мало кто хочет это делать. Все стали умными и уже сами знают – что завтра будет то, что и вчера. А жизнь у нас, как мы там пишем, каждый день, слава Богу лучше.

В газете Стась нашёл справочку об успешном окончании им шести классов Домовицкой школы. Под ней ещё лежала рекомендация Петра Захаровича, характеризовавшая Акуловского, как человека, стремящегося к знаниям и подходящего кандидата от районной молодёжи для будущего поступления в институт. Это был просто царский и дружественный жест от своего начальника, ранее работавшего в Москве главным редактором одного из центральных журналов. Ему здорово повезло - его не расстреляли, его

сослали в липеньскую тьму-таракань за то, что в предисловии к статье, посвящённой Вождю, он не дал команду набрать жирным шрифтом фамилию самого Сталина. Налицо была чистая идеологическая диверсия с окраской „возможная принадлежность к троцкистским заговорщикам“, но судьба в тот раз была благосклонна к нему – остался жив.

В районной школе рабочей молодёжи оказалось более интересно, чем Стась предполагал. Рабочих там было мало, зато к знаниям, а если честнее, к аттестату, запоздало рвалось многочисленное местное партийное и советской начальство всех рангов. Сверху, такие же, как и они „академики“ намекали, что без бумажки хотя бы о среднем образовании никакой приличной карьеры не видать, а „академиков“ в свою очередь страшили требованиями к „образованности“ самые верхние. Тем же, кто прочно сидел на самых пиках советской власти и государства, дипломы вообще были не нужны. Они знали абсолютно всё и поэтому в сплошном тумане экспериментов уверенно вели страну и её обитателей по широкой, зигзагообразной дороге в светлое будущее.

Вся страна окуналась в сталинское учение, как в вязкий кислотный туман – идёшь, не видя ничего, на голоса сверху ориентируешься. Голос справа – поворачиваешь за ним, голос слева – меняешь направление. Вдруг крики – „Стоп, движение на месте!“ Шагнул кто-то прямо – исчез, растворился. Ногами, руками нащупываешь твердь, хватаешься за подгнившие ориентиры – не упасть бы, подтягиваешься, опять скользишь в тине, выбираешься и продолжаешь выбранный для тебя путь. Кто медленно слишком или вильнуть в свободную сторонку хочет – того пристреливают. Впереди что-то маячит – то ли просвет в кислоте, то ли костёр заблудившихся, а может тлеющие угольки инквизиторских костров?

Через месяц-другой занятий Акуловский понял, что он попал в крутую, наваристую по районным меркам „уху“ - сам председатель райсовета, начальник милиции и два его зама, директор созданного молокозавода, зав клубом, главный пожарник... Интересная и пёстрая компания, где можно было чему и у кого поучиться!

Стась жадно ловил всё на уроках и своими прилежанием и способностями вырвался вперёд. Слушал и на переменках не только разные житейские небылицы, но и серьёзные разговоры на серьёзные темы – строительство нового общества, причины, по которым эту стройку постоянно заносит не туда, кое-какие характеристики правящему клану, даже реплики о самой Москве?! Мол, сквозь те толстые стены не всё до них доходит, а кому-то и на землю надо бы спуститься..., специалистов всё меньше и меньше остаётся...

Собственное нутро подсказало Стасику, что эта болтовня, и может стать отправной точкой в его дальней биографии, послужить сразу двум крите-

риям – повисить доверие к нему самому и помочь выдвинуться именно в те ряды тайных сил, о которых говорил его отец. И он стал совершенно самостоятельно кое-что записывать. Завёл для этой цели даже отдельный блокнотик в мелкую клеточку. Почерк у него был чёткий, разборчивый, что даже спустя многие десятилетия и теперь можно легко прочесть те строчки. Один раз записал за главным ветеринаром – „говорил главному агроному, что сплошная коллективизация не достигла своих целей – скот, изъятый у населения, гибнет, а тот, который ещё стоит в стойлах нечем кормить“, а агроном ему в ответ вообще понёс – „людям уже есть нечего, а эта власть наших кормильцев-крестьян расстреливает, мужиков в сёлах не осталось“.

Хотел уже завтрашним вечером пойти с собранным „товаром“ к начальнику районного НКВД, но передумал. Отец советовал никогда и ни в чём не спешить... Появилось смутное предчувствие, что такой поспешный, самодетельный визит может показаться подозрительным – простой рабочий типографии и вдруг за начальством записывает? Не обучен ли где этому?

- Нет, нужно иначе. А как? Не со слов, на ветер брошенных, начинать, а со случая, факта какого-нибудь. Слова меньше значат. А что же у них имеет цену? Дело какое-то конкретное, но вражеское. Идея! После чего я в школу попал? После липовой бумажки. Ей сам директор школы поверил! И тут его пронзило – „одна фальшивая справка, а уже минимум пятерых законом связала – меня, Минделя, Захаровича, директора школы, даже заведующую в Домовицке...“ Нужен факт, конкретное дело, что-то липовое!

Неясное волнение захватило Акуловского. Он ещё плохо понимал, что означает рождённая в его тёмной душонке догадка, к чему и куда она его заведёт. Но что-то нашептывало: „Действуй!“

Какой-то смысл в его рассуждениях уже был:

- Не со словами туда заявиться, а с чем-то конкретным. Ружьём каким, бомбой. Слышал, как участковый говорил, что ружья у всех изымают, мол, могут во власти стрелять. А может бумажку какую выдумать? Ей все начальники доверяют! У всех мозги там забиты – отчётами, докладами, заявками, планами... Ни одного слова о человеке – только о массах, коллективе, колхозах и успехах. И борьба у них! Борьба на каждом углу и за каждое пламенное слово! Интересно, вчера подслушал, как подвыпивший начальник милиции жаловался председателю колхоза «Вечный рассвет»: „Слушай, Никифор Данилыч, чека уже планы раздаёт на аресты. Кулаки у них заканчиваются, так за старое опять взялись – родню в Польше, кто при царе служил. Я этому чурке говорю: „Вы же всех старых специалистов прикончили, с кем дальше работать?“ А он мне – „Это враги, они назад всех тянут и родственники у них в той же буржуазной Польше. Выживут – и тебя и меня сами к стенке поставят. Твёрдость нужна“. Тогда я ему рублю: „Ну и работёнка у вас – открытку от тётки из Польши получил, а завтра пулю в лоб, мол, шпийн европейский!“

Недаром Акуловский слыл лучшим учеником в школе. Особо по языкам, да и по математике не из последних. Точная наука нравилась ему. Как там всё расставлено, друг за друга завязано. Особенно формулы эти. Оказывалось, зная их, можно всё, что угодно доказать. Даже то, что на первый взгляд и связать нельзя вместе. Почти, как в жизни. А в формулу втиснешь и ответ нужный готов! Значит, нужен ответ, который бы подходил под их „формулу“?

Стасика от нервности уже било мелкой дрожью. Засунув руки в штаны, он ходил из угла в угол по своей комнате и тихо шептал:

- Открытка нужна польская. Вот что! Держись теперь, дед поганый! Ты меня вожжами, а они тебя пулей! Это всем вам первый взнос за отца! Ну, а про ружьё тоже подумаю. Знаю, что почти у каждого второго есть что-то за печкой.

Нервы отпустили и Стась зарыдал. Осеняя себя крестом, он стал на колени перед фотографией отца и начал неистово молиться. Он смотрел прямо ему в глаза:

- Встань, дорогой ты мой! Приди ко мне. Посмотри на своего сына. Я отомщу за тебя! И тем будет и этим! Как ты и учил...

Бился лбом в пол, опять поднимал глаза к родному лицу и рыдал, рыдал...

- Ну, молодой человек! Что стали? Не бойтесь, проходите, здесь людей не расстреливают, - мягко, как ему показалось, пошутил Мансаров.

- А что, в другом месте? – не очень удачно сострил молодой человек. Молодым-то он был, но ранним! Закончив с грамотой школу рабочей молодёжи, Акуловский был принят на филологию – белорусский язык и литературу, на заочное отделение столичного пединститута. Принят без вступительных экзаменов по причине чистого крестьянско-пролетарского происхождения и исключительных успехов в учёбе. Сам первый секретарь райкома напутствовал его в город и сказал при всех, что не только Липень может гордиться первым студентом, но и всё трудовое население района. Стасику было обещано трудоустройство в школе-десятилетке, а по мере хорошей работы и повышение в управленческую администрацию.

- Что у вас, а то времени в обрез? – строго спросил начальник РО НКВД.

- Вы ж меня наверно знаете? – прощупал Стасик, - я в школе был. Ну, в той, что для рабочих. Вчера нядзеля была и...

- „Нядзеля“, что, воскресенье сказать не можешь? Давай на нормальном языке, не на тарабарщине вашей. Садитесь, пожалуйста, - чекистское «вы» должно было успокоить позднего визитёра. Люди, напуганные слухами о зверствах и чёрствости этих служаков, при таком политесе* раскрывались быстрее.

* от французского – Politesse /f/ - вежливость

Им начинало казаться, что в дружеской атмосфере, отлично от советской казённости и партийного наступательного хамства, можно говорить откровеннее, появлялась надежда хоть здесь найти правду, справедливость и защиту. Этим-то ЧК и пользовалась.

- Курите? Чаю сладкого? Пряники тоже сладкие.

- Эээ, курить? Пожалуй, но немного. Здоровью и памяти это вредит.

- Молодец, - перейдя на «ты», похвалил Стасика Мансаров, - вот папиросы, бери, пробуй. А память нам всем нужна. Так что у тебя?

Стась неумело затянулся, закашлялся и, краснея, как девица, осторожно положил папиросу на край пепельницы.

- Да я вижу ты не курец. Лучше чаю попей, а курить позже научишься, - Мансаров налил в стакан крепкую заварку и добавил кипятка.

- Я на базаре вчера был и слышу, как один старик спрашивает у этого, как его, с протезом деревянным. Он в первую прапором или офицером был...

- Банщик? Никольский?

- Не знаю, может и Никольский, но с деревянной ногой он. Спрашивает у него старый, патроны у того есть? Тот отвечает, что теперь нету, раньше при старом режиме были. А я читал в газетах, что банды оружие, патроны ищут. Ну, чтобы уничтожать власть нашу, председателей колхозных, милиционеров...

- Хватит всех перечислять. Ты запомнил этого старика? Молодец, информация серьёзная!

- Как тут не запомнить. Он отошёл, а я и спрашиваю у торговца косами, кто это был? Тот говорит, что это старый Пашкович из Домовицка. Иваном зовут. Я и подумал, что, если человек патроны повсюду ищет, то он становится опасным для советской власти. Пришёл к матери, а она также мне, что к властям мне нужно, так как это грех, когда с ружьём и на людей! Вот я вам и всё рассказал.

Мансаров обрадовался такому сигналу. К ним чаще и чаще стали заходить информаторы по случаю. Сказывалась огромная положительная работа партии и самих органов безопасности по просвещению людей, но, чтобы будущий учитель, да ещё с такой заостренной бдительностью? Может, это то, о чём говорил Ларин?

- Вы прямо молодец! — чекист опять перешёл на «вы», - вот бумага. Изложите суть, а мы поищем этого супостата. У нас есть секретные сведения, - и шёпотом начал завирать, как всегда делали чекисты всех мастей и всех времён, - что польская резидентура собирается организовать в наиболее лесистых районах антисоветское, террористическое подполье. Ваше сообщение прямо говорит об этом. Вот тут внизу подпись, в скобках фамилию, адрес жительства и дату — шестого сентября 1935 года. У вас хорошая наблюдательность и память. Такие ответственные люди советскому государству очень нужны. /В начальный период знакомства с предполагаемым сексотом эти органы частенько прикрывались высокими словами об интересе всего

советского государства к подобным инициаторам, затушевывая всего лишь будущую перспективу стукача./ О визите сюда и нашем разговоре никому ни слова, а мы вас попозже сами найдём. Запомните, язык на замок, а не то..., - и неожиданно, - мы всё тщательно проверим, вас тоже. А вдруг вы подосланы к нам польской разведкой, а?

Акуловский побледнел. Но это произошло очень естественно, словно он смертельно убоился и чекиста, и этого прокуренного кабинета, и своей поспешной инициативы стукача-любителя.

- Так я же в институте... Курс первый только...

- Ладно, вы не беспокойтесь. Спасибо за важные сведения. Имейте в виду, что я о вас доложу сегодня же в Центр! Давайте бумагу. Всё, спасибо, вы свободны!

Мансаров сжал клещами вспотевшую ладошку будущего „просветителя“ и легонько вытолкнул его за дверь.

- Явная удача! Видно, что газет этих дурацких начитался, а там же через строчку – враги вокруг, шпионы, диверсанты... Проверочки кинем, „простучим“ через других, а там и в серьёзный оборот пойдёт. Отлично! Ну, как тут без соточки обойдёшься?

Георгий подошёл к сейфу и, уже не таясь, на правах полного хозяина, вытащил бутылку магазинной водки, выплеснул из стакана остатки недопитого будущим агентом чая, налил половину и, занюхав по-русски чёрным хлебом, опрокинул в рот.

- Вот, чёрт, отчество забыл спросить. Кто бы мог его охарактеризовать, но так, чтобы никто не заподозрил нашего интереса, - поднял телефон, - паспортный стол? Есть ли у вас списки лиц, проживающих в сельской местности? Что, нет? А, по причине отсутствия паспортов? Я и забыл. Старее, видимо. Спасибо, Елена Фёдоровна, я забегу как-нибудь. Где вы говорите? В земотделе райисполкома? Хорошо.

Через час нарочным ему были доставлены списки жителей трёх деревень – Городища, Дрехчи и Домовицка. Он всегда хорошо маскировал интерес своей службы к конкретным лицам и требовал того же от подчинённых.

- Странно, оказывается мать Акуловского проживает в одном селе с Пашковичем Иваном? А почему он об этом мне не сказал? Что утаивал? У кого из наших работников есть агентура на этом участке?

Георгий достал из сейфа толстую папку, раскрыл и, поведив пальцем по длинной описи находившихся внутри документов, остановился на списке секретных сотрудников и доверенных лиц Липеньского РО НКВД. На документе, в правом верхнем углу стоял чёткий штамп – „Совершенно секретно. Снятие копий и вынос из здания строго запрещены. Ознакомление только оперативным составом в пределах профессиональной компетенции и начальственной категорией сотрудников и проверяющих“.

Мансаров удовлетворённо пошелестел листами этого списка:

- Неплохо, целых пять страниц. Всего-то месяц начальником, а с прежними результатами не сравнить. Ларин был, конечно, хороший профессионал, но больше на авантюриста смахивал – эмоции впереди дел шли, да и на правильное оформление бумаг внимания не обращал. По району только ездил, водочку попивал и людей страшал. Здесь больше фантазии нужно и выдержки заодно. Ещё пару лет так поработать, дать две-три „организации“. Особо – разобраться с теми сексотами, кто уже слишком много знает. Предъявить им двурушничество и заменить другими. Но долго в этом районе не задерживаться – опасно! Неизвестно, что ещё придумают наверху. Перебираться выше. Через того же Ларина. Он тоже навеки повязан со мной кровавыми похождениями. Будет уклоняться, можно и на него поднажать – есть и его подписи и фальсификации в справках, заключениях на аресты. Нужно только мне агентурно-свидетельскую базу и в этом направлении подготовить.

Георгий Мамедович уставил свой палец в графу «Объекты оперативного обслуживания» и потихоньку пополз вниз:

- На электростанции нормально. Мельница, автобаза прикрыты. В милиции не я приобретал, но пока пойдёт. Что-то и здесь евреев многовато! Хотя, где их нет? В ЧК самой пруд-пруди! А крупные населённые пункты оголены. В Турце, Гребёнке, Шануте никого. У Кулашидзе пока не густо. Подлеживается грузин. Думает, что наверху их усатый, так и работать можно спустя рукава? Слышал я, что „тот“, когда заведётся, то и своих не жалеет. Орджоникидзе, Сванидзе, Берулава... Как псих или садист. Настоящий восточный деспот, хотя я кто? Негр что-ли?

Палец начальника остановился на деревне Домовицк. Справа, в следующей колонке значился секретный сотрудник «Пугачёв».

- Порядок! Через него нужно подсветить этого молодого шустряка, а то он что-то сам в руки идёт. Энтузиаст какой-то! Дурачок, не понимает, что уже влип навсегда и выход один – стенка! Вроде неглупый, в разговоре ориентировался неплохо. В литературе, стихах разбирается. Сам „первый“ его на учёбу от всего района выделил. Это хорошо и для нас. Если что, можно брак на райком списать, а таланты покажет, то поможем, потом в Минск вытянем, а там через него и сами выберемся.

Мансаров поднял ручку внутреннего телефона, покрутил магнето и нажал кнопку с фамилией Борискин:

- Семён Борисович, спишь? Бери дело «Пугачёва» и на одной ноге ко мне.

Не успел договорить, как дверь открылась и Борискин с папкой под мышкой и вопросом на лице впрыгнул внутрь. Семён, несмотря на молодость, был уже закалённым конъюнктурщиком и чувствовал начальство издалека. По весёлым ноткам в голосе шефа понял, что разгоном не пахнет, а в этой ситуации можно что-нибудь и для себя выудить.

- Если вам по Домовицку надо, то у меня там ещё в запасе ещё пару человечков есть. Через них можно и дополнительную информацию получить.

Про запас. Вы только скажите на кого? Я их на следующий год отложил. „Заклею“, тогда и годовой план выполню раньше всех. А для чего вам мой «Пугачёв»?

Желание Борискина выудить причину интереса к своему сексоту наткнулась на опыт более изощрённого в чекистских схватках Мансарова. Тот, предполагая использование Акуловского не только в узких интересах райотдела, не хотел раскрывать будущего сексота. По сложившейся практике в органах НКВД и, согласно приказам, раскрывать агентуру другому оперу было строжайше запрещено. Даже в стенах одного райотдела. Конечно, бурная оперативная деятельность то и дело создавала препоны для канцелярского послушания – то кто-то из оперов болел, то командировка, а иногда и срочная нужда „осветить“ кого-нибудь. Вот и приходилось с устного разрешения начальника встречаться не только со своими информаторами. В этой липкой паутине взаимоотношений в чекистской среде были особые узелки – с агентурой начальника встречаться было вообще нельзя! Лишь в исключительных, санкционированных Центром случаях. Оперсостав, как и сторожевые собаки, должен был постоянно чувствовать тяжёлую руку хозяина и не знать заранее, откуда можно получить удар плетью. Догадываться, да. Но знать конкретно...? Начальник же мог и должен был контролировать оперативную работу своих подчинённых. Чаше вместе с ними, а, когда нужна была компра на самого опера, то и без него. Поэтому оперработники нервничали, когда шеф по непонятным причинам отправлялся в оперативно обслуживаемые ими сёла или на объекты. С чем он вернётся, по какой причине заложит своего опера недружелюбный или злопаятный сексот не знал никто.

- Я сам твоего найду, заодно поспрашиваю, как ты с ним работаешь. Соблюдаете ли правила конспирации, как построено его воспитание и обучение? В общем, будет о чём поговорить.

- Георгий Мамедович, его трудноато поймать. Всё там в движении. Там специфика – людей в колхозе не хватает, он часто по отделениям... Я бы быстрее поймал, а потом его вам представил...

- Ничего, работайте с другими. У вас их только 31, кандидатов нужно готовить быстрее. Справлюсь сам. Вы в свои планы почаще заглядывайте, а у меня свои есть. Понятно?

- Так точно! Да я ими, этими планами, как книгами зачитываюсь... Может лучше на следующей неделе? Он тогда целый день в конторке будет.

- Телефон там есть?

- Есть, есть. Он в деле помечен.

- Свободны. Проверьте, нет ли висячих запросов. Вечером доложите по ним.

- Есть, Георгий Мамедович!

Стараясь не показать охватившее его дурное волнение, Борискин медленно прикрыл дверь и двумя прыжками достиг кабинета.

Сел за стол. Сердце по-заячьи дёргалось в груди, хотя ничего особо запретного Борискин в последние дни не совершал. Его мозг лихорадочно анализировал в общем-то привычную ситуацию, но ему хотелось смягчить, а лучше упредить возможные неприятности. Порядок порядком, но в оперативной работе, как в любом гнилом болоте, всегда можно было найти сомнительные пятнышки, неразборчивость, превышения, личную заинтересованность /только начальство могло этим пользоваться/. Много было опасных моментов, ведь почти каждое сообщение сексота писалось под диктовку опера с нужными для „конторы“ выводами и уклоном, что более походило на подлоги и ложные доносы. Были случаи и меркантильных отношений.

- Чёрт, голова раскалывается! Ничего же с этим «Пугачёвым», абсолютно ничего! А может что-то я забыл? Почти по Гоголю – „Ревизор приехал!“ Нет, меня так не проведёшь. Сегодня же скатаю в Домовицк и погугарю с ним. Предупрежу, чтобы лишнего не брякнул, заодно и настрою соответственно. Он же жить тоже хочет? Тогда со мной сначала должен дружить, а потом уже с этими долбаными начальниками.

Вечером, вооружившись до зубов, Борискин уже крутил педали велосипеда по направлению к Домовицку. Не так и далеко, каких-то 20 километров, но, если учесть сплошную темень, рытвины и длинные корни через всю дорогу, да ещё и всякие дурные слухи об этих глухих местах, то поездка равнялась первому и настоящему подвигу в жизни Семёна Борисовича. До сих пор он их не совершал. Нельзя же считать подвигом садистские пытки по выбиванию лживых сведений? Какой же это подвиг, когда связанные, изломанные в кровь, непонимающие ничего человечки стоят ночью на краю свежерытой ямы в лесной глухомани, а напротив Борискин с поднятым наганом. „Огонь по врагам социализма!“ - командует он сам себе. Сообщники тоже поспешно нажимают на курки. Резкий треск выстрелов. Лес хорошо глушит звуки. Крик ворон иногда минуты две... Для тех заканчивается жизнь, а для Борискина и братии приходит всего лишь очередной вечер, наполненный уже семейными заботами и болтовнёй за столом. Но там, возле рва сила на стороне чекистов, а здесь в далёкой глуши?

От этих мыслей спина покрылась пупырышками, ладони вспотели, а в тёмных кустах начали проявляться глаза лесных чудовищ. Они молча провозжали бренчащий велосипед и задумчиво смотрели в спину подпрыгивающей фигурке согнутого от страха чекиста.

Борискин постучал прямо в окно звеньевому и за сараем в свете папиросок провёл тщательный инструктаж своего тайного помощника.

- Всё, что будет касаться лично меня, ты не знаешь. Ни грибов, ни дичи ты мне не давал никогда, одеял пуховых с подушками не было, самогон ты никогда не гнал, а картошку с капустой и яблоками всю продавал только на базаре. Понял? Смотри у меня! Если только вякнешь лишнее этому кавказскому чурке, то не видать тебе сына больше. Один звонок и пойдёт он,

как польский сопротивленец. Так что пусть пока тихо живёт в соседней деревне под чужим именем. Да и ружья у вас три штуки властям не сданы. Дошло?

- Дошло, как не дойти? И откуда вы это всё знаете? Я, дурак, думал, что один в округе такой, а тут пруд пруди! Мы с тобой, Семён Борисович, не первый год, как государственную службу несём. Я тоже жизнь понимаю. У нас здесь так – когда в лесу волков слишком много, они начинают и друг дружку жрать. Мы тоже не дураки. Покалякаем с вашим начальником. По маленькой, может, нальём, так и разговор нужный пойдёт. А кто мой настоящий начальник в этом секретном деле знаю давно. С того дня, когда влип. Когда один раз душу продал, то другой раз продавать, какой смысл? У вас, у службистов дело другое – как сверху повернут, так и вы все по ветру становитесь. Ветер, правда, что-то часто меняется. К зиме это долгой, очень долгой.

- О чём это ты? Смотри, боевой настрой в таких размышлениях не теряй!

- Да как тут потеряешь? Найдут и опять на шею повесят..., или за шею..., но уже ярмом. На всю оставшуюся. Не беспокойся, Борисович, мы с тобой ещё не одно подполье в обезлюдевших деревнях найдём. Эх, воля моя исхудавшая!

Через неделю Акуловский трясся на жёсткой скамейке попутного грузовика. Ни булыжник, ни холодный ветер, задувавший во все швы старой отцовской куртки, не мешали ему. Закрыв глаза, он сосредоточенно проигрывал вчерашний разговор с внимательным чекистом. Да, по внешнему виду тот был похож на нормального человека, если бы не колющие, чёрные глаза, взгляд, от которого хотелось отвернуться, но даже не это. Чем-то особым пахло в полутёмном кабинете, да и мебель тёмная, тяжёлая. Запах чая был, чуть одеколона, папиросок... и что-то ещё, то ли кислая капуста, то ли моча...
- Всё ли сказал? Немного волновался, но кто не волнуется в их когтях? Хитрющий мужик. Сразу в оборот взял – бумажку дал, мол, запиши, подпиши... Эх, батя, батя! Как в воду смотрел! Этот теперь думает, что проглотил меня целиком, но посмотрим. Второй шаг должен быть более продуманным. Отец говорил: „Никогда не торопись, всё пропуская через голову. Терпением выиграешь больше, чем капризами и прыжками. Играй под слабачка! Любая власть любит склонившихся. Её тогда дальше поверх голов видать“.

План уничтожения первого в жизни врага был несложным, но уже продуманным. Внутренне Стасик гордился этим, но постоянно одёргивал себя – „Не спеши. Лучше малый шаг сделать, чем прыгнуть и провалиться. Нужно им не свои мозги показывать, а уважение и страх. Склоняться пока надо, но не до самой земли. А когда и гонор проявить. Так больше ценить будут. Хорошо, что Боженка, да родители мне розум какой-то дали. Позавчера слышу через форточку, как сосед говорит моей хозяйке: „Приходили к сыну на работу и спрашивали про вашего квартиранта, как он и что, где его родня, почему мать в Домовицке живёт, а не с ним...“ А та, не зря я её гос-

тинцы от матери нёс и нёс, и рассказала мне это назавтра. Откуда он узнал, что я в Домовицке жил, зачем ему это? Где Пашкович живёт я сказал, но о том, что и сам оттуда, промолчал. Вот что его заинтересовало! Почему я утаиваю прежнее место жительства? Эээ, нужно быстрее следующий шаг делать. После него старому одна дорога – в Сибирь или к стенке. Патроны искал, а тут ещё связь с Польшей! Брошу открытку в Минске. Пусть они ищут, как она к нему попала. То, что ЧК все почтовые тайно просматривает, мне ещё Дашук из Борисова говорил. Теперь с ним на одном курсе учиться будем. Парень неплохой, но почему он мне доверился? Интересно, может меня изучал? Вот так жизнь! Куда не повернёшься – одни дятлы!“

Акуловский медленно прогулялся по Советской, затем зашёл на почту и, оглядываясь, опустил в ящик настоящую польскую открытку, взятую в семейном альбоме. Это было давнее поздравление всей семье с Рождеством от родственника из Вроцлава. Стасик, мастер на все руки, острым лезвием отцовской бритвы подчистил текст. Сделал так, чтобы обычные стандартные фразы выглядели загадочно и подозрительно. Оригинал был таким – „С Рождеством Христовым и счастья вам от нас и от Яна... 16 декабря 1925 г.“

Второе исполнение почти не отличалось, но... – „С Рождеством Христовым и счастья вам от Н. И от Я. 16 декабря 1935 г.“ Без имени отправителя, но на открытке стоял исправленный Стасиком номер дома – с пятёрки на цифру 6, дом старого Пашковича! Вроде, ничего особенного, но воспалённые мозги ЧК, да в те годы? Здесь ими читались и сигнал от разведцентра условной фразой, дата будущей засылки или встречи с резидентом или шпионской группой. Вину адресата усиливала и сама иностранная открытка, хотя они ещё приходили сотнями по официальной почте от реальных родственников. Для малограмотных чекистов, слабо знавших даже русский, любой иностранный текст, штампик типографии, медицинский бланк на латинском были особыми раздражителями для профессионально-классового нюха и прекрасным поводом для выколачивания свидетельств о вражеских связях, заговорах... и всё это для перевыполнения планов по поставкам смертей в людские дома.

Более того, что также будет интересно для обывателя в любые времена, иностранные штучки, будь то открытки, журналы, духи, зажигалки, наклейки, даже носки были толчком для неумной чекистской импровизации. Так, подарочная ручка в мозговых извилинах разбитного контрразведчика прямо на глазах ошарашенного владельца превращались в секретный контейнер для шпионской информации или в сосуд с смертельными ядами для окончательного отравления всех членов правительства и их благостных семей. Что было странновато – когда речь шла об отраве, то чаще всего, как цель, упоминалось имя самого Сталина и в этой философии было нечто и смешное и заведомо трагическое, так как для того, кто ею пользовался такая специальная ручка означала только расстрел!

Любой поздравительный текст мог по желанию оперов носить внутри себя зашифрованные условности, а в польские носки могла быть вложена чистая тетрадь для будущей отчётности разведцентру. Иностранной зажигалкой можно было поджечь бикфордов шнур, тянувшийся под землёй из враждебной Европы через леса и болота Белоруссии к тоннелям под стенами Кремля или к мартенам Магнитки! Журналы с полуголыми девицами могли быть „особой“ наградой для разложившихся агентов из числа советских граждан, продавших все секреты Липеньского района или кусок школьной карты. Был случай, когда беднягу учителя географии расстреляли, обнаружив у него дома глобус с надписями на польском!

Да, дорогие читатели, всё это было бы смешно, если бы не было так грустно! Вот Вам кое-что для разминки мозгов по линии дедукции:

„... Кисляк Вацлав, бывший поляк, преподаватель по электричеству. Обвиняется: высказывал антисоветские, националистические и враждебно-буржуазные мнения, тайно хранил дома пачку польских шазет, читал их громко на кухне в широком кругу и сравнивал их лживые преимущества с временными недостатками советского строя. Свободно владеет польским языком, но живёт почему-то в Белоруссии много лет. На основании изложенного может являться агентом польских служб и внедрения среди учителей советской школы. Мог использоваться для развала советского образования и негативного разложенческого влияния на общество...“ Арестован, до расстрела содержится в тюрьме.

Подпись – народный Комиссар Внутренних дел БССР, Комиссар Государственной Безопасности 3-го ранга...../Л. ЦАНАВА/.

Внизу приписка – „Лиц, проходящих, как свидетели по делу и по показаниям арестованного уже не имеется“ - Ст. Следователь УНКВД/П..а..о..виков/ - неразборчиво.

Следующее:

„На основании поступивших райотдел НКВД о вражеской работе 3 апреля 1940 года был арестован Мукавец Иван. Произведённым предварительным следствием установлено, что он на протяжении ряда лет на территории польской части Белоруссии, временно занятой Польшей, работал псаломщиком в церкви /? – автор/ и информировал бывшую польскую полицию, которой сообщал о настроении местных жителей. Допрошенный виноватым себя не признал, однако изобличается при обыске наличием многой заграничной литературы и показаниями свидетелей. Имеет польский паспорт под названием „Dowód osobisty“, выданный 19.06.1927 года Starosta Oszmianski. Под допросом арестованный начал путаться при вопросе о фамилии Ошмянского /всего лишь штамп Ошмянской администрации – авт./, чем подтвердил принадлежность к польской полиции.

Следователь РО НКВД/Ларин/. Приписка – „никаких вещественных доказательств по делу не имеется“.

Ещё один шедевр:

„Особому Совецанию НКВД СССР гор. Москва. При сём препровождается сей акт от 27 августа 1937 года о смерти следственно-заключённого Костюковича Стефана. Приложение: по тексту.

Начальник Борисовской тюрьмы НКВД БССР...../Янсон/

Инспектор УРМ...../Одинцов/

АКТ

Августа 27 дня 1937 г. Мы, нижеподписавшиеся Главврач Борисовской тюрьмы т. Зильберман, дежурная по больнице тюрьмы т. Войцехович, составили настоящий акт о ниже следующем:

Заключённый, следственный, Борисовской тюрьмы Костюкович Стефан 20-ти лет был доставлен из корпуса в тюремную больницу с сильным лёгочным кровотечением в 24 часа – принятые меры кровотечение не остановило, и при явлениях полного онемения мозга и неприслушивания сердца от сердечной слабости упомянутый Костюкович в 21 час умер.

Подписи..... /Орфография документа сохранена – авт./“

Что можно сказать? О чём подумать? Как это понять и оценить? Однозначного ответа на эти и подобные вопросы у меня нет. Может будут у Вас.

Знаю и уверен в одном – каяться должна наша власть и остальные правопреемники СССР, дать должна праведную и откровенную оценку содеянному, не врать постоянно об особой секретности архивов, открыть их все для тихого чтения дрожащими губами, заклеить позором палачей, называть все их имена, также и их жертв, и каяться, каяться совместно со всеми нами, отдаваясь от адского времени, но не забывая ни тех, ни других.

Воскресная ночь

Воскресным утром Иван Пашкович с женой Анной приехали на базар. Сначала пошли в уцелевшую пока церковь. Постояли, помолились, поставили свечи. Возвратившись на рынок, где ещё с шести утра заняли место в рядах, продававших старую картошку и бураки. Хорошей торговли не было. Как ни старался Иван привлечь людей своей неплохой бульбой, никто не подходил. Вокруг них образовалась какая-то пустота. Их обходили стороной. Даже соседи по прилавку, согласившиеся на время присмотреть за под-

водой, сейчас не разговаривали, на вопросы отвечали невпопад, отводили глаза.

- Что это с ними? В прошлое, как люди, а теперь воды в рот набрали. Чудо какое-то! Не нравится мне это. Словно нечисть какая-то по рядам прошла.

- Может кто плохое наколдовал? Мы же ни с кем даже словом не перемолвились. В церковь да обратно. Мне тоже стало не по себе. Сердце начало жать.

- Да ты что? Раньше никогда не жаловалась? Видишь, как эти смотрят на нас? Не в глаза, а как-то в сторону. Что это с ними сегодня делается?

- Бросай, поедem домой, через неделю продадим. Кто-то и на наш мёд заглянет.

Весёлка, молодая кобыла, легко тянула смазанную телегу. Переехав деревянный мостик через Игуменку, взяли влево, где из-под земли бил ключ, и напоили лошадку. Та, выбрав добрых полведра, подняла голову и тихонько заржала. С её мягких, бархатных губ тоненькой струйкой стекала вода и подпрыгивала капельками в деревянном ведре. Иван обнял кобылу за шею и почему-то первый раз за всю свою жизнь вытер рукавом её лохматую морду. Лошадь мотнула головой и в ответ на ласку нежно сжала крупными жёлтыми зубами ладонь Пашковича.

Анна с удивлением смотрела на проявления нежности своего мужа. Он очень редко бывал таким, может в далёкой молодости?

Перевалив за минско-могилёвское шоссе, Весёлка сама ускорила шаг, перейдя на неторопливую рысцу. Она хорошо знала эти места. Справа уходили назад домики совхоза Натальевск. За ними виднелась длинная крыша лесничества. Из хозяйского двора слышался шум машин и потягивало крепкой бензиновой гарью.

- Не успели работу наладить, а тут всё вокруг замусорили. Смотри, везде ветошь и мазут. Какую тут бульбу вырастишь? Провоняется этим паскуством, так и свиньи не возьмут... Что за люди, что это за власть такая? Своего не берегут, чистоты ни среди людей, ни в лесу уже...

С левой стороны начался тёмный высокий бор. Мохнатые и разлапистые ели стояли так плотно, что взгляд не мог проникнуть вглубь лесной чащобы. С другой стороны картина другая – светлые, подёрнутые осенним солнцем ореховые рощи, тянулись сотнями метров. Любили эти места люди. Лес отдавал им свои богатые излишки и к нему относились бережно. Просто из озорства или под пьяную руку сломать деревцо или разбросать муравейник считалось тяжким грехом. От таких людей отворачивались, считали убогими душой.

Лесника Комаровского почитали. Мужики с ним поддерживали дружбу, подносили, чего греха таить. Каждому хотелось выбрать и сосну звонкую и ель поплотнее, да и берёзы не такой кряжистой. Попробуй в морозы топориком с ней сладить?

Въехав на плавный пригорок, увидели крытый грузовик, стоявший на перекрёстке дорог – Городище – Осово. До него оставалось меньше двух вёрст. - Слушай, Ваня, давай пообедем через Шалаша. Что-то скребёт на душе. Повертай, да быстрее! Видишь, там уже люди какие-то шевелятся?

- И то правда. От греха подальше.

Весёлка всхрипнула от резкого рывка вожжей и быстро развернула телегу. Но удача в этот день была не на стороне этой крестьянской пары. Радиус разворота оказался слишком крутым. Пашкович стеганул пугой – борт телеги наскочил на колесо, поднялся вверх и ось, соединявшая всю конструкцию с передком, вырвалась из своего места. Передок с оглоблями и испуганной кобылой помчался в сторону крытого грузовика. Телега подпрыгнула и рухнула, перекосившись в дорожный песок.

- Стой, Весёлка, стой! Чтоб тебе... Боженька, помоги! Я за ней... Ты здесь сторожи.

Иван Пашкович никогда не бегал так быстро. Согнув свои старые колени, загребая для скорости воздух ладонями, он бежал босиком, вздымая пыль, стараясь достать до вожжей, скользящих по дороге в двух метрах от него. Вдруг раздался громкий свист – Весёлка рванула влево и скрылась в лесу. Иван бросился за ней. Низкий орешник больно стегал по глазам, сердце выскакивало из груди...

Анна с улыбкой наблюдала, как её, недавно молодой муж ковылял позади резвой лошади. „Да, годы, годы, - подумала с горечью, - но ничего, поживём ещё“.

Ещё с десятков метров – на полянке стояла Весёлка, нервно перебирая ногами, а вокруг неё люди. Человек пять, все в зелёных гимнастёрках с васьмовыми околышами на фуражках и с оружием наперевес. Один из них держал поводья, а второй, чернявый, подошёл к задрожавшему старику и, ткнув наганом в грудь, громко сказал:

- Всё, вражина, отбегался! От советского ЧеКа в кулацкий лес хотел сбежать? В машину его!

Страх полоснул по всему телу Пашковича. За доли секунды ему вспомнились и замолчавшие соседи по базарному прилавку, и странный приход в его хату учётика Емельяна, и долгий ненавидящий взгляд молодого подонка, воровавшего яблоки.

- За что? А кобылу куда? Меня же домой вернут, а? Отдайте хоть кобылку жёнке, она сама по дороге к ней дойдёт, - и тут до него дошло, - а я её не увижу? Молю вас Богом, отдайте ей хоть Весёлку. Без своего мужика проживёт, а без кобылки погибнет и она...

Пашкович тщетно пытался стереть мокрую пелену со своих глаз. Силуэт любимой жены расплывался, становился нечётким, неземным, как облако, как зыбкий утренний туман.

Слова растерянного и испуганного старика, заботившегося в последние минуты свободы о своей жене и лошади, в первый раз отозвались неприят-

ным толчком в сердце Мансарова. Он вложил наган в кобуру, нахмурился и, резко махнув рукой, отрезал:

- Борискин, коня старухе и сам в другую машину. Проведёшь тщательный обыск в доме, в сарае, бане. Кулашидзе, задержанного связать и в кузов. Операция закончена.

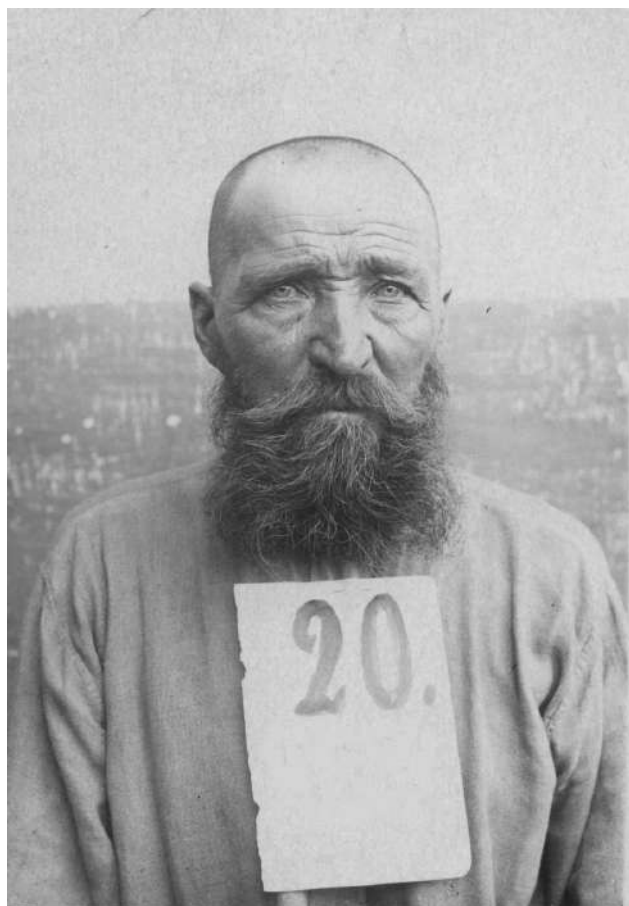
- А как же со старухой? – Кулашидзе хитровато поддел шефа, - мы не вправе её оставлять. Соучастница тоже или свидетель?

- Я тут решаю, кто участник, кто соучастник. Позже разберёмся. По коням!

Описывать, что было потом с Анютой не буду. Нету моих сил, чтобы пережить это. Нет и слов у меня. Печёт только в груди до сих пор...

Дорогу пыльную вижу в красноватых отблесках заката, чёрную тень от елѝй и солнце, скрывшееся навсегда за белорусскими лесами...

Дух отлетел – Часы на главной башне Пробили дважды три.

Добровольно на всё согласен

- Ну ты, Станислав Францевич, молодец! Представляешь, этот вражина хотел сбежать от нас, но не смог. А в доме его мы нашли не только спрятанное ружьё и патроны, но и шифровальное письмо.

- Вы про кого? Какие патроны и письмо?

- Э, да ты не такой простой, как кажешься? Сам дал показания по Пашковичу, а теперь в кусты? Не годится для будущего чекиста.

- Вы бы так и сказали. Уже и много времени прошло. Может он и неплохой человек, но сейчас уж скрытный и с другими злой всегда был. А что патроны тайно искал – это факт. Никакой моей выдумки нет.

- А откуда ты знаешь, что он злобный человек? Из твоего детства, когда ты у него яблоки воровал?

Стасик вздрогнул, но взять голыми руками его уже было невозможно. Кое-чему в этой жизни он уже подучился. Ходил в театры, смотрел, как актёры превращаются в других людей – кто в сволочь, кто в доброту... Зал верил и бешено хлопал в ладошки. Перевоплощение ему нравилось. Он даже записался в драмкружок при театре, который регулярно посещал во время сессий. Режиссёр был удивлён быстрым ростом любителя из глубинки. Хвалил и намекал, что неплохо бы ему получить справку артиста 3-ей категории. Это уже давало право работать в профессиональных театрах, или режиссёром в клубах на периферии. Справки у Акуловского ещё не было, но эту мизансцену он у опера блестяще выиграл.

- Простите меня, товарищ Мансаров! – Стасик уже стоял на коленях перед обалдевшим начальником районного НКВД, - я не сказал вам, что попался когда-то Пашковичу на яблоках. Боялся, что подумаете мщу за тот случай. Я же был малым и давно это забыл. Никакой злости не держал, но, когда услышал про оружие, то быстро понял – он не простак. Я об этом читал в газетах в институтской библиотеке, а здесь, как по-писаному. Я учиться хочу дальше, человеком мне бы стать и с такими не по пути. Извините меня, если можете. Я и у вас волновался, потому, что понимал, где я нахожусь. Здесь же важное учреждение и опасное для жизни. Ну, для тех, кто против? Теперь знаю, что вам нужно только всю правду говорить, а не то...

- Ладно, вставай, а то в штаны напустишь. Ты не в церкви, ты в ЧК. Тут не поклоны бьют, а стоят на страже завоеваний Октября и защищают рабочих и крестьян от враждебной заразы! А зараза эта везде пролазит – в рабочего, в крестьянина, чаще в гнилую интеллигенцию-хлюпиков, даже бывает обнаруживается и среди руководителей разного звена – в районах, в областях... Молодец, что признался! Значит, совесть у тебя. Не бойся, ты поступил правильно и никаких сомнений в душе быть не должно. У вас бедная крестьянская семья. Отец погиб, оставив тебя за старшего. Мы знаем, что ты время даром не терял – работал хорошо в лесничестве, потом в типографии. Школу с отличием закончил. К матери, к другим людям с уважением

относишься. Тебя даже райком партии, как отличника, в институт направил. Видишь, всё знаем! Даже про твою липовую справку. Ты же знаешь, что за подделку уже срок? Ладно, эти мелочи прощаю, но в будущем к тебе одно требование – полная откровенность и честность с нами. А по своим личным качествам, политическим взглядам ты практически созрел для работы в ЧК, ну, а это мелкое враньё для дела было, я же тоже людей понимаю. Не изверг какой.

- Ай, что вы говорите? Никогда я и не...

- Со временем должен хорошо выучить русский язык. Я не против белорусского, но он уже забывается, отходит на второй план, умирает как-бы. Древние языки тоже отмёрли – латинский, урарту, бенгази... Видишь, сколько знаю? Новый советский строй движется вперёд и увлекает за собой массы людей. Большинство из них говорит по-русски, поэтому и тебе нужно идти в ногу с обществом и не выпячиваться приверженностью только к своему языку. Чем больше языков знаешь, тем шире кругозор и культуры больше. Время идёт Сегодня он пока национальный, но скоро станет помехой для воспитания цельного советского общества. Со временем единственным языком для всей страны Советов станет русский, как и дело построения социализма, а малые языки будут мешать своим узким горизонтом и с теми, кто будет упорно придерживаться старых правил и закрываться националистическим забором, поступят как с врагами нового будущего. Запомни это. Учить, учи, но слишком глубоко в дебри не залезай. Он тебе больше только для работы понадобится. Со своими на своём – так будет больше к тебе доверия, а в других местах, где тебя будут оценивать и присматриваться, там на великом русском. Понял?

- Понял, понял. Вы так грамотно и интересно... А когда мне в ЧК идти?

- Ну, сразу захотел! Нужно ещё тебя проверить на работе, приглядеться, научить. Со временем будешь лучше понимать задачи партии, советского правительства. Освоишь основную методику и правила секретной работы, способы выполнения разных заданий. Мы тебя будем знакомить с самой важной информацией. Пройдёшь, как-бы, ознакомительный курс, практику, а там посмотрим. Не всё сразу. Этот процесс долгий, но необходимый для обеих сторон – для советского государства и для тебя. Ты будешь продолжать жить обычной жизнью советского человека – учиться, жениться, растить детей, работать на ниве образования. С твоими способностями по литературе, языку, может захочешь пойти дальше – не в ЧК, а в науку, в большой город. Квартиру займёшь с ванной, труды начнёшь писать, да и зарплата у учёных высокая, не то что здесь! Это с одной стороны. А с другой, более важной с государственной стороны, у тебя будет и другая жизнь. Ответственная, закрытая, можно сказать даже тайная, о которой будут знать только ты и я! И на этой работе потребуются все твои лучшие черты и качества – память, сообразительность, даже твои театральные способности в дело пойдут. Если ты к помощи советскому строю будешь относиться с

душой, то и мы тебе поможем. А пока ты на заочном, то здесь в районе должен знать всё!

- А как это можно всё одному в районе знать?

- Вот и вопросы задаёшь хорошие. Неглупый ты. Поясню – везде физически ты сам не успеешь и не сможешь быть. Не зватит ни времени, ни сил, ни возможностей. И главное – если ты будешь так прямо лезть во все дырки, то вызовешь подозрение у законспирированных врагов. Многое можно выяснить, практически не трогаясь с места и не касаясь лично какой-то интересной нам ситуации или обстановки. Многое можно выяснить даже на расстоянии у других людей, стоящих ближе к тому, куда мы направим свой интерес. Как всё это? Вот мы и будем учиться с тобой, как это делать. Поэтому я, как начальник райотдела НКВД Советского Союза, как представитель нашей руководящей партии и советской власти, предлагаю тебе оказывать всем нам добровольную помощь в деле разоблачения вражеских элементов. Ты должен проявить согласие и подписать документ о неразглашении государственных секретов и тайн, которые станут тебе известны в период работы с нами, как секретного сотрудника.

- О, вы как отец родной! Я его никогда не забуду, а вы сразу столько мне... Как же я могу другое сейчас сказать после всего? Живу в прекрасной стране и должен и дальше с ней идти, шагать, значит. И с вами тоже, как я понял. Получается, как в жизни – на двух ногах, но крепче – на левой со страной, на правой – с вами. Вот это картина! Конечно, лучше с вами в будущее, чем с другими. Хватит рабами капитализма быть. Нам так на лекциях.. Побыли и под немцами и под поляками, а теперь под... Только с вами остаётся. Согласен я полностью, что и говорить! А что дальше будет?

- Не торопись. Давай дело закончим важное, - чекист довольно потёр ладони, - вот лист бумаги карандаш. Послунявь и пиши –

« Я, такой-то, добровольно согласен оказывать негласную помощь советскому государству в лице органов НКВД в деле выявления и разоблачения всех врагов советской Родины. Обязуюсь хранить в строгой тайне факт сотрудничества и всё, что мне станет известным. Я строго предупреждён об уголовной ответственности за разглашение этой тайны. Для секретного сотрудничества и подписи письменной информации избираю фамилию...»

Рука Стасика прямо подпрыгивала от нервности, мешая писать. Карандаш дважды обламывался, царапал бумагу, оставляя неровные, кривые следы и крошки графита. Казалось сама природа отчаянно сопротивлялась этому насквозь фальшивому действию. Во рту горчило от синьки. Лоб и спина враз стали мокрыми, в голове образовалась пугающая пустота. Он впервые не мог сосредоточиться, не мог понять, что с ним, где он. Стасик поплыл над землёй. Шестым чувством доходило, что какой-то мощной рукой он вовлекается в опаснейший и глубокий, бездонный водоворот, в тайное и паскудное действие, не на главную сцену жизни, не к людям, а под них, вниз,

в какое-то дурно пахнущее подполье, под сцену, в тёмную, сырую будку суфлёра, обслуживавшего часто менявшихся красных актёров. Такого оборота он не ожидал, да и откуда молодой провинциал мог знать все лабиринты чекистской канализационной системы, смывавшей всё лучшее, всех смелых и инициативных, честных и неподкупных. Острые шестерёнки огромной машинерии НКВД, давно работавшей уже вразнос, одним волевым движением втянули его в нескончаемую почти театральную авантюру. Только у театра этого дирижёр был один единственный – многозначительно немногословный, с жёстким взглядом и изощрённым умом средневекового садиста.

- А какую фамилию? Может, имени хватит?

- Нет, раз ты главным по целому району будешь, конечно вместе с нами, то и фамилия секретная должна быть звучной, запоминающейся! Это, ведь, не на год или два. Надолго, очень надолго..., - Мансаров внимательно посмотрел в глаза Стасика и медленно произнёс, - скорее, на всю твою оставшуюся жизнь. Выйти самому из этого круга нельзя, да и ты сам не захочешь. Только на носилках. Уверен тебе и самому понравится. Какой сегодня месяц?

- Кастрычник* /октябрь/ был...

- „Кастрычник“ это хорошо, но не для всех понятно. Больше боевого духа нужно вложить. Смысл глубокий в этой фамилии должен быть. Давай напишем на русском. Звучит гордо и по-революционному – Октябрьский! С таким псевдонимом, кажется мне, ты далеко пойдёшь! Вижу, как глаза загорелись. Охотничий инстинкт – это уже полдела! Поздравляю! Теперь забудь напрочь для других, что здесь было. Думай об учёбе, работе, а на следующую встречу придёшь на конспиративную явку – кабинет № 4 в здании милиции. Входишь внутрь, сразу налево и в конце коридора, за туалетом коричневая дверь. Все синие, а эта коричневая, как и в туалете. Не спутай только. Воняет там немного в жаркие дни, но ничего, привыкнешь. Если ничего срочного, то два раза в неделю – понедельник и субботу в нерабочие часы. Лучше с утра, часов в восемь, вроде, как на базар. Обязательно перед каждым заходом проверишь, не наблюдает ли кто за тобой. Ни с кем не разговаривай перед встречей и сторонись знакомых. Идёшь по улице, не оглядываясь, заходишь и без стука – в кабинет. Если кто-то перед тобой или после тебя идёт по коридору, то направляйся в туалет. Подожди там, послушай, есть ли шаги, выходи и ко мне. Обязательно на случай вопроса о том, куда идёшь или что тут делаешь, держи в голове заготовку – „иду в паспортный стол за справкой для института...“ Только чётко, без волнения и без запинок.

- А если кто вдруг враждебное говорит или затевает? Мне же за ним нужно?

- Во-первых, я решаю, что враждебное, а что нет, но тебе в отдельных случаях можно будет понаблюдать, но с моего разрешения и после обучения. А вдруг тот, с кем ты будешь в дружеском контакте, начнёт тебя агитировать

в подполье антисоветское или, ещё хуже, в бандитское? Полусогласие, сомнение должны быть твоей естественной реакцией. Никаких резких решений или движений! Ты уже, как секретный сотрудник НКВД должен больше слушать, кивать, где-то даже не соглашаться, спорить, но без лишней инициативы. Всё согласовывать со мной. На первом этапе знакомства лучше занимать осторожную, сомневающуюся позицию. Типа – „Да куда мне! Вряд ли я пригоден...?“ Есть и другая метода – сразу высказать резкое мнение, мол, „какое там подполье при разгуле НКВД, прихлопнут и всё тут...“ Здесь расчёт на то, что ты вступаешь в нормальный мужской спор с волевым и настырным собеседником и сдаёшься постепенно, а тому не остаётся, как продолжить нажим на тебя, вводя, может быть, какие-то конкретные аргументы. В этой секретной работе много нюансов, но обо всём постепенно. В каждом сложном случае обязательно советоваться со мной. Понял?

- Понял. Очень уж хорошо и подробно объяснили. А что мне дальше делать?

- Сегодня можешь пива выпить. Первым заданием будет выяснение в беседах с учителями, знакомыми, у кого есть какие-нибудь связи в буржуазной Польше. Вот тебе пару польских журналов и книг для естественности твоего интереса. Скажешь, что польский начинаешь учить...

- Так я его и так неплохо знаю...

- Не торопись! Мы в курсе, но для других эта деталь будет основой для сближения. Ты, вроде, как общую тему для разговора подсовываешь, общий интерес. По психологии любому собеседнику это приятно и он начинает тоже рассказывать что-нибудь похожее. А после сближения на общей почве можно и к себе пригласить. Рюмочку, книжечки эти вытащить, про Западную Белоруссию рассказать. Ты же там жил? Вот и пойдёт беседа. Он тебе что-то, а ты в ответ – „... да нет, у нас тоже не так свободно...“, или „... не может быть, там по-другому...“. Тот начнёт доказывать, что знает больше о свободах разных, начнёт критиковать советскую власть. В пылу спора может высказать своё истинное мнение о мероприятиях советского правительства, назвать знакомых, однодумцев.

Потом придёшь, мы подробно разберём каждую попытку установить нужный нам контакт, выделим ошибки, удачные моменты, наметим способы дополнительного изучения, сближения с объектами изучения. Ну, что? Интересно?

- Аж дух захватывает. Будто шахматы. Там тоже всё от разумных ходов зависит.

- Правильно и умно говоришь! Спасибо за первую помощь, а в дальнейшем появится и возможность материально тебя немного поддержать. Запомни пока главное – на твои плечи ляжет тяжесть огромного доверия и ответственность за выполнение государственных задач! Далеко не с каждым можно это обсуждать. Тебе же мы верим!

Стасик не шёл, а летел сквозь городок. Почти исчезло чувство беспокойства при встрече с представителем таинственного НКВД. Глаза по новому смотрели на плохо одетых людей, вечно спешащих, кто с авоськой, кто с вонючей бутылкой керосина. Взгляд уже скользил над поверхностью убогой провинциальной жизни – подгнившими деревянными тротуарами, горбатой брусчаткой, прогнувшимися крышами мрачных домов за щербатыми заборами. Начинала надоедать школа, дополнительные кружковые занятия, брюзжащий директор с кучей дурацких требований – то доклад к партийному юбилею, то литмонтаж проводить по глухим деревням. Надоели и кислые щи из одной и той же потресканной миски в полутёмной комнатке. Станислава должны, как он был уже уверен, ценить лучше. Работал он с выдумкой, инициативой. Дети были от него без ума. Директор школы награждал грамотами, благодарности тоже давали, но за спиной чаще и чаще слышался завистливый шепоток своих же коллег: „Эгоист, самолюбец. Нас ни во что не ставит, гения из себя корчит, хотя сам из глухой деревни. Специалист хороший, но по моральной стороне ущербен, да и связи у него неразборчивые...“.

Серое пассивное большинство во все времена не принимало людей активных, ищущих, обладающим творческими задатками. Чтобы оправдать собственную пассивность, лень и безграмотность в своих глазах или перед ждущим положительных материальных подношений родством такие людишки постоянно ищут причины своих неудач у других, у своего окружения, иногда и в прошлом, периодически подстёгивая себя фантазиями на эти темы и, что интересно, постоянно находят их, снабжая ослабевающую волю и организм новой порцией изобретённых ими же „наркотиков“. Для подобных намного легче находить ответы своим провалам на стороне, только не у себя. У других же в такой мутноватой субстанции и зарождаются мысли о своей исключительности, способности видеть и оценивать всё по-своему, постоянно конфликтуя с большинством, окружающим миром, выставя себя, как единственное объективное мерило, что мгновенно возбуждало интерес у любого сексота и приводило субъекта к логическому концу в то „развесёлое“ время. Воспалённое самомнение, балансирование на грани оригинальности и идиотизма, особенно в политическом и административном поле – всегда были благодатной нивой для государственных механизмов, „стригущих всех под одну гребёнку“.

Да, Станислав Францевич любил женское внимание. Сначала по молодости и не шибко разбирался, где флирт, а где любовь, но на танцах в парке или зимой в доме культуры был завидным завсегдатаем. Умел подшутить, небрежно вернуть цитатку из прочитанного, из латыни кое-что изъять на свет божий, анекдотик столичный рассказать. В стороне от общественной жизни также не стоял – солировал тенорком в учительском хоре, в

тургеневских пьесах участвовал, постоянно вызывал восхищение слабого пола опрятностью и солидным внешним видом. По предложению куратора из НКВД основал литкружок при районном ДК, посещаемый почти всей городской интеллигенцией. Его же и контролировал. С толчка НКВД устроился на полставки в вечернюю школу рабочей молодёжи, которую когда-то закончил сам. Жизнь набирала новые обороты, закручиваясь в тугую стальную спираль-капкан жутких тридцатых, готовую вот-вот распрямиться и вцепиться острыми зубцами в души и судьбы людей.

В состоянии полной эйфории забежал про ходу в магазин возле базара, купил красного вина, конфет, а для мужчин две бутылки «Московской». Хозяину Степаниду Ивановну, у которой снимал комнату, попросил организовать праздничный стол. Объяснил, что получил добро от самого райкома партии на поступление в аспирантуру и хочет отпраздновать это со своими коллегами по школе. Это уже было почти профессиональным прикрытием неимоверной радости от соприкосновения с могущественным аппаратом НКВД и посвящением в святая святых советского общества – агентурную тайную рать! Ещё хотелось бы поделиться планами на будущее. Может быть, даже похвастаться ими. Времени полно – завтра день отдыха. В воскресенье хотел съездить на велосипеде в Домовицк. Побывать там перед дальней дорогой в пугающую неизвестность, вдохнуть ещё раз воздух детства и уже в новом тайном качестве походить по деревне, по знакомым тропинкам. Да и было о чём поговорить. Главное – показать матери, что он уже не просто сын, а почти государственный деятель. Власть матери заканчивалась – начиналось его время! Время, втянувшее его в опасные интриги с явным острым, антихристианским душком.

Окинув взглядом накрытый стол, Степанида Ивановна позвала Стасика и сказала, что пойдёт с ночёвкой к сестре, а он может гулять здесь хоть до утра. Её нравился весёлый, разбитной постоялец. Мужа у неё забрали ещё в начале двадцатых и со временем она настолько привыкла к вдовьему существованию, что семейная жизнь казалась уже чужой. Двое сыновей разошлись по путям-дорожкам – первый жил и работал где-то под Варшавой, а второй, непутёвый, болтался в какой-то партийно-проверяющей комиссии в Москве. Первый сын систематически слал ей письма, но, к сожалению, большинство до матери не доходило. Чекистская цензура жёстко отсорбировала корреспонденцию и ей было глубоко наплевать на родственные отношения – дурацкие приказы были важнее и выше, чем жизнь и страдания обыкновенных людей. Второй высокоидейный сын писем не слал, но заезжал иногда при okazji за домашней ветчинкой и крепкими народными настойками. Вот и заменял Стасик ей мужское общество. Сама предложила и столоваться, и стираться, да и денег никогда у неё не было. Одна беспросветная нужда, постоянная экономия на всём и разовые попытки продать что-нибудь с огорода. А здесь и живая душа, да и неплохая копейка.

После шестой рюмки голоса зазвучали громче. С каждой тарелки отпробовали домашнюю закуску. Были пропеты дифирамбы поджаристой крестьянской колбаске с аппетитной корочкой, а жирное сало отодвинуто пока в сторонку. Нескончаемый желудочный интерес вызвала ветчина с можжевело-дымчатым привкусом. Желтовато-масляное пюре с вкраплениями зелёного лучка, украшенное тонкими лапочками молодого укропчика, гостеприимно дымилось в центре стола, приглашая попробовать себя под солёные грузди и стопарик водочки. Скоро две беленькой и бутылка вина закончились и педагогический коллектив из двух молодых женщин и четверых мужчин уже с удовольствием прикладывался к синеватому напитку жутчайшей крепости. По вековому обычаю стариков в самогон окунули, а затем подожгли уголок районной газеты с названием «Советский Коллективист» /это сделал учитель физик и такое действие, отметил про себя свежесделанный стукач, уже тянуло на неплохой срок?!/. Газета вспыхнула сначала дымными красными языками, как бы стыдясь внутреннего лживого содержания, но потом запылала синим ясным пламенем! Бумага же осталась нетронутой! Крепкая газета! Ещё пару заходов и обстановка неловкости исчезла, как будто собравшиеся уже давно жили одной общей советской семьёй!

Место лидера безоговорочно занял балагур и анекдотист, учитель пения Константин Загорский. Ему вторил и иногда пробовал оспаривать его приоритет физик Кац Борис, черноволосый красавец с вечно печальными глазами. Историк Серапонтон громко долдонил что-то из развратной жизни египетских фараонов и предлагал возродить те острые и цветные приёмы прямо тут же в тесной комнатёнке. Не отрываясь от скабрёзных подробностей фараонской интимной жизни, он постоянно пробовал под столом сократить расстояние от своей ноги до кругленькой коленки преподавательницы рисования Клары Эстерсон. Промежуточное, поэтому самое удобное место между дамами и шумными кавалерами занял наш герой – Стасик, он же „.....“, он же Акуловский. Расположился выгодно. Во-первых – на диване, во-вторых – слева от него сидела первая красавица города Алевтина, пышногрудая учительница начальных классов, а справа – крупнотелая рисовальщица. В-третьих – он был не только в центре, но мог со своего места слышать и видеть все детали тёплого собрания. Подливая гостям, набирался и энтузиазма и вдохновения, то касаясь в наклоне горячих бёдер Алевтины, то нечаянно задевая локтем огромную левую часть бюста школьной художницы. Каждый уже хотел, чтобы слушали только его одного. Акуловский старался много не пить /так советовал главный в районе чекист/, плотно закусывал и чаще, чем другие, растворял алкоголь крепким капустным рассолом. Гости раскрепощённо болтали, руки их взлетали вверх, подчёркивая категоричность или направление острых мыслей. Темы, сначала от школы, учеников, тетрадей, всё быстрее скользили в направлении туманных целей – будущей жизни, симпатий и антипатий в городе, затем и повыше... С

известных отечественных актёров с приятностью перешли к польским и американским, затем в воздухе запахло сиреневым Парижем, близкой по духу Варшавой, несбыточными мечтами увидеть всё это и пощупать... К финалу железные нотки боевых медных труб уже взывали к справедливости и честности... Где? В самом советском обществе?! В устах специалиста по хоровому общему пению диссонансом ко всему советскому вырвалось истерическое соло о поисках правды и наказании виновных. Ему низким бари-тончиком подпевал историк. В обличительном дуэте слились Кац и вечно недовольная всеми и всем Эстерсон. Алевтина слушала, томно закатывая глаза. Её правое бедро было во власти острейших ощущения – по нему вдоль и поперёк ползала ладонь молодого сексота, обещая жаркие африканские развлечения на скрипучей деревянной кровати. В промежутках между проваливанием в экстаз и возвращением оттуда за стол Стасик всё-же сумел отложить кое-что в голове. Кто знает? Запас беды не чинит! А Акуловский становился всё запасливее и запасливее!

Понимал ли он, что „закладывать“ так примитивно своих друзей и коллег, поглощая с ними общую пищу и поднимая здравицы в их честь, антимо-рально и греховно? Это, ведь, была просто полупьяная болтовня, а никакой не заговор! Да, понимал. Он был уже не мальчик, воровавший яблоки из соседского сада, да и будучи мальчиком, он больше считал и высчитывал, что выгодно, а с чем можно и подождать. Но перспектива своего таланта, переросшего этих вечных провинциалов, умеющего зрить в глубину и суть вещей? Что, закопать это здесь, среди выпивох и трепла? А память? Зудящая, щемящая память о родном и уже далёком отце? А его одинокая мать? Нет! Продать это, забыть просто так? Ни за что! Задорого продать, за золото и бриллианты на памятник им – это другое дело! Продать за свою един-ственную цель – стать большим человеком, в конце концов доказать даже этому дерьму в энкэвэдистской форме, что Акуловский не стукач, не преда-тель, а игрок, умный, великий игрок и в этой вечной партии с властью он выиграет комбинацией своих хитростей и терпения! Стать для них вечно согнутым дурачком. Они же ждут только этого! Служа им, всё готовить для себя! Даже, если понадобится, продавать и продавать подороже свою душу! А с этими что? Лишь материал, ступенька для продвижения вперёд. Пусть простит их Господь. Не ведают о том, где и что болтать!

Непривычный в его комнатке запах женских духов, близость прекрасного обнажённого тела мешали заснуть, но он, сосредоточившись, приказывал себе: „Спать, спать. Завтра разговор с матерью. Поймёт ли она?“

Домовицк встретил его молчанием. Маленькие окошки деревянных бело-русских хат всматривались в редкого здесь велосипедиста. Люди, увидев его, почему-то сворачивали с улицы, прятались в любой калитке, только бы не встретиться глазами. Он ещё не понимал, что людская молва, христианская

мораль, пока глубоко сидевшие в душах крестьян, лучше всяких советчиков и дознавателей раскрывали липкие странички предательства, пусть это и были только первые строчки грехопадения.

Мать хлопотала возле печи, готовя сыну толстые ноздреватые блины. Когда он вошёл, подняла голову и прошипела:

- Так ему и надо. Обиды, как и твой батька, никому не прощай! Меня с тобой со всех сторон обжигали ненавистью и ещё как? Так обижали, что я до самой смерти не забуду и тебя этим заклинаю! Всем моим женским и материнским сердцем заклинаю – отомсти им! Пусть твоя месть им будет святой и неизбежной! Они это заслужили. Жил твой отец и пусть бы жил с нами, но стал им поперёк горла. Одни его к измене битьём принудили, другие сбили на кровь и ещё живого ногами под лёд затолкали. Он только и смог моё и твоё имя крикнуть, будто звал на помощь или последние слова свои нам с тобой посылал! Это мне потом добрые люди поведали. Забыть это? В чём он виноват? Что он плохого сделал для людей? Кому от него свет закрылся? Что это за нелюди у нас? Нет, чтобы один за другого держаться, так быются в кровь, а потом к властям через чёрный вход тёмными ночами... Садись. Буду, как раньше с отцом, а теперь с сыном вечерять.

Там кварта* с водой и полотенце. Ты взрослый стал, сильный, главное, разумный. Я это вижу. И ум этот тебе больше понадобится не для науки, а для жизни, для тяжкой жизни в этой жуткой стране.

- Так, так. Я и сам кое-что уже понял, но больше ещё впереди остаётся. Скажу только тебе. Есть уже у меня сильная и вечная поддержка. Колебался я, сомневался, но потом решился... Сейчас самое время тесно дружить с властями. Только так можно уцелеть!

- Я всё это поняла, как этого „гицля“* забрали. „Калгасники“* поганые в тот же день здороваться со мной перестали, сразу, наверно, яблоки твои вспомнили, но я сделала вид, что ничего не замечаю и не понимаю. Так что про твой первый разговор с властями сама догадалась, ибо без тех людей эти не исчезают. А уши властям во все времена нужны были...

Резкий порыв осеннего ветра хлестанул по окну. Форточка с треском распахнулась и ударилась в стенку. На обеденный стол со звоном выпало стекло, но не разбилось, воткнулось в хлеб. Оба настороженно застыли...

- Видишь, нет теперь со мной ни отца, ни тебя, вот и порядка никакого. Стекло само прыгает. Хорошо, что не разбилось. Знак божий!

- Но какой, мать? В хлеб вонзилось. Может, это знак не такой добрый?

*кварта /местн./ - медная самодельная кружка на четверть литра

*гицель /евр., идыш, негативн./ - бездельник, бродяга

- Может и недобрый. Что ж тут теперь доброго? Что за страна такая Беларусь, где власти не знают границ в лютости к своим же людям? Слово своего сказать никому не дают. Сразу в тюрьму или в Сибирь холодную. Ты, сын, прав. Стекло и в хлеб! Если не разбилось на куски, значит, не самые последние мы к Богу! С волками жить – по-волчьи и выть! Выживать нужно и тебе, и мне, и нашей памяти об отце! Вставь стекло на место. Там только гвоздики загни потуже.

Стасик вытащил стекло из хлебного каравая и аккуратно закрепил его. Повернувшись, чтобы сесть на лавку, заметил, светлое продолговатое пятно на потолке, левее печной трубы. Думая, что это блик от керосиновой лампы, переставил её, но бледный плавающий овал не исчез.

- Что это сегодня, мать? То стекло скачет, то что-то на потолок наплыло? На этого похож, что слева на иконе, на святого Петра.

- Да нету ничего, сынок. Это от лампы. Когда фитиль крепко обгоревший, то и не такое привидится.

- Давай, мать, за отца. Если бы вы не были с умом, то и я никчемным бы остался...

- А ты больше присматривайся, никогда не торопись что-то сделать, да и в поступках тоже терпения тебе бы побольше. Главное – делай так, как хотят твои новые начальники. Чуть и согнись, но дальше вперёд посматривай, а когда опасно там, то и загодя уклониться можно. Пусть пока направляют, а наруководятся, делов наделают, их те, кто повыше и отодвинет или заменит совсем. Ты в сторону потихоньку, а они в капкан к своим.

Понимаю так – такие, как ты, власти всегда нужны будут. Не по Христу, конечно, но терпи, как он и велел. Время-то сатанинское, да и власть, похоже, от него.

Рассуждать, кто был прав, кто виноват она не могла и не хотела. Кипевшая годами обида за любимого человека заслонила всё. Что было по правде в самом начале её не интересовало и не помнилось. Солнце уже всходило только для неё одной и опускалось за горизонт в моменты её тоскливой молитвы. Злоба и ненависть душили и требовали выхода. Скрипя зубами, днём зарабатывала в колхозе на жизнь, а ночами мечтала, что через взрослого сына сможет отомстить всем, кто хоть бросит на неё косой взгляд или попробует унижить. Быстрый и сметливый ум позволял ей видеть и понимать дальше и лучше, чем простолюдины. Тем более, что, приехав с западной части Беларуси, она одним этим уже считала себя выше и благороднее местных крестьян.

Ни её, ни её шустрому сынку не приходила в голову мысль, что у невинной жертвы их ненависти остались осиротевшие люди – старуха, сын с семьёй, внук Колька.

Стасик лежал набитым брюхом кверху. Еда подпирала сердце и оно работало громче обычного, отдаваясь неприятно в висках:

- Хорошо, мать поняла мою новую ситуацию правильно. Значит и я не ошибся. Хотя такая поддержка с её стороны. А Христова мораль? Какая же мораль среди карьеристов, властолюбивцев и людишек с острыми взглядами? Как при охоте на медведя – ты его первый или он тебя. Вокруг-то одна фальш – с трибун кричат одно, через неделю в газетах пишут другое, потом всё это меняется вместе с мелкими районными вождями... и снова начинается сплошная брехня – „построим, будет лучше, обгоним, дадим угля, горы зерна, молодёжь в небо или под землю, в шахты, обуем всех, оденем, научим, выявим всех врагов...“ Кстати, последнее как-то и получается у них – что ни месяц, то новые разоблачения и где? В самой Москве! Среди высших голов! И там тоже враги, шпионы, изменники... А дело-то само стоит? Ни в магазинах ничего, ни на прилавках, да и у людей никаких припасов...

Интересно мой шеф сказал, что я буду один на район, а про меня всю подноготную выведал... За идиота принимает? Нужно утроить бдительность и на каждого нового знакомого смотреть, как на их человека. Я-то думал, что они все при погонах, а оказывается и простым людям не брезгают, а то, может, и обойтись без него не могут? Вот в этом и моя сила тоже... А отказаться? Только дураки гордые так поступают. Недальновидно это и опасно. Нужно в любой ситуации выгоду сперва для себя делать, да и в душу глубоко они заглянуть пока не могут. Нет у них такого, чтобы читать, что у меня внутри. Снаружи я им покажу то, что нравится, а в уме буду складывать своё! Главное – не болтать по сторонам и с незнакомыми! Моя душа – для себя, а пузыри всякие, фантазии и изобретательность для них.

Их искали месяца два, но никто не выдал, да и знали об уходе только пару человек. Оставшимся Пашковичам повезло. После недолгих колебаний, на семейной сходке решили срочно перебраться к родственникам деда, в село Городище, в соседний Березинский район. Этой же ночью тайными тропами погнали скот. Дорога оказалась длинной – пятьдесят с гаком, но страх, видимо, передался и коровам. Те шли молча, прижимаясь к погонщикам и лишь, когда рассвело, легонько замычали, приветствуя новый восход. Двигались в основном зѐмлено. К концу следующего дня достигли цели. Никто не удивился их прибытию. Не они первыми спасались от ласковых объятий советской власти в этом болотном краю. Городище располагалось в настоящем медвежьем углу – на острове болотистого треугольника, между двух речек – Усы и Березины. Проезжей дороги вообще не было. Зыбкая, качающаяся тропинка утопала в мокроте и, украшенная мягкими кочками мха, держала на себе только пеших ходоков. Любой верховой мог провалиться в болотную бездну. Зимой же, когда в самые морозные дни тропа схватывалась непрочным ледком, открывался ненадолго и санный путь. Тогда жители лесного села могли хоть и редко выезжать в районный центр, в большой свет. Но там им появляться становилось всё опаснее и опаснее – никто из этой глухой лесной деревни не состоял в колхозе, никто ни за кого

не голосовал. Жили они там, как и при царе Горохе – в туманах и сырости, темноте, но в относительной свободе. Пару раз деревню наведывали власти – переписали всех, кого увидели и, заткнув носы от запахов убогости и бедноты, исчезали. Кто и как предупреждал спасшихся и прячущихся там, до сих пор неведомо. Думается, что сами белорусские чащобы не желали новых трагедий и до поры до времени двум-трём семьям удавалось избегать цепких когтей НКВД. Но переезжать в городок было опасно, и мать и сам подросший Колька, познавшие на своей шкуре страх, смутно догадывались, что даже среди людей им нужно молчать о прошлом. Так надёжнее. Они уже начали познавать эту главную специфическую мудрость советского бытия! Жаль, что большинство трудяг об этом не догадывалось!

Учение и ученики

- Получается, Станислав Францевич, что тут целый букет? Вот вы сами проанализируйте, кто и о чём болтал. Есть писанный и неписанный закон и в психологиях, да и в других науках – кто о чём говорит, тот в этом и убеждён. Годы нашей чекистской работы прямо на это указывают. Из пустоты убеждения не приходят, а их прямым проявлением и становятся любые личные высказывания! Что, разве не так?

- Да, вы совершенно правы. Я раньше об этом и не знал и не задумывался, но теперь как на ладони...

- Второе – практически все, по вашим словам, поддерживали и соглашались с выступавшими и их нездоровыми высказываниями...

- Ну, так они не так, чтобы прямо выступали, а это просто беседа за столом... Но смеялись, поддакивали...

- В ваших рассуждениях пока чувствуются классовые колебания. Это по первости нормально, но не должно долго задерживаться в голове, так как это нехорошо и непозволительно для секретного сотрудника НКВД! Значит, у вас пока нет твёрдых убеждений в правоте дела! Давайте разберём всё подробно. Вы говорите, что все слушали эту антисоветчину и только смеялись? Как вам кажется, смех – это одобрение или несогласие? Когда кто-то откровенно враждебно высказывается о так называемых пороках советского строя, неважно, в форме анекдота или серьёзно, а второй ржёт, как лошадь и не останавливает пасквилянта, не прерывает мутный поток грязных на государство слов? Такое поведение в чью пользу? Здесь мы имеем прямое попустительство врагу, соглашательство с поклёпами, главное – невольно формируется база для группирования людей с подобными взглядами. Это создаёт в глазах противника впечатление о гнилости нашего соцстроя и его скором конце!

- Получается действительно так, конце. Я после вашего разъяснения понял, что такие слова и поведение нам не на пользу и хочу с вашей помощью и дальше разбираться в деталях таких ситуаций, чтобы в будущем классово

правильней реагировать на подобные обстоятельства. А про смех я и не подумал. Теперь буду обращать внимание и на смеющихся...

- Вот, уже намного лучше. Молодец! Не только на сам смех обращай внимание, главное – на его первопричину. Если, скажем, анекдот про евреев или про буржуазию, то он полезен. Разгружает психику советского человека от усталости, но, если смех – это следствие идеологической разнузданности и целью его становится незаметное разложение нашего общества, то такие люди рано или поздно переходят на путь создания всяческих подпольных, антигосударственных организаций. Вы зафиксировали самое начало этого разложения и это лучший результат в нашей с вами работе. Лучше упредить заранее и оградить нормальных тружеников от гнилостного влияния приспешников враждебного запада. Теперь изложите всё, о чём вы устно сообщили, в письменной форме, но с подробностями, отвечающими нашим трём главным условиям – месту, времени, участникам описываемого события. Об участниках дать краткую, но ёмкую характеристику с указанием места работы и жительства, также семейно-социального положения. Главное – конкретные факты высказываний и реакция на них присутствовавших. В конце вашу новую фамилию, подпись и дату.

- А как, скорописью или друкаванымі?

- Что это за слова у вас? Польские? «Друкава...»

- Не, это по-белорусски. Как бы вам сказать... Это, когда люди малограмотные буквы печатные пишут или...

- А, понял. Подписывайте спокойно, как и своей подписью. Потом почаще будет, привыкнете, пойдёт уже автоматически. Первый шаг всегда комом.

- Первый блин, вы хотели сказать, комом?

- Ишь, какой грамотный? Смотри, чтобы этот ком блином тебе не стал. Сам-то, небось, поддакивал? Смеялся, что чуть со стула не падал?

- Что вы, что вы, я только слушаю*

- Слушаю, то слушаю, а девуку кто в постель заволок? Негоже это для воспитателя советской молодёжи? Вот так по пьянке и два советских педагога в польской кровати голышом? А? То-то! Ладно, мы, советские чекисты, тоже люди с понятием, до крайностей пока не доходим. Пока... Только в особых случаях, но этот случай с тобой пока не наступил.

У Стасика от услышанного стало плоховато с мочевым пузырём. Чего, чего, но этого он никак не мог предвидеть! Что ж, будет наукой на всю жизнь! Значит, он не один такой был за столом? Да что за столом, в школе, видимо, не один?

Когда на следующей неделе на работу не вышли – учитель пения, анекдотист Загорский, историк с энциклопедическими знаниями особенностей интимных фараонских жизней Серапонтон и рисовальщица Эстерсон, Акуловский приуныл и на время уменьшил свою прыть собирателя антисоветской гнили среди скромных провинциальных учителей.

Эти колебания в поведении свежее испеченного источника были тут же замечены Мансаровым. Такое с новенькими сексотами случалось сплошь и рядом, да и слухи о последствиях не способствовали рвению работникам тайного фронта. Но одного его разговора, его лобовых аргументов оказалось достаточно, чтобы встряхнуть обвисшую мораль Стасика:

- Только вперед! Остановишься, посмотришь, что делал – смерть! Ошибки у каждого могут и должны быть. Назови хоть одного человека без ошибок? Вся твоя и наша работа – это работа на советское государство, а она без ошибок не бывает. Мы для простых людей, на нас наше будущее! Если мы с тобой не будем проветривать леса и поля нашей Родины, то они зарастут колючими сорняками. Лучше, если среди них будут невидимые лекарства цвета ЧК, как ваши васильки! Апустишь на самотёк – всё и погибнет, забуреет!

Вот тебе деньги, как компенсация за угощение и за работу. Распишись в получении. У нас всё честно. Купишь на них учёные книжки и для матери что-нибудь. Всё! К следующей встрече продумай по школе рабочей молодёжи. Есть ли там или может ли быть формирующееся подполье? Соблюдай особую конспирацию. Да не пробуй сам искать, через кого мы узнали о твоей даме. Пахнет попыткой расшифровать методы органов госбезопасности. За это один ответ – расстрел!

А ответ у Стасика уже был готов свой. Кроме него, на всю компанию, конечно же, настучал чернявый молодец с коротенькой, как чекистская кликуха – Кац!

Ха, ха, хааа, ошибался юнец! Имярек был не один!

Через года полтора в школе, где Акуловский на полторы ставки преподавал оба языка и литературу, произошёл случай. Уставший после второй смены и опротивевшего кружка «Русский язык – основа Страны Советов», Станислав Францевич положил в разбухший портфель три стопки тетрадей для проверки классных работ дома, закрыл дверь учительской и начал спускаться по лестнице. Мягкие валенки не производили никакого шума. За углом услышал сопение. Выглянул – на табуретке перед стендом с плакатами членов Реввоенсовета РККА стоял мальчишка. Он смотрел на фотографии усатых дядей. Света в школе не было, но лампочка на столбе напротив здания освещала часть коридора через проём открытого настеж окна. Мальчик всхлипнул, вытащил перочинный ножик и полоснул два раза по плакату. В полной тишине прозвучало:

- Вот вам, звери, за моего деда и за батьку! Сколько буду жить – буду мстить всем вам!

Маленький мститель сложил ножик и засунул его в карман штанов. Застегнув дырявый кожушок, влез на подоконник и хотел было выпрыгнуть наружу в снег.

- Вот добыча! – мелькнуло молнией в голове. Акуловский в два тигриных прыжка настиг подростка, мёртвой хваткой вцепился в воротник и втащил его в помещение.

- Ну, что, выкормыш? Пока я тебя не прибил, докладывай, как твоя фамилия?

От жуткого страха мальчик обмяк, побледнел, но не стал прятать лицо. Какое-то мгновение оба смотрели в глаза друг другу – всевластный учитель с чекистской начинкой внутри и обычный белобрысый белорусский мальчуган.

- Пашкович я, Колька...

Фамилия выстрелом прозвучала в коридорной тишине и начала множиться и множиться, отдаваясь предательски громким троекратным эхом в толстых стенах бывшей царской школы. Фамилия отталкивалась от них и больно вбивалась в уши!

- Внук Пашковича? – мгновенно вспомнил Акуловский. – Что ж, пся крев*, теперь делать? Хорошо, что в школе никого и ключи только у меня.

Совершенно неожиданно, непонятно откуда прозвучало: *„Не трогай малого! Будь человеком хоть с детьми! Деда продал, отца, пусть этот живёт! Молись, придёт и твой час!“*

Голос пропал, рука Акуловского разжалась:

- Вон отсюда. Чтоб я тебя в этой школе не видел! Молитесь Богу – у меня сегодня хорошее настроение. Никому, слышишь ты, никому и никогда в жизни не говори, что я тебя отпустил и что ты тут делал. Ни матери, ни другу, никому на белом свете. Тогда уже не спасёшься. Смерть тебе, матери твоей и мне будет! Вон!

*пся крев /польск./ - чёрт подери

Нужно же на мою голову такое? Что за жизнь началась бурная? Когда занимался только литературой и языками, было, как у людей – спокойно и по душе, а с этим ЧК одни авантюры и трагедии! Получается, что они ничего хорошего для других никогда не делают, хотя на словах – защита трудящихся, свобод каких-то. Выходит, сеют только смерть? О чём же мечтал Ленин, создавая с поплечниками это чудовище? Может, сам садистом был?

Когда кто-то кого-то убил, то тут однозначно необходима божеская кара, а, когда только сказал правду о том, что явно плохо, то ему тоже смерть? Где же разница? Где правда? Или с этим пацаном? Неужели после гибели родных он должен полюбить всех „этих“? Что же делать? Не будешь на них стучать, сам во врагах окажешься. Вон, сколько у них кроме меня! Спасти себя, да и родных можно только, когда к ним в слуги запишешься. За правду – смерть? А где же моё место в этой кровавой карусели? На стороне правды? А чьей – людской или ихней? На стороне смерти? А не много ли у них таких тайных санитаров? Но я же не родился последним подонком? Или подонками всё-же рождаются? Что за судьба? Получается, лучше на стороне тех, кто управляет до поры всем и всеми, сеет страх? Неужели любая власть – это раковая болезнь, разъедающая и человеческое нутро и даже внешний облик? Как меняются лица, голос даже у крохотных удельных князьков? Всмотрись – вчера учились вместе, росли, а чуть фортуна или, скорее, блат вынесли его из глубинки туда, где получше и поденежней... Другой совершенно становится этот человек, другое у него нутро, совесть и аргументы уже лобовые, газетные...

Да и человек ли? Лицо мёртвое, на маску похожее, чаще злое, уголки рта опущены в хищном оскале, голос жестяной, скребущий, уже баском пробует вещать, хотя ранее верещал, как пидер... Набор фраз железобетонных – „наверху не поймут, приложить все силы, искоренить в зародыше, явить пример, мало инициативы, идти в массы...“. Жизнь правителей – не жизнь за счёт труда, бессонных ночей в сменах, боли в мозолистых руках, а особое ловкачество среди символов, штампов, заклинаний, поголовного вранья и предательств. Жизнь за счёт несчастий и крови обычных трудяг – в поле, на заводах, за школьными досками. Кем же мне быть? Где? Жертвой? Нет, лучше с сильнейшими – там и поесть дадут, да и от плахи подальше! Гордыня всегда смертельна!

Фантастика перспектив

- Можете себе представить, что это за злодей? – Акуловский бурно негодовал, показывая Мансарову растерзанные злодеем лики представителей советской власти. /Из них более половины будут в самое ближайшее время уничтожены Сталиным!/

Чекист удивлённо рассматривал порезы, даже нюхал их, смотрел на просвет.

- Что, никаких свидетелей или подозреваемых? – чёрные восточные глазки собрались в одну колючую точку и, казалось, физически буравили Стасика, пытаясь проникнуть в потаенные закоулки его потускневшей душонки. – Неужели можно вот так запросто проникнуть в советскую школу и напаскудить таким гадким образом?

- Дело в том, что одно окно было открытым, - сексот мгновенно сообразил кого можно подставить на первый случай, чтобы отвести подозрения от себя, - наверно уборщица Кондратова забыла закрыть его или, может быть, сам враг подготовил отходы...

- Вы тут меня азам следственной работы не учите. Преступная халатность администрации налицо. Все отверстия в государстве и школах – окна, двери, чердаки должны были быть наглухо закрыты и для предупреждения возгорания и против возможных вражеских намерений. А здесь может быть и коллективный сговор – один сделал путь свободным, второй осуществил демонстративную антисоветскую акцию. В вашей школе ещё по-прежнему много поляков или выходцев с западной Белоруссии. Это прекрасная почва для вражеских спецслужб. Влияние подрывных, шпионских и антисоветских западных центров на такую публику велико и действенно. А вы про простую уборщицу, проветривание... Мы и её не забудем. Как её – Кондратова? Фамилия какая-то странная для этих мест? Может засланная со спецзаданием осесть в органах образования? Кстати, партячейка, комсомол в школе действуют? Всю воспитательную работу запустили. Ничего, мы её быстро восстановим. Пару арестов – дело пойдёт!

- Эээ, партийной ячейки пока нет, то есть, есть, но в ней один директор. Остальные вне партии, наверно не хотят в неё... Комсомол кое-какой есть. В нём сам секретарь, племянник директора, библиотекарьша и, по-моему, человек десять старшеклассников. Остальные что-то пока...

- Плохо, Станилав Францевич! – недовольство неожиданной ситуацией и в таком незначимом для диверсантов месте возрастало. Мансаров понимал, что за подобное его по головке не погладят. О ликвидации кулачества, мол, рапортовал день и ночь без устали, а тут, середь бела дня, да ещё и в общеобразовательной забубенной школе? Проглядел? Явно вражеский выпад! Вот вам, Советы, по мордасам! Столичные чистоплюи теперь могут запросто приписать бездеятельность, а то и укрывательство по интеллигенции.

- Запомните, Станислав, вы для нас и для всей страны являетесь не только ценным и секретным источником информации, но ещё и главным, активным защитником советской идеологии, морали и воспитателем нового человека! Фиксировать через вас различные провокации намного легче и незаметнее, чем идти официальным путём. Вы это уже давно поняли, поэтому часть функций по охране государственных устоев и ложится на ваши плечи. Более почётной и ответственной работы нет и не было! Вы центр, ось, на которых держится всё! Ось секретная, ибо болтать о ней, рассказывать о наших приёмах, методах, значит сломать то, на чём и держится вся машина государства, весь наш советский организм! Но вы, как я уже сказал, ещё и активный воспитатель всего нового. Более того, почти по библии – для процесса воспитания, особенно при уничтожении старого, прогнившего строя, нужны и кнут и пряник. Вот вы вместе с нами и то и другое. С одними – кнутом, как в этом случае, а с уцелевшими – пряником. Не поймут –

в расход! У нас нет времени для болтовни и галантных разговоров. Мы строим невиданное в мире демократическое государство равных и совершенно свободных людей! Иллюзий, что мы отдадим кому-то власть быть не должно! Упреждать негативные явления – одна из самых важных ваших задач! Но для этого нужно их обнаружить, проникнуть в их среду, зафиксировать всех и всё, ну а потом уже наша работа...

- Так, так, Георгий Мамедович, жаль, что опыта этой работы на государство у меня маловато, но, думаю, ещё одну, две операции по уничтожению врагов и пойдёт легче, как по маслу, да и вам со мной получше будет.

- Как это, получше? Что ты имеешь в виду?

- В том смысле, что вам зря тратить время на мелкие выяснения уже не потребуется, а это и начальством вашим должно цениться больше. Одного я раскрыл, другого выявил, вот и опыта мне побольше, а потом под вашим руководством можно и частотность увеличить. Вы меня извините, не всё в голове держится. Знаете, хочу я дальше учиться. Может и вы поможете в этом. Пединститут в следующем заканчиваю, а там один учёный сказал, что нужно мне по филологии, т.е. по родным языкам дальше, так как таланты по этому у меня. Я не для того, поймите правильно, чтобы от вас оторваться. Мне такая важная работа нравится, да она и чуть перцу для организма поддаёт. Я, когда туда в эту аспирантуру поступлю, то вас никогда уже не забуду! Да и для вашей со мной работы уровень там повыше – учёные всякие, литераторы, критики всего... А что тут в глухомани?

- Неплохо, что вы осознаёте и анализируете своё сотрудничество с нами, но глубоко в эти анализы погружаться вам не надо. Знаете почему? Вот попались бы вы к другому человеку из нашей системы, а не ко мне? Он и не стал бы разбираться, один вы в школе были или с кем-то, а может и сами плакат почикали? А? Вы же, как учитель, ответственны и за школу тоже и за порядок в ней? За воспитательный процесс среди школьников, а тут очевидная должностная халатность. Рука школьного недоросля явно видна, но и недосмотр тех, кто его должен был воспитать! Ведь времени у иного следователя в обрез. А над ним и план, да и ошибки всякие висят. Намёк поняли? Прекрасно! Я доложу начальству в Минске о возможных перспективах нашего дальнейшего сотрудничества с учётом и ваших планов, но, думаю, что ваши планы не войдут в противоречие с секретной работой на государство. Более того, любой естественный ход событий в биографии пытливых людей выгоден и для нас. Меньше ушей видно, новые горизонты расширяются. А то, что вы выделяетесь из масс грамотностью, сообразительностью и относительной честностью, нас удовлетворяет. Вас пока никто не будет менять или... Придут другие времена, кончится эпоха жёсткого строительства социализма, тогда, возможно, понадобится другое ЧК. Название заменим по причине прошлого, но суть наша и полезность для народного организма и собственно правительства очевидны! Это, как яд!

Много его – смерть, а по капельке – лекарство! Вы же выходец из трудовой семьи являетесь?

- Только из трудовой, из очень трудовой, из самых трудов и вырос...

- Вы замечали, как ваши хлебà растут? Ну, эти, зерновые – пшеница, рожь? Представьте – огромное золотистое поле, но присмотритесь – то там, то тут, среди жёлтых стеблей и колосков устроились и васильки. Вроде, цветы, для других сорняк, но вдумайтесь хорошенько, почему они там? Равномерно по всему полю, больше по краям цепочкой. Мысль приходит, что охраняют, может? То-то! Думайте всегда, когда перед вами неожиданная обстановка. Первая мысль, а что полезного для государства, т.е. для нас, НКВД, вы сможете извлечь из этой ситуации? Есть сомнения – приходите, вместе разберём, как и сейчас. Зерно найдём. Знаете, кто ищет, тот везде его находит. Даже там, где его на первый взгляд и нет. А? Хорошо сказал? Ха, ха, хааа...!

- Понял. Большое вам спасибо. Вы мне, как слепому или глухому и глаза и уши раскрыли для прозрения. С каждой вашей беседой мне дальше и дальше видать. Раньше я и не подозревал, что рядом с жизнью, или под ней, такой поток течёт в секретных трубах! Широкий, но тихо и незаметно... Как в городах – умывальник и уборная наверху, а остальное под городом! Это же представить так – поле, а в нём васильки... И сколько их никто не знает и знать не будет! Фантастика! И обо мне никто... А я – про всех!

- Молодчина, в корень зришь! Вот, распишись. Тебе к празднику. В субботу сюда, поговорим по вечерней школе и по дому культуры.

- Привет, Мамедович. Ишь, как окреп на свежих крестьянских харчах? Наверно, изба не успевала от хозяев остыть, а конфискаты уже на столе?

- Что вы, Владимир Лаврентьевич, нельзя нам так. Только своё едим.

- Да ладно, шучу. Опасно стало, Георгий. Груз большой на себе носим, подломаться можно. Поплакался в жилетку, теперь за работу. Знаешь, когда находишься на другом уровне, так и масштабы труда укрупняются. Там, в районах больше по мелюзге и подчистке трудятся, а здесь в центре голова кругом идёт от разных новых завихрений, или как их там, чёрт, называть. Всё так круто заваривается, что не до собственных мыслей и семьи. Как игра в карты, как стрельба! Оторваться уже не можешь. Москва такие задачи ставит, думаешь ни за что не выполнить, а цена непослушания особая! Вот и сейчас. Раскрыли то ли в Сибири, то ли на Дальнем Востоке первое звено подпольной польской организации «Резервисты». Ты про неё должен был в ориентировках читать.

- Читать-то читал, одного не пойму, какого хрена раскрытие с сибирских лесов началось? Что-то до Польши далековато. Получается – там раскрыли, отчитались, а отдуваться здесь нас?

- Поверхностно так. Есть одна догадка, о которой можем с тобой посудачить. Тебе доверяю. Вместе одну кашу ели. Ещё не подводил, а?

- У меня всё мёртво. Сказал – сделал! А к вам, особенно теперь, у меня самое честное отношение, да и должность у вас генеральская!

- Хорошо, что ты быстро ориентируешься. Вот слушай – в центре хотят провести огромную акцию по закреплению московского влияния в западных областях. Здесь ещё много разной швали из бывших польских уездов осталось. А с собой и тлетворное западное влияние оставили – то у нас одно не то, то другое плохо, то третье... Словом, даже до ср...й Польши не дотягиваем. Народ, слушая эту антисоветчину, подозрительно быстро разлагается. Наши слова и убеждения действуют уже плоховато, а как им какую-нибудь лопату западную покажут, так там и сталь хороша, не гниёт и не ржавеет... Наверху решили положить всему этому окончательный конец. Но как? А мысль родилась у кого-то гениальная! Кто разносит эту заразу? Или выходцы из Польши или те, у кого родня там. Значит, это уже выявленный канал прямого враждебного влияния на неустойчивые элементы. Своего не хотят, им западное подавай! Выкосить эту пададь – наша с тобой задача. Провернуть только трудновато.

- Почему трудновато? Берём всех, кто с поляками якшается или якшался и всё!

- Нет, дорогой! Так сейчас прямолинейно нельзя. Год, два назад, да, а теперь другие методики нужно искать. Мы же торгуемся до сих пор с капиталистами. То уголь с Украины, то дерево из Белоруссии, то нефть с Кавказа им продаём. Грубо нельзя, а то подумают – у нас никакой демократии нет, а только аресты. Надо бы базу подвести, соединить чем-то этих разрозненных людей. Чем? Конечно, подпольем! Общностью мыслей, тоской по старому укладу. Не просто – поляк... и в кутузку. Здесь нужен научный, политический подход. Планируют, всё-же, наверху неплохо. Смотри, если ты оттуда приехал по дурости жить на постоянно сюда к своим, то о чём ты через три часа будешь думать?

- Ну, в общем-то понятно о чём. Все агентурные сообщения этим забиты.

- Правильно. Как созревает антисоветское подполье – сначала сам с собой тоскует, потом с жёнкой, после с соседом... и поехало, пошло! А если им предложить наживку оттуда? Малька твоего «Октябрьского»? Экипировку, легенду подобрать, подучить, да и проверить ещё тщательно не помешает. Вот как твой бывший начальник теперь мыслит! Я шефу своему посоветовал подготовить и провести на территории бывшей Западной Белоруссии, и не только, глубинную чекистско-оперативную игру «Резервисты-2» с использованием «Октябрьского» и ещё нескольких самых проверенных сексотов. Судя по результативности сотрудничества с нами этого человека за столь малый срок, можно надеяться, что он со своим энтузиазмом создаст хороший задел по срыву планов западных служб посредством созданного нами искусственного польского канала – основы оперативной игры.

- Уже начинаю понимать, но как конкретно начать, где, с кого?

- А вот чисто моя идея! Поможешь – наверх пойдёшь. И я может тоже ещё подтянусь. Через службу почтовой перлюстрации зафиксированы множественные связи с заграницей, особенно с Польшей. Поголовно вырезать их, к сожалению, нельзя. Запад скажет – из-за одного письма и человека к стенке. Негуманно это сейчас! А выход есть! Нужно подвести под естественное желание переписываться с роднёй или знакомыми другую основу. Вот приблизительная схема.

Во-первых – выявить якобы профессиональные разведывательные навыки у наших граждан. Скажем, большинство писем оттуда конфисковывается и именно по этой причине их долгого отсутствия люди начинают искать любые, даже тайные способы восстановления утерянной связи с заграницей. Признак это, или нет? Признак, да ещё какой!

Во-вторых – твой человек, установив личный контакт с кем-нибудь пока на нейтральной основе, то ли это общие интересы – рыбалка, охота, книжки, даже выпивка и бабы сгодятся, постепенно раскрывается и намекает, что у него есть надёжный канал с Польшей. Но всё это не сразу. Игра должна быть тонкой. Надо показать его предельную осторожность и недоверчивость, конечно, и меркантильность. Здесь тонкий психологический момент. Более активным в выяснении, кто есть кто в этой ситуации должен быть не наш помощник. Мы отдадим часть инициативы в руки противоположной стороны. Пусть проверяют, ищут, сомневаются... В сотрудничестве с органами НКВД они будут подозревать каждого и его в первую очередь. Но ни в коем разе первым не раскрываться. Прямого подтверждения своим словам не давать, подтягивать их как на рыболовном крючке. Не доверяю... и всё! Своя жизнь дороже! А потом мы всех этих жаждущих убьём одним приёмом – «Октябрьский» после десятка оговорок и перестраховок покажет настоящий конверт с польскими штемпелями и свежей датой, но без наших почтовых атрибутов. Мол, вот как-то сам пришёл, преодолев госграницу и запоры НКВД. А на конверте и адресок его действительного варшавского родственника, который через кого-нибудь можно и перепроверить. Пусть пишут. У него же там их несколько?

- Есть. Он мне выложил целый альбом с письменными пояснениями – кто, где, чем занимается... Даже выхвастался их всех вызвать и арестовать здесь, а потом использовать, ну, как его самого. Голова толковая! Конечно, боялся, что фотографии и его родня будут его самого компрометировать, поэтому и поторопился первым. Это тоже неплохо – о себе беспокоится.

- Прекрасно, значит он честен перед нами? Пусть этот альбом пока лежит у тебя, а попозже и его родня понадобится.

- В третьих – чёткая линия поведения скряги и жадного к деньгам человека! Вот здесь и глубинный ключ! Мол, он этим давно и неплохо зарабатывает и готов за плату оказать услугу, вплоть до небольшой посылки, но обязательно через конспирацию – дело имеет сначала только с одним желающим, а деньги вперёд. Конверты или бандероли закрывают и зак-

леивают в присутствии инициатора, а мы их сопроводим на самом деле за границу. И только после двух-трёх „удач“ «Октябрьский» уже более доверительно работает с этим человеком, доказывая и показывая надёжность своего тайного канала. Это с целью привлечения остальных, мол, если у тебя есть и другие просители, то не скопом, а по отдельности обслужу...

- Всё неплохо, Владимир Лаврентьевич, но народ сейчас ушлый, настороженный. А тут услуги почти шпионские и от кого, учителя? А как он их...

- Вот и четвёртый пункт подошёл! Мы его устроим по легенде измерителем-учётчиком на лесозаготовках для заграницы. Была до прошлого года такая должность, потом его поставили ни за что к стенке, фамилия очень польская – Дзержинский, да и параллели неудобные, сам понимаешь. Мы её оживим. У нас там уже есть один сексот. Он ещё по «Тресту»* помогал. Лесничий Кривичского отделения бывшей Вилейской губернии. Сейчас обновляются лесозаготовки в Польшу, Англию, Германию. Нужен человек, который будет учитывать, обмерять и стандартизировать кругляк. Работы для него полно, но только в дневное время. Во вторую смену и в выходные будет другой, с нами напрямую не связанный. Так для дела лучше, конспиративней, но между собой они будут спарены, чтобы нашего носу там вообще никогда не было! Твой берёт письмо, а второй кладёт его в специальный тайник в помеченном бревне. По выходным же «Октябрьский» будет свободен и сможет осуществлять прикрытие своей легенды человека, имеющего тайный канал – ходить на охоту, за грибами, на рыбалку. То ли тропы свои проверять или с людьми в лесной чащобе встречаться... Неизвестно. Раскрывать или что-то лишнее придумывать он не будет – просто пошёл в лес для любопытного глаза, а к вечеру вернулся. Подумаем и о нагане. На всякий случай! Такого по глупости жалко терять. Поработают, сделают солидный задел, потом второго, как осведомлённого в деталях игры и о сотрудничестве нашего агента, в распыл, а твоего к награде!

- Вот это здорово! Настоящая оперативная игра с размахом! Правильно вы сказали – такая работа затягивает лучше всяких карт. Просто засасывает! Увлекает и ещё как! Я даже предвидеть не мог такого полёта оперативной мысли! Эх, учиться мне, зелёному ещё надо бы. Думаете мы с ним справимся? А то, не дай Бог...

- Ты нашего Боженку не приплетай, у тебя Аллах... Не обижайся только. Мне всё равно какой национальности мои подчинённые. Главное – их способность гореть чекистским трудом! Справимся, а куда и ему и тебе сейчас деваться? Все и так по уши в ... Дороги назад нет, только вперёд к новым затеям и высотам. Я уже договорился. Мы его здесь под техникой проверим. На слух и на вид. Держит ли линию поведения, насколько болтлив, какие огрехи в конспирации...

* оперативная игра ЧК, в результате которой был арестован Б. Савинков

Вопросы в нашем деле к любому есть. Но если пройдет – мы с тобой на коне! Меня это тоже увлекло. Давно такими масштабами никто здесь не занимался. То ли молодость свою вспомнил, как мы на югах беляков штабелями в подвалах укладывали, то ли... Да мало ли что было! Сам комиссар хочет с ним контрольную встречу провести. Во как!

- Да, сложнейшую задачу вы поставили, но с вашей помощью думаю справимся. А где и какую экипировку дадут? А документальное подкрепление легенды?

- Конспирация будет многоступенчатой – ему будет вызов от минпроса якобы на годовичные курсы по подготовке кандидатов в аспирантуру. Он же давно туда просится? Вот и будет первый учёный-сексот из целой области и ты при нём с тремя классами... Хе, хе, хеее...! Аспирантскими курсами прикроем плотно. Да ими в наше время никто интересоваться и не будет. Не обижайся на мои выходки. Аспирантура у нас своя и ещё какая! Все доктора и академики дрожат, услышав фамилию оперработника. У нас каждый из них на крючке!

- Я и не обижаюсь, мы знакомы уже много лет, да и не мальчик, чтобы дуться. Не у всех была возможность в то горячее время учиться. Мы делали революцию, зато учёных этих крутили и крутим так, что аж пыль летит! Неизвестно, кто из нас ещё умней – они или я?

- Правильно рассуждаешь. Это не в бирюльки играть или по книгам шастать. Мы любого учёного даже в его споре за пояс заткнём или ещё пониже куда! Нам публичность ни к чему. За нас результаты нашей работы будут говорить – теперь все за советскую власть и они также.

- Ещё как «за»! Аж соревнуются, кто кого быстрее заложит!

- Сделаем так, чтобы письма могли ему оттуда писать. Для правдоподобности и убеждения. Мать или какая-нибудь зазноба. Чин по чину – номер польского почтового отделения, польский штамп, конверт. В отпуск здесь пару раз отпустим, чтобы как у всех. Комар носу не подточит!

В указанный день, воровски оглядываясь, Стасик на полусогнутых вошёл в знакомый кабинет.

- Что-то многовато выдали? Я особо не успел наделать для государства.

- Если до сих пор не успел, то время есть, ещё наделаешь или „наробишь“.

- Ой, вы уже на белорусский язык переходите? Вам такой наказ сверху дали?

- Какой такой наказ? Все вы тут националисты. Вам дай свободу, так вы не только к Польше, но и к Америке отделитесь. У самих ни кола, ни двора, а нос, как у бравых поляков, торчком стоит в любую погоду. Куда вам без Расеи-матушки? Рабами у Европы? Теперь о важном.

Для вас, как ответственного секретного сотрудника, есть непростое и длительное задание самого Центра – вызвать на себя интерес отдельных будущих членов контрреволюционной польской организации «Резервис-

ты». Её тайные подразделения уже действуют подпольно даже на территории России, но особенно активничают они здесь, в западной Белоруссии. Мы через наши возможности в столице оформим вам командировку на целый год. Может и с продлением. Для вашего начальства – директора и РОНО вы едете на курсы по подготовке к поступлению в аспирантуру. Такие есть на самом деле. Они для будущих аспирантов. Там подучивают иностранному языку, истории компартии и по профилю тоже. Вот мы эти курсы вам и состряпаем, но как прикрытие основной секретной деятельности. Для учёбы уже по нашей линии, детального инструктажа, отработки конкретных заданий и также для помощи вам будем встречаться только на конспиративной квартире с соблюдением строжайших мер конспирации. Одно только нарушение их может повлечь вашу гибель от рук врагов.

Сколько это продлится, не знаю, многое будет зависеть от вас, вашей самодисциплины, желания работать и понимания ответственности перед партией и народом. Вы польским владеете, как родным, выросли в той обстановке, привычки, особенности знаете. Кстати, даже члены правительства будут в курсе дела и, может быть, кое-кто из них захочет встретиться с будущим героем. Вот так! Видите какой уже уровень? В оставшееся время продолжайте работать, как ни в чём не бывало. По разрезанному плакату следствие уже идёт и вы отношения к нему иметь не будете. Кто нам сообщил, кто занёс, вы не в курсе, даже если кто-то спросит. А мы найдём подходящего кандидата на роль шустрого резчика. Подготовьте вещи к дороге – бельё, одежду, бытовые принадлежности, прочее. Возьмите обязательно книги на польском, журналы цветные. Вам их выдадут, даже с полуголыми красотками. Встречу вам обозначу газеткой. Почтальон кладёт её в почтовый ящик, а я для срочной связи засуну её между досок забора, справа от калитки. Это означает, что вы должны придти на явочное место в этот же вечер к 22 часам, не позднее. Хозяйке говорите, что у вас очередное свидание, но конкретного имени упоминать не надо, а то вдруг та спросит у Алевтины... А для Алевтины должен быть готов другой правдоподобный ответ – позвонил друг, знакомый, попросил помочь с электричеством или ещё с чем-то..., лучше – отдолжил мне что-то по хозяйству. Вроде, всё. Принесите завтра список учителей с польскими или другими подобными фамилиями, еврейские тоже пойдут, учеников также впишите туда.

Список Акуловский принёс, но пяток фамилий не вписал, в том числе и фамилию Пашковича. Обнаружат – ошибся. Чего не бывает!

Дом Кольки находился далеко. Городище относилось к другому району, но мать, потеряв мужа, решила непременно выучить сына и через тётку устроила его в соседний район в самую лучшую в округе по тем временам Липеньскую среднюю школу. Комнату в райцентре снимали у той же родственницы. На следующий день после крутого разговора с Акуловским, Колька, собрав свои книжки, вышел на улицу и, не предупредив никого,

отправился пешком в долгий путь домой. Никакого транспорта в те времена не было. Ходили пешком и расстояние в 20 – 30 километров не казалось большим. 12 км до Горок, семь через Ревецкий Бор, Шестиволоки и до Красной Слободы, а там по левому берегу речушки Добрицы до впадения в Усу. Коля помнил эту дорогу, хотя ходил по ней только пару раз.

Почему он решил порезать плакат, да таким опасным способом, Коля и сам толком не понял. Видимо, копившаяся ненависть к тем, кто забрал его отца и деда, выплеснулась внезапно и он, к сожалению, не подготовил в деталях свою акцию-мечь. Кстати, именно эта особенность его характера – не задумываться особо над своими поступками, действовать импульсивно, лирически отстраняясь от конкретного бытия с его препонами и колючками, сыграют негативную роль в его будущем. Он же, уже забыв о конфликте с Акуловским, топал по пыльной просёлочной дороге.

Его отца забрали в следующий год после деда. Коля навсегда запомнил этот день. Начался он походом в лес за земляникой, а закончился страшной пустотой в хате и воющим плачем матери. Такого плача он не слышал никогда и плач этот будет преследовать его всю жизнь. Местный священник, отец Серафим, предупредил, что, забрав сначала деда, потом отца, чека спохватится и будет искать и их, чтобы искоренить весь род на корню, не оставляя свидетелей своих злодеяний. Была, мол, какая-то семья, стоял дом и через пару лет никого, да и памяти о них тоже. Священнослужитель посоветовал хотя бы на время перебраться из села Городище подальше, в глухую деревню Осовки в пяти километрах от районного центра Березино, где жили его знакомые, хорошо знавшие эту местность. Соседям же намекнуть, что уезжаете далеко, скажем, на Украину... Велел перетащить к нему в сарай скарб, а самим идти пешком, избегая любых людей. Вот такие наступили времена – люди стали опаснее волков! Этот переход глубоко врезался ему в память – с мешками через плечо, согнувшись, прячась за кустами и кочками, мать и сын пробивались сквозь болотную топь и лесные дебри к новому месту, где, может быть, жила какая-то надежда на спасение посреди родной страны, ставшей в миг чужой и смертельно опасной! Ориентиром служила пойма Березины. Шли чутко, осторожно. Как дикие звери, постоянно оставались, прислушивались, вглядываясь в глубину, стараясь первыми увидеть любую опасность, а опасностью для них было любое двухногое существо, напоминающее человека, “*homo sapiens*” – человека разумного?! Их взгляды то и дело сверлили узкие дорожки, тёмные кусты, открытые полянки, попадавшие на их пути, в надежде предупредить появление очередного стукача даже здесь в глуши. Повезло – дурному глазу не попались, не встретился и сексот в обличье лесника. Над ними в этот день была распростёрта божеская милостивая длань! Многие успели они уже пережить и им на время был дан отдых...

- Слава Богу, что есть ещё на свете добрые люди, - говорила часто его мать. – Весь свет только на них и держится. Остальные на нём висят. Со време-

нем, сынок, сможешь и ты отличать добрых от сорняка. Держись первых, опасайся других, многоголосых, громких. Если эти прицепятся, не оторвёшь, не сбросишь. Как репей. Видел же сам – спереди оторвёшь, а сзади не видно. Висит на тебе тихонько, а ты его везёшь, думаешь, что один и свободный, а тяжести этой поганой не чувствуешь. А репей этот едет, видит и слышит всё, да и питается тоже за твой счёт. Опасайся его. Дедулю и папу забрали – такая наша сейчас белорусская доля. Нужно тебе учиться, в люди выходить, чтобы и разумным стать и в лучшую жизнь пробиваться. Любой труд на пользу людям, кроме одного... Репейного. Твой tata говорил – работа на пользу людям и себе сердце и душу греют, а зависть и злоба их разрушает! Никогда и никому не завидуй, делай добро для других, иди первым к нуждающимся на помощь, да жизнь свою порядкуй тоже. А я рядом с тобой буду, сколько Боженька подарит. Так и проживём в труде, да и соседи помогут. Подбрось в печку поленце, я на ужин соберу. Да, вот тебе вилочка на память. Ею часто любил пользоваться твой дед, а потом и твой отец. Она ещё деду в первую войну от немцев осталась. Они столовались* у него. Пока будешь жить, помни их и ставь свечку им. Это великий и тяжкий труд – помнить и беречь, охранять от зла эту святую память! Пока у человека есть прошлое, он человек. Нету ничего – он скотина. Уважение и любовь к родным, да и к другим добрым людям отличает человека от скотины. Скотина довольствуется лаской от твоей ладони, а человек от твоей души. Люби землю свою и язык свой. Других нам Бог не дал. Мы не хуже тех, кто разговаривает на русском или польском. Беларуская мова – это эхо наших лесов, прохлада рек и шелест бескрайних лугов. Как звучно было и весело, когда дед твой выходил за сеновал и звал собаку: „Ваўчок, куды ты дзеўся? Вяртайся да хаты! Гэээй!“ А в ответ глухим эхом отзывался далёкий бор: „Я прыду, дзеду, прыду. Пагуляю, ды прыду!“. Ты стоял рядом и залиvisto смеялся, мол, не может Волчок так отвечать. Смеялся и дед. Любо было смотреть на вас. Хорошо, что тебя тянет до нашего языка. На нём говорили прадеды, деды, отец и мать и дети твои тоже..., дай Боже и внуки. Ни про что погибли старшие. Их уничтожила ненависть вождей к человеку труда, который нуждается только в сохе и свободе, а не в ихних фальшивых проповедях. Ты займёшь их место на свете и добрыми делами уважишь их память. Зимними вечерами, когда ты учился в Липени, я сидела возле печи и вспоминала всю свою жизнь. Тяжело и не сразу, но мы выбирались из бедноты, помогая один другому. Мы прислушивались и к новой власти, надеялись, что её слова вот-вот повернутся к нам добрыми делами. Шли годы, но менялось мало. Наоборот – хуже и хуже для самостоятельных и работающих. Белорусы снова стали для правителей быдлом и тёмным народом. Надежда на лучшую жизнь таяла с каждой невинной жертвой, с каждой каплей крестьянской крови. Не забывай и этого и, когда сможешь сделать хоть чуть-чуть для нашего края, то делай это с Богом в душе, без ненависти и злобы. Это будет главной благодарностью и памятью тем, кто пропал.

Честно учись, работай, честно живи и так дойдёшь до мечты своей и до истинной Веры. Не каждый способен, но у тебя особенная душа, тонкая, трепетная! Ты видишь и чувствуешь много, больше других, с тебя больше спросится! Чую – тяжкая твоя дорога, но кроме тебя некому по ней идти...

Мало что понял тогда Коля, но интонации, голос матери, эти необычные, неслыханные до этого слова звучали особо, весомо, проникали глубоко в душу и, казалось, что уже тогда она видела сквозь толщу лет будущее своего единственного сына. Это не было похоже на обычный разговор, скорее, на завещание, наставление от неё и тех, кого уже нельзя было воскресить.

С того вечера в его сердце на всю жизнь поселилось то, что и описать невозможно словами... В каком-то приближении, да, но передать все нюансы его душевного состояния, услышать тончайшую вибрацию невидимых нитей, соединивших его навеки с первыми красками рассвета над родной землёй, бодрящим холодком жемчужных бусинок утренней росы, уже далёкими голосами родных...

Это похоже на чувства, когда в далёкой чужой сторонке ты подносишь к лицу краюху чёрного хлеба, испечённого на поду. Ты дышишь им и оживаешь! Это похоже на то, когда через много лет, сойдя с попутки, пересекаешь тёмную полосу шоссе... Справа сквозь заросли проступают замшелые кресты заброшенного уже кладбища. Чуть постоишь, разбирая еле различимые имена...

Сердце бьётся быстрее, иногда не в такт. Пытаешься открыть заросшую калитку в сад, через которую когда-то входил в их тихое царство, но не можешь – крепко держат её чертополох и дикие корни. Идешь в обход – улица больше похожа на туннель под одичавшими деревьями, сросшимися над головой. Домов вообще нет! Два покосившихся столба с обрывками проводов, часть плетня и бешеный разгул колючек и крапивы. Где хата? Липа огромная напротив тогда росла. Так её спилили лет сорок назад. А где же само гнездо? Исчезло? Сын мой спрашивает: „Может эта?“ Обернулся – сзади, сквозь плотные ряды раскустившихся рябин чёрной дырой вместо двери дом смотрел на меня. Их, мой Дом!

Божье провидение – он остался и ждал моего прихода! Все погибли, а он уцелел. Было это в далёком апреле 2009 года. Со мной был сын Владислав.

Зашёл внутрь – половиц нет, земля вместо деревянного пола, пятна угля от печи. Битый кирпич, глина. Крепкие ещё стены. Вдоль них лавка. Над ней в те времена висели образа наших святых. Вход в большую комнату – пол и потолок разрушены. Крыша исчезла. В комнате полумрак, дом окружён стеной разросшихся деревьев. В правом углу тот же шкаф, сработанный руками деда. Створки были распахнуты. На средней полке лежал молчаливый подарок от них – крышечка из толстого зелёного стекла с незатейливой выпуклой виноградной ветвью от старой, довоенных времён сахарницы.

Больше ничего! Тишина родного очага и блаженное состояние! Все собрались в эти мгновения вместе, стояли рядом – они, время и я!

Прочувствовав, какую ответственную задачу перед ним поставил загадочный “Центр”, Станислав Францевич горячо увлёкся ваянием контуров полувоенной, полуподпольной, полупольской, полностью фальшивой и неясной по целям организации “Резервисты 2”. Он преуспел. Сказались общительность, фрагментарные задатки сценического таланта и выборочная мораль.

Запросто познакомившись на базаре с неким Иваном Барташёнком, “Октябрьский” за два дешёвых приёма с водкой и польскими журналами выудил у того целых пять родственников за границей, с которыми уже три года не было никакой связи. Барташёнок, пребывая в одурении от нового знакомства и минимальной платы за возможные почтовые услуги, заверил, что не только он сам вручает свою судьбу в руки влиятельного собутыльника, но ещё и приведёт других Барташёнков – Петра, Антона и Игната. Ну, а потом, если дело пойдёт, отыщет и других жителей деревни Узляны, желающих освежить застывшую переписку. Всем, мол, так надоела эта советская власть с кровавыми услугами, что они готовы сами себя запаковать в коробку, но без обратного адреса. Проболтав до утра и, опустошив ещё бутылку, Иван пропал на неделю, но в следующее воскресенье появился с двумя мохнатыми мужиками в поношенной форме военного покроя. „Будет проверка! – догадался Стась, - но меня на этих обносках не проведёшь!“

Он, как и учили на секретных курсах, с первых слов перешёл в атаку:

- Что-то вас многовато для первого разговора. Получается – один говорит со мной, а два других слушают, в свидетелях? Могу вам только обрезков или сучьев неплохих с делянки продать. У нас теперь с чистым деревом строго. Ещё и неплохие пеньки остаются, но они подороже вам будут...

- Да какие пеньки, Стасик? Мы по другое дело пришли. Кроме тебя, так понимаем, не с кем покалякать. Везде уши. Свет таким малым стал, - Иван что-то сказал на ухо полувоенному. Тот нахмурился: “Ты нас за обрезки не принимай. Битые, да и не один раз уже. Как ты докажешь, что не подставленный?”

- Я вам ничего доказывать не буду, так как сам не знаю, кто вы и что. Можете топать домой, а Иван погодя...

- Иван Иваном, но ты же не даром всё это хочешь? Гроши требуешь?

“Клюёт, - обрадовался Стасик и чуть дождал ситуацию, - дело такое, что не сам всё я это. Беру только половину. Другая другим. Они в лесу глухом работают, грибки собирают, ягоды, да по очень топким местам и клюкву. Стежки-дорожки к клюкве знают. Ладно, доказательство хочешь видеть? На, смотри. Рискаю я, да Иван сказал, что головой за вас...”

Трое с удивлением уставились на надорванный конверт со свежей датой и настоящим польским орлом. И печать и адреса были на польском, а советские штучки отсутствовали.

- Дней как пять получил. Не на скором пришло, но, всё-таки, живая весточка от своих, да ещё и пару злотых вложили. Смотрите сами, не торопитесь и я вас не принуждаю. Не захотите – Бог вам судья, да и мне хлопот меньше. Разойдёмся и миром всё. Без болтовни только по бокам. Кто хочет проверить, пусть черканёт пару слов – так, ни о чём, без имён и фамилий. Привет и всё! Придёт ответ, тогда и поговорим. Непросто это всё, не один месяц выстраивал. Только ко мне больше цугом не ходите. Лучше Иван один. Он уже вроде, как знакомый мой. Передаст вам, а вы решайте. Много не возьму. Вижу ваше богатство.

Верх в словесной дуэли был одержан. Интерес и желания перевешивали осторожность и ум. Раз заразившись надеждой разыскать вновь своих там, за плотно прикрытым кордоном, они уже не могли отделаться от идеи-фикс.

Через дня два Иван принёс деньги, две бандероли и три письма. Почта функционировала не быстро, но исправно и слухи о возможности получить или послать весточку родным тихо расползались между людьми, скованными страхами и неопределённостью. Месяц, другой – никаких последствий. Два раза Акуловский под видом мнимой опасности канал перекрывал. Все с волнением переживали. Через год только в его чекистском почтовом „отделении“ набралось около ста человек. Надо было предполагать, что таких отделений по Белоруссии было несколько... Кто остался при Советам, кто пришёл из Польши ещё при царе Горохе, все они хотели одного – щупать грубыми пальцами листики с родным почерком, принюхиваться к

незнакомым запахам из конверта и ждать, ждать... Чего и кого? Ответа никто не знал! Хотя...

Знал и уверен в нём был только Станислав Францевич, так его уважительно называли в городке. Ему и не надо было особо прикрываться. Народная молва сработала на руку – трудится новый учётчик, человек вежливый, благородного происхождения, с акцентом польским, на митингах не выступает, водочкой не брезгует, за местным женским полом любитель. Живёт на частной квартире. Велосипед у него. Одет не богато, но опрятно. Говорит, что мать должна приехать из Бялостока, так как одна там осталась и может ещё сестра с ребёнком...

Проработал Акуловский на „лесной“ ниве недолго, месяцев восемь, десять, но, видимо, лимиты „результативности“ им были настолько превышены, что испуганные таким исходом кураторы из НКВД дали отбой...

Списки, составленные по сообщениям “Октябрьского”, были обширны и весомы – строгий профессиональный глаз сразу различал в них уже оформившееся подполье, преступный сговор антисоветской направленности, а отдельные чекистские „аналитики“, особо заинтересованные в карьерной лестнице, даже признаки возможной деятельности по организации центрального террора, т.е. обязательному покушению в следующем году /страшно говорить!/ на самого И.В. Сталина?!

Фантазии чекистов в то „удалое“ время не имели никаких границ, словно речь шла о соревнованиях по выращиванию качанов капусты или бураков, может и огурцов. Из Центра постоянно шли указания о повышении качества работы с сексотами, т.е. количественном увеличении агентурных пасквилей на всех и вся, лишь бы создать впечатление у партийных вождей о дённом и ночном труде подчинённых им верных слуг. Упор делался на выявлении и тут же на скорейшей ликвидации свежевьявленного! От бедных ничего не подозревавших заговорщиков и прочих вражин не оставалось часто ничего, даже минимального расследования – листок с выводами тройки, редко – справка о расстреле и всё... Конкретика никого не интересовала – вал, количество, направленность и ещё раз количество! Этими показателями, а также широтой охвата оценивались преданность и труд чекистов, за что вручались ордена медали, почётные звания.

Интересно, что потом, при резкой смене руководящих фигур и очередного косметического ремонта спецслужб, эти же результаты ставились уже в вину новым сотрудникам. Одних арестовывали и расстреливали, других арестовывали и ссылали в особые лагеря уже только для “своих”, наспех созданных в тридцатые годы. А формулировки до обиды были те же – затесавшийся враг, перерожденец, предатель интересов... Их навеки ссылали в Сибирь вместе с семьями и эти рыцари-дзержинцы исчезали, как и их бывшие подопечные, в тёмных глубинах советской истории, откуда до сих пор нет никакого возврата?! Почему?

Так заматались следы, вина Самогò, в том числе и партийного руководства всех уровней. Преступная практика уничтожения всего, что не соответствовало воспалённым мозгам строителей светлого будущего, стала во главу государственной избы-читальни. Но вскоре со старым содержанием, но в новых мундирах всё это опять возрождалось и с успехом применялось на спинах жителей страны Советов. Длился этот адский труд аж до конца 60-ых, правда не в таких крайних формах.

Постучала как-то хозяйка съёмной квартиры в дверь. Ответа нет. Ещё постучала. Открыв, посмотрела внутрь – никого, постель аккуратно заправлена, а на столе деньги и букет цветов. Записка: „Уважаемая Мальжбета, целую ваши ручки и желаю добрых дней вам и семье. За мной пришли, вернусь ли? Теперь жизнь тяжёлая. Благодарность вам от меня, пани – Стась Акуловский“.

В этот длинный список своих „корреспондентов“ «Октябрьский» включил и двоих убийц своего отца. Он был очень неглуп, этот злопамятный парень из лесной деревни. На конвертах криво написал фамилии и адреса бывших односельчан. Печатными буквами состряпал письмо с подозрительными условностями /опыт-то у него был!/ и, как и было договорено с опером, передал его своему напарнику. Тот засунул это в тайник в длинном бревне. На торцах хлыстов он учинял чернильные надписи с указанием диаметра, возраста дерева и обозначением лесозаготовочной делянки.

На том, где был тайник, добавлял крестик. В Койданово, на перевалочной, где хлысты перегружали на платформы и направляли в буржуазную Европу, плотно вбитый клин вынимался.

За ним и находились родственные послания жителей самой свободной страны Советов. Изготовление тайника требовало аккуратности, поэтому умельцами из ЧК были обучены и наш учётчик и его напарник. Чекистское же бревно опять возвращалось на делянку, где в качестве ловушки ждало доверчивых и наивных людишек. Список членов контрреволюционной организации «Резервисты» и их конспиративных ухищрений стремительно расширялся.

Никто и никогда не мог заподозрить в старательном работнике по заготовке леса на продажу человека, связанного с самой страшной организацией страны. Он, как могло казаться кому-то со стороны, сам здорово рисковал, запихивая в заготовленную дырку письма для тайной пересылки их за границу. Дырку эту, правда сверлило ЧК в лесу, а содержимое оседало в её кабинетах.

СПИСОК

лиц, скопрометированных показаниями арестованных по следственному делу № 67924

УНКВД Вильгельмской области №

(наименование органа)

№ п/п	Фамилия, имя и отчество лиц скопрометированных показаниями	Год и место рождения	Место работы и должность	Другие установочные данные (парт., нац., гражд., проф., адрес и т. д.)	Кто дал показания	№ документа	КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОКАЗАНИЙ
1.	Бартоломеев Петр Федорович	1900 г. р. м.	г. Усть-Ижма	г. Усть-Ижма	Бартоломеев	13	Коллектив к-р. р. р. "Резервисты"
2.	Лозовик Резервист	г. 45.	с. 45.	г. Усть-Ижма	—	13	состоял чл. к-р. "Резервисты"
3.	Лозовик Степан Максимович	1897 г.	с. 45.	г. Усть-Ижма	—	13	состоял чл. к-р. "Резервисты"
4.	Лозовик Алексей Иванович	1897 г. р. м.	с. 45.	г. Усть-Ижма	—	13	состоял чл. к-р. "Резервисты"
5.	Авдеевичев Виталий Александрович	1.30.	с. 45.	г. Усть-Ижма	—	13	состоял чл. к-р. "Резервисты"
6.	Токмаков Степан Иванович	1.45.	с. 45.	г. Усть-Ижма	—	13	состоял чл. к-р. "Резервисты"
7.	Варховский Степан Иванович	1.24.	с. 45.	г. Усть-Ижма	—	13	состоял чл. к-р. "Резервисты"
8.	Варховский Иван Иванович	1.24.	с. 45.	г. Усть-Ижма	—	13	состоял чл. к-р. "Резервисты"

Подписи:

Варховский

СПИСОК

лиц, скомпрометированных показаниями арестованных по следственному делу 67024

Умод Вилебенг области № 2

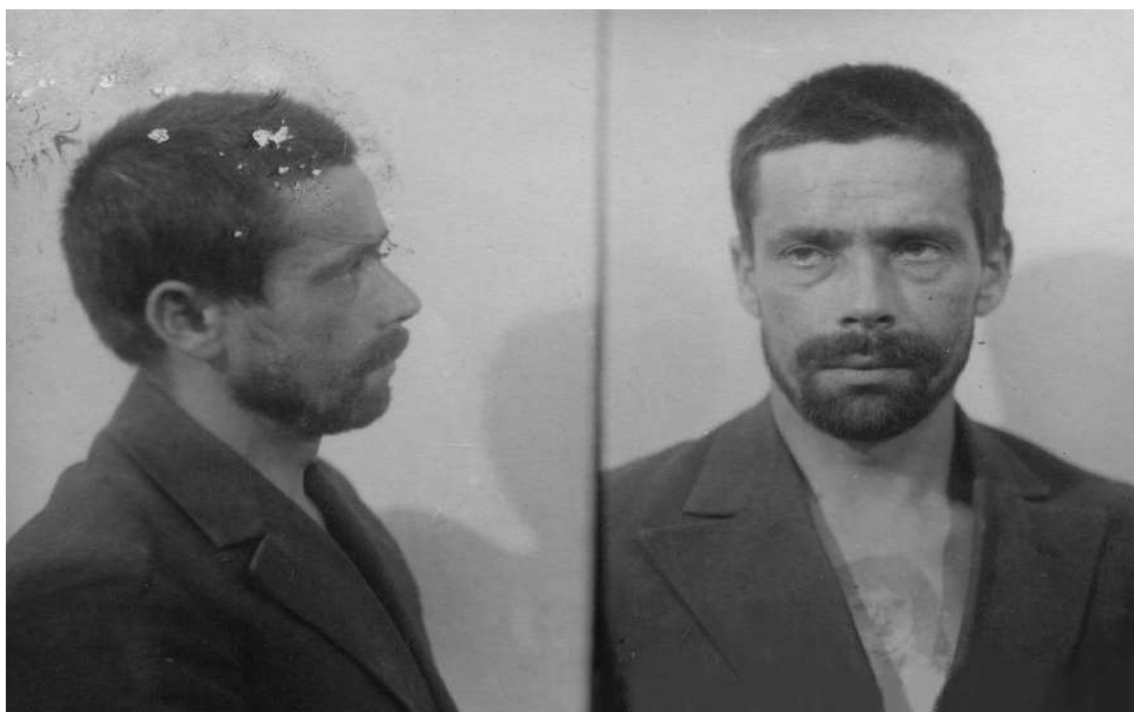
(наименование органа)

№ п/п	Фамилия, имя и отчество лиц скомпрометированных показаниями	Год и место рождения	Место работы и должность	Другие установочные данные (парт., нац., гражд., проф., адрес и т. д.)	Кто дал показания	В каком году и по какому делу	КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПОКАЗАНИЙ	Отметка о взыскании на учет
9.	Петунов Николай Феофанович	1. 38	г. Умоды в своем изд-ве	г. Умоды Кривильского р-на Вилебенг. обл.	Бартанов	13	составил личный к-р. орг. "Резервист"	
10.	Бориславский Андрей Иванович	1905	г. Умоды в своем изд-ве	г. Умоды Кривильского р-на Вилебенг. обл.	—	13	составил изд-е "Резервист"	
11.	Лоскоцкий (секрет)	1. 42	г. Умоды в своем изд-ве	г. Умоды Кривильского р-на Вилебенг. обл.	—	13	составил изд-е "Резервист"	
12.	Степанов (секрет)	1908	г. Умоды в своем изд-ве	г. Умоды Кривильского р-на Вилебенг. обл.	—	13	составил изд-е "Резервист"	
13.	Ковалев Николай Степанович	1911	г. Умоды в своем изд-ве	г. Умоды Кривильского р-на Вилебенг. обл.	—	13	составил изд-е "Резервист"	
14.	Петунов Николай Феофанович	1. 38	г. Умоды в своем изд-ве	г. Умоды Кривильского р-на Вилебенг. обл.	—	13	составил изд-е "Резервист"	
15.	Тюро	1. 60			—	18	составил изд-е "Резервист"	
16.	Муровский	1. 55			—	18	составил изд-е "Резервист"	
17.	Синюков	1. 50			—	18	составил изд-е "Резервист"	
18.	Копылов	1. 60			—	18	составил изд-е "Резервист"	
19.	Семедовский	1. 60			—	18	составил изд-е "Резервист"	
20.	Косак	1. 45			—	18	составил изд-е "Резервист"	

Подпись:

Сорокин

Это была намеренная и преступная провокация со стороны НКВД, но шла вторая половина тридцатых и нужно было создать предпосылки для новой волны кровавых репрессий. Особенно активизировалась деятельность НКВД БССР и областных «троек» с июля 1937 года, когда согласно указанию „сверху“ на местах были составлены списки на весь „контрреволюционный“ элемент. После чего на Беларуси и в других регионах страны начались массовые фальсификации дел и обложные аресты. Смысл этих акций сводился к „созданию“ так называемых, уже всероссийских контрреволюционных организаций, включающих: диверсионные, антисоветские, повстанческо-террористические, эсеровско-шпионские, националистические, саботажные, вредительские, разлагавших и общество и советскую армию.

Для хотя бы минимального оправдания массовых, космического масштаба репрессий нужна была такая же глобальная причина – именно всенародный заговор врагов всех мастей. И эту причину выдумали. Не партийные и не советские органы. У тех не доставало таланта.

Гипертрофированными, криминально-шизофреническими мозгами могучего, но простого, незатейливого чекистского организма идея всеохватывающих заговоров была целенаправленно сфальсифицирована и подобострастно положена на стол Главному. Всё в этой стране было подчинено одному – прогнуться под „паханом“ и угадать его настроения. Первыми в этих рядах стояли горящие вечным пламенем мести ученики железного Феликса с холодными, ледяными сердцами.

Приказ 00485 был утверждён Политбюро ЦК ВКП /б/ 9 августа 1937 года. /П 51/564/, 11 августа подписан Ежовым. После этого вместе с закрытым письмом „О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР“, также предварительно одобренным Сталиным и также подписанным Ежовым, был разослан во все местные органы НКВД. Отдельные формулировки этого „опуса“ даже у профессионалов вызывали большие вопросы и сомнения. Например – категории лиц, подлежащих аресту: все

перебежчики или все бывшие польские военнопленные, все граждане Польши или только те, кто жил в западных областях? А как быть с их близкими родственниками, с теми, кто получил там образование, а потом находился до воссоединения на советской территории? Не подозревавшимися в „враждебной“ деятельности, а именно всеми? В практике ОГПУ-НКВД такого рода всеобъемлющая директива была приятной инновацией, дававшей широкий простор для оперативной мысли и открывавшей широкие пути на самый верх!

Под немцами и под своими

23 июня 1941 года Акуловского нарочным вызвали в военкомат. Это происходило уже в столице Белоруссии Минске. Станислава Францевича после удачного выполнения особого задания НКВД по вскрытию контрреволюционного подполья в отдельно взятом наугад районе, наградили именными часами и впридачу красивым немецким радиоприёмником «Телефункен М-2». Помогли поступить в аспирантуру. Проучившись полгода, Стасик приступил к строительству личной жизни. Алевтина из-за провинциальности была отброшена, а на авансцене появилась шустрая студентка второго курса, дочка проректора Клава. Вот и новая столичная жизнь начала было налаживаться. А тут война! Все планы рухнули, администрация ВУЗа разбежалась при первых пушечных громах. Клава исчезла тоже, но военкомат ещё дышал.

В замусоренном кабинете, к удивлению, Акуловского, сидел помятый и постаревший Мансаров:

- Вот и свиделись, дорогой Станислав Францевич. Война! Недоработали мы с вами, вот и результат – враги поднимают головы. Они рады, что придёт новый хозяин, а все наши достижения можно будет похерить. /Так и сказал – грубо и однозначно!/ Руководство поручило мне передать вам важное правительственное задание – вы остаётесь в городе, привыкаете к обстановке и, по возможности, устраиваетесь к немцам на работу. На какую, сейчас трудно сказать. Поверят они вам или нет – это от нас уже не зависит.

Но выбирайте тоже с головой. Никаких полицейских или карательных структур. Лучше что-нибудь нейтральное, связанное с разъездами, более свободной по времени работой. Ни в коем случае не наниматься в немецкие спецслужбы, даже если вам будут это предлагать. У вас для такой работы маловато опыта. Играйте под дурачка, запаситесь справками о болезнях. Что-нибудь не очень серьёзное с лёгкими, кожное. Сходите специально к врачу, дайте денег. Немцы этого, как чёрт ладана боятся. Это убережёт от подозрений в принадлежности к нашему подполью. Запомните адрес явочной квартиры, фамилию содержательницы и словесный пароль - 1-ый Хлебный переулок 8, Савич Леокадия Адольфовна. На ваш вопрос – „у вас

продаётся старая мебель?“, последует ответ – „только одна кровать“. Это будет означать, что у неё всё в порядке – нет посторонних, нет слежки или попыток ввода немецкой агентуры. Она человек с нашей специальной подготовкой. Если ответ другой, то на этот случай у вас должна быть припасена легенда этого посещения. Продумайте сами и выберите вариант, объяснимый какими-то условиями по соседству – хотели у знакомой оставить для ремонта пишущую машинку, а там действительно есть рядом мастерская, или ещё что-то, но абсолютно реальное. От этого тоже будет зависеть ваша личная безопасность. Но о легенде должна знать и она. Я подумаю и мы вам выдадим машинку немецкого производства – работаете над диссертацией и тому подобное. Это неплохая идея. А тему поменяйте. По-новому пусть будет так – «Германизмы в белорусской литературе и языке». Это здорово подкупит оккупантов. А мы её потом после войны тоже зачтём в ваш научный багаж.

- Так пароль – это же почти анекдот? Как-то не очень серьёзно?
- Да, анекдот, но содержательница – бывшая актриса театра и даже, если кто-то неожиданно услышит, скажете, что балуетесь. Ведь вы тоже играли и неплохо? И продолжите играть, но уже для государства. Придётся и дальше актёрствовать, но уже между смертью и жизнью.
- Вы вот мельком о конце войны... Мы действительно победим?
- Не сомневайтесь. Не было ещё в нашей истории ситуации, чтобы кто-то нам надолго навязал свои условия. Сталин и Армия с таким народом вы-

дуют и разобьёт фашистов. Скажу от себя – шансов остановить сейчас Гитлера почти никаких, но сопротивление будет возрастать с каждой потерянной пядей советской земли. И это не пафос – это объективный закон для любого агрессора и для защитников Родины с другой стороны. За нами великая Россия, белорусы не одни! Ещё никому не удалось поработить наш союз, никому! Поэтому глупых мыслей и действий не допускайте. Их потом будет сложно исправить. Выдержка и спокойствие. Слушайте немчуру, кивайте, соглашайтесь в чём-то, но только не в присутствии наших. Перестараетесь и даже мы не сможем вас после отмазать. Это я на всякий случай. Скажу перед расставанием – вы показали себя надёжным защитником завоеваний Октября. К вам у руководства НКВД всей страны большое доверие, поэтому не торопитесь, анализируйте каждый шаг, каждое посещение явки, тщательно просеивайте новых да и старых знакомых – причина их прихода, интерес к вам и т.п. Пробуйте из третьих источников собрать на них хотя бы первичные данные – откуда родом, где раньше жил, чем занимался... Это пригодится. Главное – не доверяйте никому и постоянно помните, что вас могут контролировать везде! Лучше опираться на старые проверенные контакты. Никаких и ни от кого подарков в виде толстых книг, приёмников, настенного радио, больших часов, мебели, музыкальных инструментов... На подслушивающую технику немцы денег не жалеют. Все секретные разговоры только на улице, лучше на ходу. Не задерживаться возле чугунных мусорных тумб или телефонных будок. Там не разговаривать, как и в любых закрытых помещениях. Встречи заранее продумывайте и тщательно маскируйте. Все они должны выглядеть естественными и объясняться конкретными обстоятельствами – были у врача – состояние вашего здоровья, у сантехника – просьба о ремонте, но всё деловито и конкретно. Можно и прикрыться поиском лучшего жилья, места работы... Следуя на явку, ни в коем случае не оглядываться! Это смерти подобно! Планируйте маршрут заранее и так, чтобы при пересечении улицы, открытого пространства, площади, парка можно было повернуть голову якобы для личной безопасности от транспорта, лошадей, повозок... При прохождении крупных магазинов с множеством людей, базара, замкнутых дворов, сквозных подъездов, имеющих две двери в разные стороны, выходов на чердак, ещё лучше через него в соседний подъезд или дальше, вы создаёте неплохие, но временные условия для отрыва от наружного наблюдения за вами. Но эти варианты в крайнем случае. Если, не дай Бог, заметите за собой слежку, как мы учили вас – с помощью простых приёмов, отрывайтесь, но не бегом и ложитесь на дно в явочной квартире или в такой же резервной. Последняя именно для такого случая. Вас потом вывезут в лес к партизанам или в далёкий район. Город, особенно центр, изучить, как свои пять пальцев. В любом месте, в любой точке в голове должен быстро сработать заранее продуманный маршрут проверки или отрыва. Любой отрыв должен быть естественным – догоняете городской автобус, перебегаете площадь перед транспортом, а, завернув за

угол, тут же делаете рывок-ускорение в заранее продуманное место. Вроде случайно пропал из виду! Для этого с первых дней оккупации, пока немцы ещё не отладили взаимодействие всех своих спецслужб, ходите по городу, изучайте маршруты, тщательно подбирайте места отрыва. Без срочной необходимости явку не посещать. Нарушение будет рассматриваться, как попытка её раскрытия! За это...! Понимаете, что в городе вы не один!

Такой инструктаж мы даём не каждому, но вы это заслужили. Вот на первое время немецкие марки и наши. Пишущую машинку, револьвер, патроны, три портативных мины, яд и инструкцию к нему вам дадут попозже на той же квартире по сигналу, который мы с вами обговорили – птичка мелом на втором столбе справа от драмтеатра. Для чего всё это объяснят. Я тоже остаюсь, но не здесь. Свидимся, но не ранее, чем через полгода. Кстати, обмолвитесь немцам, что отец погиб от НКВД. Да, да, не удивляйтесь. Эта страничка в биографии почти каждого второго советского человека – самое надёжное прикрытие для подпольщика. Немного аморально, но мы ничего изменить не можем. В такой колоссальной работе по перевоспитанию общества были и ошибки. Такова наша жизнь! Повторяю – остерегайтесь новых навязчивых знакомых и их попыток войти в доверие. Контактируйте только после известных вам паролей, а для остальных можно играть роль небольшого подонка или человека трусливого... Особенно бойтесь тех, кто будет активно подбивать вас на подрывную деятельность против немцев. Этого нельзя делать – ни взрывать, ни травить, ни стрелять. Или будут просить вступить, создать подпольную группу. Так прямолинейно действует немецкая агентура.

- А почему? Что наша не так?

- Здесь дело в психологии победителя. Они же будут себя считать уже окончательными победителями, ну а в таком положении нечего ткать особую тонкую паутину. Вот здесь мы их и обыграем! Ихняя агентура советует, настаивает, но сама в акциях против своих хозяев участия не принимает. Запомните это! Могут правда по разрешению застрелить кого-либо из тех, кто уже сотрудничает с немцами открыто. Подонки и с той и с этой стороны. Играйте роль запуганного обстоятельствами белорусского интеллигента, который хочет лишь одного – любыми способами выжить и дожидаться лучших времён. Остерегайтесь крайностей и не играйте самостоятельно в советского шпиона. Провалитесь. А вашей наукой занимайтесь всерьёз. Кто бы к вам не пришёл, должен увидеть стол, заваленный бумагами, исписанными листами, книжками, выписками... Плюс пишущая машинка с будущей диссертацией. Вот пока всё. Надеюсь на удачу и на встречу в будущем. Найду вас через человека, который выйдет на вас с соответствующим паролем. Их список у вас есть. Спрячьте его в надёжном непросматриваемом со стороны месте. Лучше в торце шкафа или двери, но снизу.

Можно было бы подробнее рассказать о времени под оккупацией, но об этом написано очень много – и правды и присочинено, так что чего-то абсолютно нового я не добавлю. Скажу только, что лихое это время использовалось потом не только государством в целях увековечивания памяти и подвигов наших патриотов, но также ушлыми во все времена людьми, придумывавшими свои подвиги или скрывавшие кое-что похуже. В поведении же обывателей, попавших не по своей вине на четыре года под немецкий каблук, было, как-бы, три способа выживания:

- спрятаться, вжать голову в плечи и продолжать, по возможности, трудиться, зарабатывая на хлеб. Неважно где, неважно как, но, чтобы только лихо пронеслось мимо, а если и коснулось, то с краю, чуть-чуть, не так, как при советской „жатве“;

- уйти по древнему инстинкту самосохранения наших предков в леса, закопаться там в дебри и в землю. Под жёстким контролем и руководством далёкой Москвы, не желавшей расставаться с Белоруссией, создавать ополчения, отряды, огрызаться, кусать немцев со всех сторон, не давая покоя ни днём, ни ночью, вызывая всю их злобу и ненависть на жителей сёл и деревень;

- склониться перед более сильным, пойти хоть на время в услужение, пытаясь скорее угадать, чем выгадать, на чью сторону перевесит в будущем чаша.

Для Акуловского третья модель поведения была ближе, органичней. Продавши однажды душу, второй раз сделать это было легче. Станислав Францевич понимал, что для организованной и развитой военной западной машины Советы оказались слабоватыми. Исходя из этого, следовало искать место под новыми хозяевами и новым солнцем. Строго говоря, болезненной перестройки это и не потребовало – хозяева для стукачей менялись часто, а хорошо кушать последним хотелось всегда. Понимал он и то, что Москва и огромная Россия никогда не отдаст своего и примеров в её истории было достаточно. Особой тревоги не было. Стась воспринял сложившуюся ситуацию философски – что есть, то есть, а мне нужно жить, лучше неплохо жить, как я и привык. Внутри даже появилось дрожащее ощущение долгожданного уюта, домашнего тепла, покоя, даже стабильности, пусть и на небольшой срок. Ушли „те“, а с ними исчезли и ночные волнения за прожитый под диктовку ЧК день. Совесть за содеянное была давно заменена на служение Отечеству в самом широком смысле, совесть эта не так остро царапала душу, да и тени уничтоженных с его помощью врагов постепенно размывались в прошлом и в наполненном заботами о выживании настоящем. Новые времена, новые господа и мораль, соответственно, новая! Хотя, какая она новая? Та же уверенность, та же жестокость и непоколебимая правота в своём, вседозволенность, переходящая все границы... С ними или против них? То же, что и раньше. С ними – остаться в живых, против – найти смерть!

Недолго порассуждав в удобном для себя ключе, Станислав решил, что пора создавать серьёзный задел для сегодняшней жизни, а приключения, предложенные чекистом, пусть подождут.

Регистрацией на бирже труда он тут же обратил на себя внимание чуткой агентуры гестапо – высшее образование, по месту жительства положительный, не агитатор, особых должностей при Советах не занимал. Работы не имеет, живёт бедно, отец расстрелян ЧК. Власти, „подсветив“ его кое-как через новых интеллигентов-холуёв из числа приверженцев Гитлера, предложили должность управляющего Главпочтой города.

- Интересно, будто знают о моих проделках с письмами? Лучше от почты подальше. Там меня ещё втянут куда-нибудь, а потом свои пришьют.

Попросил работу поскромнее – перевозить, нарочным, дежурить по ночам. Сказал, что до войны работал учётчиком в лесхозе. Получилось – назначили разъездным старшим инспектором санитарно-эпидемиологической службы области. Мансаров оказался прав – немцы придавали большое значение санитарии и чистоте, профилактике вспышек болезней и среди людей и домашней живности. Поразмыслив чуток ещё, решил нарушить предупреждение чекиста не вступать в контакт с немецкими спецслужбами.

- Своя шкура дороже! Любые спецслужбы своих сдают в последнюю очередь, а если себя вести умно, то можно продержаться в середине без всяких подозрений и со стороны своих и немцев. Это главное! Пусть думают, что я искренне сотрудничаю, а я буду спасать этим только свою жизнь! Лучше упредить, чем попасться на ерунде. Никого я особо им не выдам, так, чуть-чуть, крохи какие-нибудь для затравки в плане доверия... и всё, потом останавлиюсь. Да и знать никто не будет. Здесь конспирация неважна чья. Она будет играть на меня с двух сторон. В ней я уже дока. Опыт неплохой, только нужно разыграть перед ними свою никчемность и страх.

Представитель гестапо, поняв, что перед ним хлюпик с гнилой, постоянно меняющейся идеологией, с заданиями особо не докучал. Псевдоним вручил сам: „Выполнение задания оформляете письменно под псевдонимом „Weiß“. Вы достаточно грамотный – там главное конкретика и факты. Важную информацию передаёте по способу срочной связи, а встречаться будем на явочном месте. Получение денег будет зависеть от качества материала и от его частотности. Даром – сыр в мышеловке, - блеснул своими знаниями русского языка уже немецкий опер. – Улыбка на мгновение запрыгнула на каменную морду европейца и исчезла.

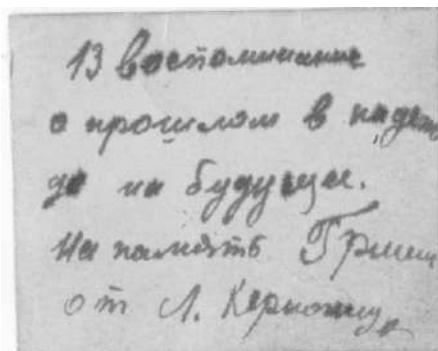
- Какая лёгкость на душе! Лучше, чем у „тех“ - просто, без идеологии и конкретно по-немецки. Не лез в душу, не мытарил страхами – принесу, тогда получу. Всё, как и прежде, почти нет разницы. Денег, правда, здесь поболее. Та же метода, те же приёмы, терминология даже одинакова, - радовался Стасик.

За полных три с половиной года „сдал“ всего-то человек десять – врача и медсестру, помогавших втихаря медикаментами населению и возможно

партизанам, трёх пацанов, расбрасывавших сводки Информбюро, свою хозяйку, настырно просившую продать ей пишущую машинку и узнавшего его сына начальника Липеньской милиции. За помощь рейху, кроме марок, приобрёл медаль, хорошее сукно и полугодовой набор разных консервов.

Подполью тоже принёс кое-какую пользу – отдал в конце им свою машинку, яды, мины, стопку бумаги, копирку, вывел в лес две еврейских семьи /за деньги!/, подготовил набор лекарств, бинтов и хирургических инструментов, пользуясь доступом к хозяйству санэпидслужбы.

В день, когда последние немецкие войска покидали город, застрелил со спины своего начальника, бывшего аптекаря из немецкого города Целлендорф. На пишущей машинке покойного напечатал список произвольно взятых славянских фамилий, учинил его подпись и латинскими буквами косо написал – „Hinrichten!“ /Повесить!/

*эти слова медсестры были адресованы любимому врачу за полгода до смерти. Молодая пара помогала своим людям – партизанам и подпольщикам. Они не дожили до свободы, погибнув от доноса своего советского подонка агента-двойника.

В беседе со связным от подполья, располагавшегося в деревне Новинки, Акуловский так разукрасил свой подвиг, что ему, с его же слов и свидетельства ослобившего связного, зачли этот эпизод, как уничтожение старшего офицера карательных войск, добавив туда и двух его подчинённых. Подчинённые выплыли откуда-то сами собой и оказались весьма кстати, а несуществующими кандидатами на тот свет никто не заинтересовался. Шла Большая Война. Она списывала и не такие чудеса. Награда – партизанская медаль второй степени и возросшее доверие коллег по бывшему подполью. Страх перед разоблачением постепенно исчезал с затухающей канонадой и отодвигающимся на Запад фронтом.

Осечка произошла неожиданно – в центре Минска его окликнул молодой мужчина лет тридцати. Подошёл, протянул руку и тихо спросил: „Это вы или не вы? Вроде я выдавал вам в оккупацию консервы из спецмагазина? По карточке рейха. Нам бы сейчас вместе держаться, а?“

Акуловский еле смог включить своё самообладание: „Не понимаю о каких вы консервах. Я всю войну на Гомельщине в партизанах был. Видишь медаль? Обознался, браток, с карточкой. Похожих на меня пруд пруди“.

Не успел тот пройти и квартала, как был схвачен армейским патрулём и сдан в МГБ. Судьбу несчастного решил тот же донос, но более справедливый, свой, советский. „Продавца“ консервов в числе других – в овраг за Красным урочищем. Правда копать пришлось дважды – наткнулись на кучу довоенных костей?!

Последняя акция благородно возмущённого подпольщика сыграла свою положительную роль. Уцелевший и не появившийся до окончания войны Мансаров сам подключился к устройству своего ценного агента /их уже перестали называть сексотами – слово-то это было так загажено, что на нём не было свободных от крови мест!/. Чекист надеялся с помощью Акуловского, выдержавшего испытания оккупацией, самому продвинуться по служебной лестнице. А Акуловский тоже хотел использовать куратора в своих целях. Так было всегда – опер тянул информатора, а информатор тянул опера. Этот бессмертный тандем выживает во всех уголках земного шара до сих пор, стоит только внимательно присмотреться!

Через пару лет, как будущему учёному, Станиславу была выделена однокомнатная квартира над магазином «Школьник». В ответ на это и за помощь в устройстве опять в аспирантуру он написал известный в те времена научный труд „Цементирующая роль НКВД в создании, руководстве и деятельности советским подпольем на временно оккупированной территории БССР“. Работа удалась, благо материалом он был завален, а главным консультантом был сам Цанава*. Когда же всеильный шеф белорусского МГБ написал толстую книжку с очень похожим названием, то однокомнатную неожиданно расширили и уже семейному к тому времени кандидату наук выделили за счёт горисполкома, но по просьбе МГБ, полную четырёхкомнатную квартиру в новом доме за «Табаками».

* земляк по Аджарии Лаврентия Берия, с 1938 по 1951 возглавлял органы безопасности БССР. Расстрелян тем же Берия на основании обвинений по делу о гибели режиссёра единственного еврейского театра СССР Михоэльса. Москва приказала Цанаве убить его, но потом обвинила в самоуправстве, убрав главного организатора убийства.

Период разнузданного, по мнению эмгэбэшных специалистов, всеобщего веселья бывших фронтовиков, должен был быть закончен. Найдены и наказаны практически уже все и плаха начала ржаветь, выдавая главную тайну чекистов всех времён – отсутствие реальных врагов, шпионов, вредителей, террористов и прочего возбуждавшего профессиональный аппетит люда! Немцы уничтожены, их сообщники гуртом в могилах, поляки вместе с „...истами“ всех мастей перебиты давно, интеллигенция в земле, остатки её слабо дрожат отдельными осиновыми листочками. Страшная мысль пронзала мозги псевдозащитников народа – материала нету, значит „контору“ могут закрыть? А как же полезная на все времена агентура, „топтуны“*, а филиалы по городам и весям, всякая подслушивающая и подсматривающая аппаратура? А звания, должности свои, дачки неплохие почти в черте города? Неужели такое „добро“ выбросить? Квартирки в центре, штаны с лампасами, зарплату? Тоже повыбрасывать? Служили-то, вернее, прислуживали верно, надёжно. Тяжёлое-то было время для первых умов страны: - в феврале 1941-го разделили на НКВД и НКГБ, в июле того же года – слепили опять вместе, в апреле 1943 опять разделили:

- в 1946-ом из НКГБ выбросили две первых буквы, заменив на менее устрашающее и пока не так печально известное МГБ, в марте 1953 объединили с МВД;

- следующей весной, в знаменитый женский месяц, начавшую пугать людей аббревиатуру смягчили до КГБ и эта субстанция неплохо прижилась.

Киноплёнки методические обновили для народа, актёров, известных до затёртости наняли, одели уже в пальто с наганами, музыку к ним посовременней, загадочных консультантов с человеческими лицами. Ньюансик один – всё больше о разведчиках с тонкими пианистическими пальцами. А где же о „тех“ с грубыми ладонями мясников и мозолями от наганов?

Этот новый госинститут почти не занимался вивисекцией*, не отрубал пашками голов, не гноил целые народы, зато их лучших представителей, наиболее честных и видящих, болеющих сердцем за истину и правду, профессионально лечил и залечивал надолго. А лекарства-то какие были?

Крепкие запоры вместо дверных ручек, одуряющие газы лживой пропаганды с медикаментами-транквилизаторами, большое, но невидимое ухо и маленький всепроникающий зрачок, мелкочейистое сито с госвибратором, просеивающем только разрешённое, обязующие видеоклипы о славном прошлом и таком же будущем, предположения и слухи о настоящем, громкие голоса дикторов и суфлёров во всех сферах и постоянный шепоток „друзей“, как голосок твой внутренний. Смотришь в себя – никого, рядом оглядываешься – только тень мелькнула. Показалось – тебе объясняют!

*топтуны /проф.жаргон/ - сотрудники наружного наблюдения, те, кто осуществляет негласную слежку за людьми вне помещений.

Глава 3.

Эту главу писать намного легче и веселей. Нет расстрелов, нет пыток, нет кошмарных цифр „труда“ оловянных солдатиков железного Феликса, сопоставимых с отчётами фашистских концлагерей. Много чего нет, что, слава Богу, хоть как-то отделяет наше время от бездны тридцатых.

Ну, а жизнь одного, до смерти загнанного человечка? Кем? Случайным хищником в тёмном лесу? Наркозависимыми отморозками? Нет – государством средь бела дня и во второй половине 20-го века?!

Ерунда какая, правда? Что его жизнь? Рядом смещались пласты и горы для последней и окончательной стадии социализма, ярким пламенем догорали сердца партийных боссов и других помельче... Всё ради чего? Ради тебя, глупый ты человек! Дать тебе хлеба, крышу и возможность вкалывать, обеспечивая их преемственную сытость и непоколебимость в собственной правде. Кто мог в обстановке провинциального изобилия думать о свободе, ошибках, слове своём, открытости?

Один начал думать... и что из этого получилось?

- Что-то сегодня особенно тяжело! – смертельно уставший от всего виденного и услышанного дух Петра Землянского еле-еле сумел приземлиться на трубу бывшей городской электростанции в парке Горького. За последние лет сорок он пережил столько, что эта невероятная тяжесть мешала уже и полёту, заставляя искать места для временного отдыха.

Шли шестидесятые. Бегающий внизу народ не смотрел ещё вверх, даже на трубу, а больше на очереди, на руки, натруженные хозяйственными сумками и авоськами, на загадочное выражение лиц завмагов и райисполкомов. Жизнь медленно, очень медленно менялась к лучшему, так всем объясняли в газетах и по радио, и это не могло не радовать! Слёз почти не наблюдалось, сжатые челюсти и кулачки заставили поменять на мягкие ладошки всеобщего обожания, аплодирующие днём и ночью вечным членам политбюро, а мятые фотографии пропавших реже и реже вынимались из шуфлядок. Нечасто, но с большим эхом трубили фанфары об аресте инакомыслящих, обмене диссидентов, крутой операции «Свадьба»* о ликвидации кучки эмиграционно настроенных евреев. Мелькнуло как-то сообщение о душевном вывихе какого-то генерала* и расстреле отдельно взятого из советских масс англо-американского шпиона*. Жизнь объявили хорошей и уже поэтому она должна была нравиться всем. Прежней интенсивной работы для Землянского уже не было. Это успокаивало и настраивало на мажорный лад.

* попытка в июне 1970-го группы евреев эмигрировать путём захвата самолёта.

* генерал Григоренко П. и полковник ГРУ Пеньковский О.

На ступеньках цирка стояли два человека - замдиректора Николая Эрастович Платони и ковёрный Пауль Быковский. Конечно, они были не в цветастых цирковых костюмах, да и беседа шла не о цирке. Дефицит спиртного во всём городе сказывался и на ассортименте циркового буфета. С этим они мириться не могли. Через неделю к ним на целый месяц прибывал знаменитый клоун, а смазать прибытие-убытие было нечем. „Белочка“ справедливо считалась всегда низким подношением, хотя ею пробовали протянуть действия во времени и дорогих коньяков. Цветные национальные напитки по неизвестной причине отсутствовали. В народе шли слухи, что один видел их на правительственных дачах, второй – в Дроздах.

- У кого какие заботы! Эти про „достать“, а студент на тротуаре монетки считает, - горестно подумал о продолжающейся социальной несправедливости Землянский, - О, он ещё о стихах думает. Ненормальный, однако! Оказывается, не студент. Бери выше – настоящий аспирант! Вот так встреча! Никогда живого аспиранта ещё не видел. Мёртвых – кулаков, учёных, писателей видел, а живого любителя белорусской мовы? Не к добру это!

Выявленный невидимым духом аспирант, не найдя денег, втиснулся всё же в троллейбус в надежде проехаться зайцем. Не вышло. Напоровшись на строгую контролёршу, был с оскорблениями изгнан на свежий воздух.

- Интересно, - заметил про себя дух, - выгнали, но не его одного? За ним ещё целых три выскочило!

Аспирант по фамилии Пашкович Николай побрёл пешком. Его обогнал один из тройки, а остальные двинулись за ним на расстоянии.

- Так это же наружное наблюдение? Натворил уже что-то? Никак эти хлопцы без больных фантазий жить не могут. Побили, поди, всех, а желудок требует! Без этого ихнего хлеба голодно. Вот и нашли очередное „блюдо“!

Полонизмы среди советизмов

В начале 60-ых меня взяли на кафедру белорусского языка и литературы столичного университета. Попал я в эту праматерь учёности, можно сказать, случайно. Моей, тогда ещё студенческой работой по однородным членам, заинтересовался сам заведующий кафедрой, доктор филологических наук, профессор Октябрьский. Он прочёл в нашем пединституте несколько блестящих лекций. Конкретное название трудно вспомнить, но тема, кажется, была связана с фундаментальными открытиями и переменами в истории двух братских языков – русского и белорусского, начиная с 17-го века. Образно и почти физически ощутимо профессор Октябрьский развалил абсолютно всё, что было создано в Беларуси на ниве изучения одного из лучших языков Европы и тут же, на глазах, вернее, ушах будущих филологов из лучших кусков и обломков этих руин выстроил собственную концепцию и протянул её хребет из 937 года до Рождества Христова прямо к сердцу

Родины – Москве. Интересно, что эту лекцию он читал на хорошем белорусском. Была у него и другая тема. Неплохая по детективной интриге, но для филологов и литературоведов странноватая – «О роли органов госбезопасности в организации подполья и партизанского движения в Великой Отечественной войне на территории БССР». В кулуарах тихо говаривали, что это и есть главная тема его докторской. А белорусская филология, как хобби, как коллекционирование почтовых марок.

Нам, юным в ту пору, особенно разнообразной пищи для оформляющего интеллекта было и не надо. Подполье нас интересовало не очень, а вот содержимое буфета в цокольном этаже голодному студенту было ближе. Стать профессорской фигуры, поставленных лекторский голос, номенклатурный пыжиковый пирожок на вешалке и тон, тон, не допускавший никаких возражений, кроме своих, и мы довольствовались этим, склонив головы над общими тетрадами, глаза уставив в кривые буковки, а уши вперёд, к научному амвону.

Потом были и вопросы и ответы. Вернее, вопросов было много и разных, а многообразие ответов сводилось к одному – «учиться и учиться». Я тоже спросил о будущем белорусского языка, литературы, чем обратил внимание именитого лектора. Он похвалил меня за любовь к родной земле и лесам и посоветовал самому подумать над ответом. Эти две или три лекции на третьем курсе явились поворотным пунктом. Меня со школьных лет интересовало, почему мы так много отдаём внимания Пушкину, Лермонтову, Некрасову, Толстому и почти ничего не говорим о людях, живших и творивших на нашей белорусской земле? Не говоря уже о современниках? Как-то стыдливо-извинительно, словно кланяясь перед союзными авторитетами за попытку провинциалов тоже покопаться на общем славянском поле. Не потому ли, что они из златоглавых столиц, а наши из деревянных Смилович? Или всё поле тоже принадлежало только им? Белая Русь всегда для Москвы была окраиной и люди её второсортными. Встречался я в молодости и позже с москвичами, с питерцами. Ничего особенного, разве только назидательно-категорический тон, желание постоянно поучать и очень сомнительного свойства эгоцентризм. Интересы ни к нашей стране, ни к языку, ни к литературе никакого. Другой интерес, правда, был. Среди первых из российских вопросов: „Что привёз? «Беловежской», «Бутылочки“?*

Обидно было за белорусов и я, будучи студентом, пытался в меру своих слабых сил посмотреть под разными углами на язык признанных гениев и на доморощенное в глазах центра творчество моих талантливых земляков. Не всегда получалось в пользу первых. У них речь выпретенная, тонкая, как специально обработанная бархаткой для салонных чтений и дамских ушек.

* «Беловежская», «Бутылочки» - знаменитые до сих пор настоящая на травах водка и кондитерское изделие фабрики «Коммунарка» с разной спиртовой начинкой. Презентативная ценность при решении многих вопросов и просто при посещении Москвы.

Благородство, полутона этих изысканных писем не имели часто для меня ни вкуса полыни, ни запаха цветущих елей, ни матово-сизых красок белорусских болот. Иногда казалось, что эти слова, прекрасные, неповторимые поэтические аккорды жили сами по себе, как высший пример нам всем, вызванные на поверхность из глубин бескрайней России придворным литературным гением без тесной связи с бытием, с верой, надеждой, без ощущения настоящей жизни с её ветерком и простой правдой. Как живёт теперь отдельно почти от всех и всего музыка Баха, Генделя, Мендельсона.

Мне чудилось – человеческая речь, как и мир, была специально разделена на две половины: утончённо-надменная, управляющая – для одних, а страдающая, наполненная красками всей палитры, нищая, но не духом – для других! Я уже было подумывал о языке бедных и отдельно – богатых. На третьем курсе начал писать сначала курсовую, а потом, замахнулся ею и на дипломную. Темы – «Русизмы»* в белорусской литературе» и моей усидчивости хватило, чтобы выиграть внутривузовский конкурс и выставить эту работу на республиканский. В лёгких студенческих снах после двух бутылочек «Волжского»* с килькой и моим другом Володей Бочарниковым мне уже виделось вешее. Высокий, стройный, непременно с такой же бородкой и тростью, с блестящим пыжиком на вешалке, читаю с очень дубовой трибуны, жестикулируя двумя руками, свою докторскую перед ВАКом* в самом большом из больших университетов, в его огромном овальном зале. На стенах портреты Менделеева, Горького, почему-то Троцкого, Хмельницкого и Кропоткина. Мой учитель пения И.А. Неборский тоже висит. Члены Политбюро, дальше одна из будущих тещ, потом овальное изображение моей собаки Камелии в позе «Неизвестной»*. Между собакой и тещей – человек в форме старшины с кривыми усами и в огромной, налезавшей на глаза фуражке. В самом тёмном углу ещё какой-то. Присмотрелся – грузиноподобное лицо, круглые очки, нос крючком и акцент тоже... Все там важные, а Камочка весёлая такая и красивая... Закончил под гром аплодисментов. Все встают... Кто-то кричит: „Букет ему! Букет! Васильков голубых!“, а Камелия моргает мне: „Держись, дальше хуже будет! Цветами этими обложат со всех сторон!“

* русизмы – слова в другом языке, имеющие русское происхождение.

* «Волжское» - знаменитое в первой половине 60-ых годов жуткое плодово-ягодное вино Червенского винзавода. Цена – 1 руб.17 коп. Употреблялось с ливеркой и без в больших количествах молодёжью и отдельными знатоками из творческих цехов в парках, предбанниках, даже во время малолюдных киносеансов... При воспоминании вызывает лёгкую дрожь и нервно-дерматологические нарушения...

* ВАК – Всесоюзная аттестационная комиссия в Москве для утверждения и присуждения учёных степеней.

*картина И. Крамского

В понедельник вызывают к декану и тот с тяжёлого бодуна, как и положено бывшему отставнику спецслужб, сипло объяснил, что работу вернули с отрицательным отзывом. Мол, антисоветской почти направленности, так как построена на примерах не „отсюда, а оттуда“! Выговорив это, декан рухнул на стул и срочно попросил шесть рублей, но с возвратом. Просьба его была многолетне обычной, к ней все студенты привыкли и каждый, у кого что-то не ладилось с учёбой, держал при себе заначку, а другие – язвительный ответ: „Стипендии-то по вашей вине не получаю? Откуда у меня?“ Он был хорошим человеком и никогда не обижался, было, что и помогал. Часто по этой же причине, а не для контроля, запросто заходил в общежитие и даже пару раз оставался на ночёвку, будучи не в состоянии сползти со второго этажа на первый. Я же дал, сражённый услышанным и на полусогнутых поплёлся к Пешкович-Менжинскому. Это он, нижний отросток одичавшего ещё при Великом княжестве литовском дерева литвинских аристократов, будучи моим куратором, подбил меня на эти «русизмы». Ответил он мне загадочно: „Мои советы и помощь тебе уже не понадобятся, а развитие событий от нас не зависит!“ Резко оглянулся – из туалетного тупичка важно выплывал в коридор сам профессор Октябрьский. На голове пыжик, в левой руке папка, правой приятно поправлял что-то внизу.

Увидев нас чуть смутился и, разряжая неловкую для его статуса ситуацию, командирским голосом пробасил:

- Проблемы, васильки? У молодого человека, у вас?

- Добрый день, профессор, - замямлил белорусский псевдоаристократ, - мы тут... Ловко вы отчества наши! Я Иванович, а он именно Васильевич, значит – василёк настоящий? Вот это уровень! Вы, наверно и мысли читаете?

- Ха, ха, хаа! – рассмеялся профессор, - может быть. Наука – штука всеохватывающая. Возьмём Вася, Василь. Несомненно от цветка, от гордости белорусской! Представляете – поле, а в него /там и сказал – „в него“!/ васильки внедрены. Для красоты или ещё для чего-нибудь! Экстраполяция настоящая! С одного поля на другое... А что у вас?

Мой куратор, оправившись от неожиданной встречи с авторитетом, рассказал о ситуации с моей конкурсной работой.

Октябрьский по-дружески обнадёжил:

- Это вы тот, кто в пединституте первое место выиграл? Не печальтесь. Молодёжь всегда делает ошибки и не потому, что она неправа – просто не ведает по каким правилам нужно играть в своё время. Наша философия такова – времена меняются, правила, законы с ними и наше поведение тоже... Лучше бы ошибки в синтаксисе или орфографии. Вы говорите, что декан там антисоветчину нашёл? Интересно! Неужели у него филологическая квалификация выше за мою? Я не нашёл, а он нашёл. Ничего, дело поправимое. Читал я вашу работу. Толковая, зерно в ней есть. Берите её и в понедельник ко мне в университет. Там каждый подскажет, где меня искать.

Светило ушёл, а вместо него в воздухе на том месте, где он стоял, повис ореол. Как дымка, как мираж. Повисел и тоже пропал. Слов о превосходстве декана в квадификации никто не понял.

- Чего ты смеёшься? – спросил потомок великого, никому неизвестного и поэтому ненужного рода.

- Я? Я свет увидел, для меня свет!

Пешкович-Менжинский посмотрел в мои глаза, покачал с сожалением головой и исчез на долгие годы за дверью открывшегося буфета.

Аудиенция у профессора оказалась судьбоносной. Вот, что значит опыт его лавировки в мутном потоке соцнаук!

- Советизмы, молодой человек! Советизмы спасут вас и ваши замыслы начинающего учёного. Советизмы – не русизмы, разницу политическую понимаете, надеюсь? Вот вам целое направление в современной филологии. Всё для вас, для молодого поколения. Не пожалел даже своей „заготовки“. Берите, крутите и обрабатывайте. Тут огромное поле деятельности. Выращивайте, так сказать, на нём ваш интеллектуальный хлеб. Жёлтое море хлеба, а в нём голубенькими пятнышками белорусские васильки. Как прекрасно! Это я для образности. Идите и работайте. Готовьтесь к экзаменам, сдавайте, а после пединститута ко мне в аспирантуру. Не хочу терять вас из виду.

Его докторские глазки уставились в моё лицо. Стало неловко и, расшаркавшись, я ушёл с головой в учёбу. Сдав успешно экзамены в аспирантуру, приступил к сбору материалов. На моё удивление чистых «советизмов» оказалось маловато. К ним я попричислял «пролетариат», «октябрину» с «виленом», «коммунизм» тоже притянул, из политического словаря кое-что понавыкапывал. Но на диссертацию не натягивалось! Получалось, что почти вся эта лингвистическая советская гордость была заброшена к нам, подумайте только, с того же Запада?! Явная причина для временного расстройства. Но достаточно было одного прикосновения профессора к моим мозгам и трудностям в них, как пошло, как поехало! Ровными направлениями на бумаге легли: государственная терминология, литературный язык партийных газет, бытовой говор передовиков производства и бескрайних городских окраин, новая топонимика*, отражающая пути и вехи побед, многочисленными узкоколейными ответвлениями от основных путей поползли – эвфемизмы*, новейшие обрядовые лингвосистемы, пролетарский жаргон, труднопереводимый словарный запас тружеников села и лесозаготовок, отдельно широкой авеню легла руководящая лексика, разбитая условно на четыре уровня:

- первый, высший – без анализа и с предложениями для прочного усвоения вниз;

*наука, исследующая происхождение географических названий

* слова, заменяющие более сильные, нелитературные, иногда нецензурные выражения

- второй, областной – с анализом и тоже предложениями вниз;
- третий, районный – с анализом и убийственной самокритикой в том, что ничего не получается;
- четвёртым, военный, как стержень, скрепляющий все вооружённые силы.

Видимо из-за особого уважения к последнему разделу был и зачислен младшим преподавателем на белорусскую кафедру. Никто ничего не говорил, да и не мог! Тема была настолько лобовой, что желающих стучать хилым кулачком национального интеллекта не объявилось. Чуть позже читал студентам лекцию по своей же теме «Советизмы в белорусском языке и их благотворное влияние на укрепление и развитие межнациональных культурно-научных отношений двух братских народов в системе большой семьи СССР». От названия пахло чем-то сицилийским, но „пицца“ эта шла хорошо и послужила основой для дальнейшей научной деятельности. Тот же профессор Октябрьский, став проректором по науке, посоветовал углубить и расширить тему за счёт вливания персонифицированных языковых новшеств, сначала приобретённых русским, а затем подобострастно заимствованных и белорусской лексикой. Мы знаем эти отдельные почти крылатые выражения, как и их высокопоставленных авторов, от которых классики повыпрыгивали бы не только из гробов, но и со страниц мировой литературы. По мнению профессора, моей темы определённо хватит для кандидатской, а, если туда добавить отражение этих неологизмов* в советской литературе и прессе и их непосредственном влиянии на экономику и лексический словарь всего белорусского общества, то потянет и на докторскую.

Разговаривая сам с собой, я всё же понимал, что выполняю не столько научную работу, сколько социальный заказ, как портной в 30-ых годах. Шью-то, что положено, а не то, что хочется надеть. Но желание доказать самому, а скорее другим, что и я могу стоять на Парнасе, перевешивало и мораль и все сомнения.

* слово или словосочетание, недавно появившееся в языке (новообразованное, отсутствовавшее ранее)

Зеркала и раки

Через лет шесть встретил случайно возле «Зеркал и раков»* моего Пешкович-Мержинского. /То ли он действительно был отпрыском от них, то ли сам выдумал прибавку к фамилии?/ Возбуждённый, глаза горят, под мышкой две замордованных книжки. Оглядывается. Тот же костюм, но уже мятый, без галстука и свежей рубашки.

- Ааа, студент? Ты не в магазин или кафе?

- Можно и туда. Я уже давно не студент. У кандидата есть на что...

- Молодец! Извини. Я в то время отмечал твои способности, поэтому и подталкивал на научную дорогу. Если бы не я...

- Заходите, вот слева свободно. Я всё закажу. Сколько возьмём? Встреча неожиданная, но приятная. Нужно отметить или как?

- Так, так, а сколько же стоит? Ммм..., а по сколько здесь дают? А ты сам? На двоих будешь? У меня сейчас... Может и на меня сколько?

- Вы не волнуйтесь. И время у нас есть и денег сейчас хватает. Посидим, перекусим, вспомним дни минувшие.

Я очень давно не видел своего бывшего куратора по науке. Он здорово изменился. Внешне, вроде, тот, но только зачуханный какой-то, невымытый, что-ли, неухоженный. Раньше щёголем, а сейчас и брюки грязные, неглаженные. На коленях пятна, словно руки вытирал. Бритьём тоже не блещет. Согнутый, как напуганный весь. Торопится, крестьянствует, т.е. бедным, несчастным прикидывается. Может, случилось что?

- Салатика зелёного бы мне? Ну, там ещё что к нему...

- Пожалуйста, - я уже к официанту, - нам по полной программе. Два салата из овощей и оливье тоже, по заливному языку с хреном, тартинок с красной икрой... Как же, как же, я вам многим обязан... А тот и не слушает, весь в позе наблюдения за накрытием стола:

- Ух ты, слюна выделяется. Хорошо, что остались люди..., - и внезапно, заведя вблизи администратора заведения, заговорил шёпотом, - ну и времени – одни наверху во свободе, другие далеко от них и в болоте. Никак от туда не вырваться!

- А мясное так приготовьте – положите по кружку поджаренной крестьянской колбаски с чесноком и обязательно картошечку-фри, но потолще с лучком и укропчиком. Лучок притомите до тёмно-бежевого. Соуса на грибочках также, горчишки домашней и на первое по двести горелки в перцем.

Кутить, так кутить! Режь, бабка, последний огурец! – скаламбурил я шутишь? В этом и ваша заслуга. Именно вы нацелили меня на путь к языку. Если бы...

* „Зеркала и раки“ - знаменитое в 60-ых годах питейное заведение в Минске, напротив гостиницы «Беларусь». Туда приходили талантливые люди, среди них видели и автора.

- Да какая тут заслуга? Думать надо было мне. Кому повезло, тот и остался, а я слишком рот открывал. Ну, ты даёшь! Весь стол, места уже нету. Тогда первый автобус отменяю, поеду на втором. Хоть столичным воздухом подышу, хоть и гавённый он.

- А вы не в Минске?

- Так ты, вижу, ничего не знаешь?

- Что-то слышал. На другой работе или как? За встречу с любимым педагогом! Вы меня извините за молчание. Очень был наукой занят, сейчас можно и расслабиться.

- Ладно, за встречу. Подожди, чуть отойду. Одичал, давно такого стола не видел. Последний раз, когда замачивали защиту в ресторане «Минск». Когда расскажу, поймёшь всё. Жмёт что-то внутри давно. Знаешь, если какой незнакомый будет близко к нам подходить, толкнёшь меня ногой.

И он поведал мне грустную и дикую историю:

- Я уже в университете работал. Приехали к нам два преподавателя из Кракова – Ежи и Вацек. Как владевшего свободно польским языком, всё ж аристократические корни, прикрепили в качестве сопровождающего. Сам ректор доверил мне разместить гостей в «Юбилейной» и встречать каждое утро внизу, в холле. Потом на завтрак в преподавательский буфет и всё, до окончания лекций. А вечером снова проводить до гостиничного номера и домой. Мне ректор даже пропуск какой-то выдал. Беспрепятственно в любую гостиницу! Откуда у него такой?

Теперь-то я знаю откуда. Они на свои лекции, а я должен был докладывать ректору об их поведении – что мне рассказали, где и у кого в городе были, с кем по дороге встречались, что привезли из-за границы... и т.д. Жуть! Как настоящий допрос одновременно с доносом! Меня это здорово оскорбило. Я ему и ляпни: „Товарищ ректор, мы же с вами не в КГБ работаем? Да и поляки это? Братья по соцсистеме. За что их во враги сразу? Получается, что у КГБ больше работы нету, как на братьев наших компру собирать? Что с поляка взять, как с того латыша?“ А зря я так...

Взвился он. А я ему, не думаячи: „Так для вас это же не оскорбление? – и пошутил, - у нас говорят, почти все на них работают. Почётно, считай, с 17-го!“ Как разошёлся он: „Всё, вы свободны! Больше к ним ни ногой! Моралист! А кто на передовом рубеже лежать будет? Я один, по-вашему? Или только органы?“ Ну и я со злости: „Не нужно вашим органам на рубеже лежать. Холодно, да и отдавить можно...“. И выскочил. После инцидента вызывает меня, кто б ты думал? Проректор Октябрьский, твой нынешний руководитель:

- Что вы себе позволяете? КГБ оставьте в покое. Претендуете на исключительность? Ректор – доктор наук, как и я, а вы нас с ним на какой рубеж посылаете?

Долго мораль читал, а потом моей биографией заинтересовался. Спрашивает с каких я мест? Называю – Липеньский район, село Домовицк. А дело

в том ещё, что до войны моего деда, через год и отца расстреляли эти звери из НКВД. Мать смогла потом вместо «а» в фамилии вписать «е». Свояк Ломако работал в милиции и помог. Вот и получилось Пешкович вместо Пашковича. С этой новой фамилией и пошёл дальше учиться. Никому и никогда это не мешало. Рассказал ему чистосердечно, надеясь смягчить таким образом начальственный гнев. Ещё со своей болтливости с дуру добавил, что „продал“ деда и отца стукач по фамилии Акуловский. Ты бы видел, как он с лица сменился? Стал белым, как мел, потом красным. Закричал, что я подделал документы и должен нести уголовную ответственность. А я ему: „А чего вы так испугались, как Домовицк слышали? С Акуловским знакомы или там тоже жили?“ Он посинел, но смог прошептать: „Я твою кулацкую семью давно знаю. Теперь разберёмся и с тобой!“ И разобрался – выгнал отовсюду. От поляков отстранили, а я по привычке ходил к ним. Первый, второй день улыбаются, хорошо так со мной. Однажды говорят, что к ним вместо меня „настоящий“ провожатый приставлен. Я не понял и, несмотря на запрет, продолжал ходить. Всё-таки при деньгах и люди интересные, оттуда. О Европе, культуре говорили, языках и истории нашей. Однажды Ежи спрашивает меня, знаю ли я о творчестве Ларисы Гениуш? Я чуть соврал, что читал её прозу, но детали не помню. А он мне и предлагает: „Соберите для нас материал о ней. Интервью возьмите. Мы напечатаем, а гонорар в злотых вам“. Поправил меня только, что не прозаик она, а поэтэсса. Была репрессирована, сидела по лагерям, а теперь в Зельве* без выезда и настоящей работы. Даже денег мне дали, чтобы ей передал. Говорили, что полностью доверяют. Не то, что другим стукачам! Меня от гордости распирало... и распёрло!

Её имя даже сейчас произносится некоторыми экс-функционерами от литературы со знаком минус. Странно, но она до сих пор не реабилитирована. До сих пор её творчество является „неудобным“ для тех, кто с завистью „стучал“ на неё, уничтожал и унижал. В своё время произвела огромное впечатление своим творчеством и свободолобием на основателя ВИА „Песняры“ В.Г. Мулявина. По секрету скажу только тебе – я возил Мулю /кличка Мулявина/ к ней тайно, почти ночью. С ним мы стали друзьями, правда только до того, как меня...

- Интересно как?

- Не очень. Дальше будет интересней. Может ещё под язычок заливной?

- Давайте и под язычок.

- Не очень. Дальше будет интересней. Может ещё под язычок заливной?

- Давайте и под язычок.

* Зельва – небольшой городок в Гродненской области. Там после возвращения из сталинских застенков жила и скончалась Лариса Гениуш. Там был и остался её непокорённый белорусский дух – пример для живущих. Возле церкви памятник. На протяжении „дарованных“ её властью лет она являла собой светлый источник тем, кто хотел припасть душой и сердцем „да сапраўднай беларускай крыніцы“.*

- Книжечку ей маленькую помогли писатели напечатать. Большой талант. “Венок сонетов” называется. Прекрасная лирика. Всколыхнула меня глубиной любви к своему многострадальному краю. Кое-что до этих дней помню, хотя все её стихи у меня отобрали. Вот, слушай –

*“Засыпаюць у жорны
жыта-Беларусь,
перамелюць з горам,
з бодем ператруць.*

*Млынары чужыя,
варожасць наўкруг,
адсяваюць сіты
беларускі дух.*

*Меле млын высокі
Ўдзень і ўначы,
Некаму прыйдзеца
Горкі хлеб пячы“.*

За каждой строчкой боль пережитого. За неё уважаемые деятели белорусской культуры просили даже. Чтобы позволили её выехать в какой-нибудь большой город – к библиотекам, писателям, театрам, к лучшей работе, жилью, медицине. Но генерал из КГБ упёрся. В золотых очках с взглядом кобры. Колдыбал, как ворота перекошенные. Он люто ненавидел всё белорусское, даже самых невинных «Песняров». Знаешь его, толстый такой?

- Нет, не знаю и знать не хочу! Зачем это мне?

- Настоящих врагов страны своей ты должен знать в лицо! Всех, несмотря ни на должности, ни на звания! Ничего, со мной ещё пару раз погутаришь, тогда и попробуешь такого счастья, начнёшь с ними знакомиться. Я и увлёкся этой просьбой. Съездил к ней. Страдающий, закрытый человек. А пишет как? Лучшая лирика в стране. Не все это признают – своё дороже! Две книжки от неё получил, одну с надписью, несколько новых стихов. Отдал всё это полякам. Мечтал – разбогатею сейчас. А там и не успели напечатать. На границе у них конфисковали, так как этот „сопровождающий“ и настучал оперу. А меня – и в хвост и в гриву. Сначала на кафедре, потом на ректорате. Октябрьскому показалось недостаточно. Защитить никто не осмелился. Подонки и трусы. Тоже, что и в 37-ом! Потом уже в КГБ. Измором там брали, провокацией и хамством. Какой-то плюгавый седенький и второй – чернявый и худой. Оба жуткие курильщики. Дышать было невозможно. Я попросил проветрить, так младший рассмеялся поганно: „Твоя националистическая писанина смердит больше. Привыкай, в камере будет хуже“. Судом угрожали, решётками тюремными. Ни слова по-белорусски, а сами под наших, под белорусов рядились.

- Неужели всё это по причине одной ненапечатанной статьи о Гениуш?

- Не было никакой статьи. Её биографические данные, мои простякие вопросы, ответы и книжка стихов на двадцати листах. А на меня выволокли кипу надуманных, полностью искривлённых обвинений – и скрытный антисоветчик я, и махровый националист, и основатель целого подпольного националистического движения в науке, чем осознанно помогаю всем сразу западным спецслужбам и идеологическим центрам. А правда в том, что я настоящий белорус в отличие от них! Они никогда ими не были, даже глядя на их фамилии. Эти типы не могли понять простой истины – служить в КГБ не означает ненавидеть свою землю и живущих на ней людей!

Выгнали из аспирантуры и института без права преподавать не только в высших учебных заведениях, но и в средних. Сослали сначала в Лунинец. Знаешь, где это? Возьми ещё, а? Душа горит, когда вспоминаю. Уже и водка не помогает.

- Где Лунинец я представляю, но как это всё? Откуда они выкопали такой сивый бред? Это же не тридцатые годы? Однако пронюхали и про Зельву и про материалы, про ваши взгляды? Откуда они...?

- О поездке к Гениуш знала только моя землячка, старший преподаватель кафедры иностранных языков. Это она подсказала мне точный адрес. Она

из целой кафедры одна была раз десять в загранкомандировках, поэтому и „заложила“. Таких „доброжелателей“ пруд пруди! Каждый четвёртый! Теперь по порядку. Жил я в тот светлый пока час в общежитии для аспирантов по Академической, напротив бассейна. Место прекрасное – Ботанический рядом с молодыми мамашами, парк Челюскинцев со всякими соблазнами – мороженым, пивом, каруселями танцплощадкой. На втором этаже комнатка маленькая рядом с кухней. Обставил, ремонт небольшой. Побелил, занавески с родины навесил – васильки по белому. Мать вышила. Знала бы она! Пару полочек на стенку сделал сам. Мебель кое-какую выдали. Посуду купил. Рядом душ, туалет. Чудесно! Давай по маленькой за уют в нашей жизни. У меня его уже никогда не будет. Всё сломали, сволочи! Ооох, хорошо пошла!

- Так вы о ремонте. Закончили его и...?

- Закончил. Днём по библиотекам, в городе, в институте дали мне пару часов вести, а после обеда домой, в тепло, к книжкам. Сажу под настольной лампой, вычитываю, выписываю со своими героями разговаривая почти на равных. Любимая была работа с любимой белорусской литературой!

- И что, бобылём всё время?

- Да нет. Я, как тот Маркс – ничто человеческое мне не чуждо! Может ещё закажешь? Я подожду. На третий или последний автобус успею. В свою дыру как-нибудь доберусь. Оттуда выбраться в свет невозможно, а попасть...

Собеседники, несмотря на разницу в возрасте, уже хлопали друг друга по плечам, периодически вставали, почти прощаясь, но опять, захваченные пыльным вихрем воспоминаний, взмывали вверх, кружились, как сорванные листья в полуметре от стола с объедками и притомлённые оседали опять на стулья. После очередной рюмочки перешли свободно на «ты».

- Приводил я тоже. Хлёсткий был до этой работы. Любили меня женщины. Огонь внутренний чувствовали. Книжки на бок, фурфулёк на стол и... вперёд на Дарданеллы... Выпивал, к сожалению, чаще других. Может в этом тоже...

- Что-то мы в сторону. Расскажи, как это тебя в КГБ драили? Первый раз в истории можно поговорить с вернувшимся оттуда. Раньше там, как в чёрной дыре пропадали. Зашёл, занесли... и концов никаких по сей день! Никогда там не был. А говорили, что после 37-го только шпионами занимаются? Так ты шпион, что-ли, польский опять?

- Сейчас расскажу, какой я шпион. Жил один месяца три. Точно до того, как с поляками начал встретился. Приходит однажды комендант и говорит, что временно в мою тесную комнатуху поделят какого-то музыканта или художника. Я так толком и не понял, кто он по второй профессии? Рядом комнаты намного больше по площади, а его непременно ко мне. До меня ничего и не дошло. До поры все мы наивные и думаем, что, если с кем-то что-то случается, то только не с нами. Познакомились, поболтали, а он,

оказывается тоже за нашу мову стоял, но не разговаривал на ней и всё время при деньгах. Небольших, но водились у него.

- А когда же он рисовал или играл на чём? А рояль его где же был? Или хотя бы скрипка?

- В этом-то и дело. Слабовато готовили. Ни рояля, ни плохонькой скрипки даже не дали. Слишком дорогие инструменты для стукача, вдруг испортит. Не видел я ни рисовательного процесса, даже обычной гармошки не видел. Он был, как оказалось, активным участником другой, тайной работы. Оболванил меня. Ловко, незаметно сыграл на моих же интересах. Сначала хвалил и день и ночь диссертацию, советовал, что и где усилить. Прочитал её всю от корки до корки, может и копию сделал. Точно не знаю. В выписках моих рылся, отмечал, что удачно пользуюсь не избитыми и незашоренными источниками, а теми, кто в списках непризнанных стоят. Философов старого времени подсказывал и взять их где. О загубленных в 30-ых сочувствовал очень. Головой кивал, слезу тоже запуская, просил налить... Для правды скажу, пару раз сам водки приносил, но без закуси, однако опосля мою предпочитал глотать. Пьёт и не пьянеет. У них там таблетки какие-то для стукачей дают. „Стукадон“ называется. Они совесть человеческую заглушают, а уши становятся шире и чувствительней. Вот я и болтал – о замусоренном языке, о репрессированных поэтах – Ластовском, Граховском, Гартном, Чароте... Как Белоруссию возродить без москалей. Пусть живут у нас, мы не враги, но империю у себя поднимают. В своём медвежьем углу. Веками они нас за свои проходные сени считали, а язык за диалект тьмутараканский. Хотя «Песняров» им на праздники и юбилеи подавай, да и «Беловежскую» в штофиках почаще на столы. Поддакивал он, кивал головкой, говорил, что далеко пойду. Знал бы смысл этот? Приболел я однажды и ушёл с лекции. Еду с температурой и таблетками от врача. Открываю дверь, а пейзажист стоит посредине моего жилища толстым задом ко мне. Морда красная, будто стол или кровать зубами тащил. Я смолчал. Кто знает, какие наклонности ненормальные у творческих людей бывают? Может он себя другим полом в такой позе представлял, а тут я одетый и с ключами только?

- Он так и стоял на четырёх?

- Проямлил, что пыль вытирал, хотя никакой тряпки в руках не было. Однако сориентировался, гад, быстро – схватил со стула моё задрыванное трико и им по полу водить стал. Мой несвоевременный приход, наверно, его чекистскими господами предусмотрен не был.

- Ну и?

- Воспылал я недобрым пламенем, выпрямился, как зубр белорусский. Смотрю – сквозь угол моего чемодана, что был глубоко под кроватью, бумаги мои светятся. Тут кровь этих самых литвинцев или литовцев в голову и я его ногой в то самое место со всего размаху! Оно из тонкого трико наверх торчало. Изо всех моих сил, что насобирал на косьбе, на пашне... Так дал, что на поросячий визг комендант через две секунды прискакал, участ-

ковый выпрыгнул откуда-то и ещё два каких-то типа в сером. Одного я в академии у входа в тёмном углу раньше видел. Во какая зрительная память у меня, ого!

- А откуда они взялись? Тоже жили в общежитии?

- Не знаю, Вряд ли. Скорее охраняли этого, пока он по чемоданам моим... Всё было ими подготовлено, но не учли, что могу вернуться раньше времени. И как я к „художнику“ ногой приложился, так те на меня. Скрутили, связали и бока по ходу немножко для успокоения помяли. Я и успокоился. Одному человеку у нас невозможно хоть как-то противостоять госмашине. Та всегда будет права, даже когда и неправа! Не дошло до меня, что это только начало, а причина всего во мне, в моей голове. Потом в милицкий участок. Свидетели уже другие, не те с служебно-каменными физиономиями, а мужик и баба, будто из дома напротив. Вроде через окно увидели моё нападение на честного человека и выдержать больше не смогли, тут же прискакали для свидетельства. Грубо всё было состряпано – мол, нападение почти на отдельного гражданина, ожесточённое сопротивление органам милиции. Мне для заправки дали 15 суток. Сидел с пьяницами и наркоманами. Два раза меня там побили. Явно по команде, так как я никакого повода для драки не давал. Сидел приниженный, опустошенный и не мог ничего сообразить – за что так жестоко, почему всё сфальсифицировали? Потом с камеры МВД прямо в КГБ на четвёртый этаж, в угловой кабинет. Всё, там, наверно, как и в 37-ом осталось – немытые окна, стены с серой краской, мебель тяжёлая ещё с того времени. Для меня напротив стола стул поставили. Следователь или, кто его там разберёт, в кресло кожаное уселся. А напротив Дзержинский висел и, показалось, уже ухмылялся, всё время меня своими зелками буравил, гипноз наводил. А портретик-то довоенного времени? Зрение у меня ничего – на торце бумажка, а на ней мелко написано – портрет Дзержинского, 1936 г. Худ. Зеликман, инвент. Номер 666. Преемственность обеспечена! А я с дуру взял и сказал: „Портретик бы вам посвежей, а то отдаёт дурно!“ Ну и началось! Тут мой чемодан и „раскрылся“ - записки и заметки о белорусском языке, его настоящей истории, выписки из запрещённых писателей и поэтов. Потом о разговорах моих, что вдвоём с тем типом вёл, а кое-что и с других мест. Даже то, о чём один в комнате рассуждал вслух, а память у меня прекрасная, тоже цитировали почти дословно... Два образка отыскиали – аполитичность и уход в мистику, поясок старинный – демонстрация националистических фетишей, мысли мои о месте и судьбе родного языка – замах на интернационализм, а мои слабые рассуждения об истинной роли партии, о судьбах людей – подрыв авторитета и лица страны. Нашли на полях конспектов два слова моих – „лысый мудака“. Тут же пришили „оскорбление главы государства“, хотя Хрущ был давно снят, а я имел в виде лысого и тупого преподавателя кафедры марксизма. Потом что-то уже сквозь туман в голове о попытке соз-

дать националистическую тайную организацию и не просто так, а с целью влияния на всю интеллигенцию...

- Ничего себе, а что они дальше с вами?

- Начали хитровато, по возрастающей. Чернявому, как ещё „зелёному“, дали первое слово. Начал со сладкого – о своей учёбе на журфаке БГУ, о том, что сам владеет белорусским языком и мог бы запросто на нём говорить..., а я и ляпни: „Но не говорите, так как вам запрещена родная речь, да и второсортным его считаете?“ Он и взвился – начал ковыряться во всех моих статьях. И примеры, мол, я брал не те и литераторов с враждебными биографиями, ненавидевших всё русское. В статье о древних белорусских рукописях «Речь Мелешки» и «Листе к Абуховичу» я, будто издеваясь, написал, что командующий российскими войсками подкупил взяткой начальника смоленского гарнизона Абуховича и таким постыдным образом смог победить белорусский тогда Смоленск. По его мнению, это и оскорбление России и целенаправленное националистическое искажение истории. В России, мол, взяток не дают и не берут?! Смех один – там всё на бабках основано. Дал – вопрос решил, много дал – наверх пробрался, в депутаты какие или ещё повыше... А по-моему, взятка пришла из ига монгольского и лучше всего утвердилась у россиян, шире и весомее, чем у других. Давил на меня, выдержку из какого-то протокола привёл: „Всё в ней /в «Речи Мелешки» подчинено замыслу автора – противопоставить Великое княжество литовское России, белорусский уклад жизни – русскому укладу...“. Сипел: „Как тонко вы протаскиваете и пропагандируете нелюбовь белорусов к русским. Этим провоцируете раскол и ненависть между дружественными народами“. Включил я туда цитату – «Смоленск отдали то и титул продали. Москва соболи продавала, всю Русь з людзьми обобрала...», а его тоже корчит – Русь великую унижаю. Не те цитаты беру. Вражеские. Например, делаю ясный вывод с «Листа к Абуховичу» - „стремление к независимости белорусско-литовского государства, защита национального уклада жизни, белорусских обычаев, нравов. Не сторонники они ни Польши, ни России, особенно усилившей свою захватническую политику в 17 веке в отношении белорусских, украинских и литовских земель“. Никак не сообразят, что не я это выдумал, а так было в истории. Не Пешкович-Пашкович землю белорусов захватил, а Москва. Не унижение это россиян, а голые факты. Кому вздумается сейчас унижать Наполеона за египетский поход или англичан... Всё было. А они дают и дают, мне в вину – „В применении цитат, выдержек делает акцент на религиозных и националистических деятелях белорусского сопротивления, ориентированного на Запад и превратно понимавших освободительную миссию России. Нет никаких ссылок на труды известных советских учёных“. Наизусть ничего не знают, только в тетрадки свои и косят. А там все националистические мои места у них выписаны и даже цветными карандашами подчёркнуты. Наверно по степени важности и давления на меня. Театр абсурда! Но этот курильщик чёртов выдохнулся

быстро, хоть и пробовал пугать. Опыта, наверно, не доставало. Тогда начал меня громить старший. Крякал сначала, курил в кулачок, зрячками за стёклышками умно помаргивал, а потом, как разошёлся! Ты, говорит, не корчи из себя спасителя Белоруссии. Её советская власть спасала, а не такие шибздики! И бац – „Откуда у тебя антисоветская книга? За неё уголовная статья светит! Ну-ка рассказывай, где ты взял и кто тебе её дал?“

Прямо в точку! Плоховато мне стало. Предупреждали жрузья, что книжечка эта опасная. Осторожно с ней. А я же молодой – какая опасность? Думал, это же не 37-ой год? Дело в том, что мне передали из Киева машинописный вариант книги известного украинского учёного Дзюбы «Интернационализм и руссификация». Ничего там особо антисоветского не было, только исторические факты и размышления о засилии русского языка в национальной республике. Никаких призывов или заговоров. Как и у нас на Беларуси. Но я был неопытный и, когда следователь начал пугать тюрьмой, сломался и рассказал от кого и как я её получил. Замарал, значит, своих друзей. Потом сообразил, что он и без моих признаний уже всё или почти всё знали – подслушивали, подсматривали, следили... Всё время давили, пытаюсь выяснить как можно больший круг моего общения. Кто познакомился с книгой? Им до зарезу нужно было доказать существование организации и факты распространения неугодных материалов. Вот моими устами и пытались всё это оформить.

Сам Машеров* потом докладывал в Москву, что на Беларуси большими трудами КГБ вскрыт крупнейший „националистический заговор“. Другого, чем отчитаться, видимо не было. Вокруг сплошной дефицит – то хлеба не хватает, то булок белых, то одежды не купить, вся продукция третьесортная... Какой там у меня заговор? Просто я и люди, болевшие за нашу исчезающую культуру, язык хотели чуть приостановить процесс вымывания всего, что касалось нашей с тобой аутентичности. До этого времени не могу понять тех белорусов, которые из всех сил старались услужить Москве, местным партийным „божкам“ и с наслаждением „стучали“ на нас в КГБ.

У этого старичка был большой опыт! Возможно из „славных“ тридцатых. Безостановочная шизофрения! Фактов о настоящей противоправной деятельности никаких! Ни антисоветских заговоров, ни агитации против власти, ни листовок, ни кружков... Мои замыслы, намерения, взгляды трансформировались его воспалённым мозгом только во всё «анти». Специалисту по родной белорусской литературе „шили“ в качестве обвинения любовь к моей Беларуси. Всё огульно и общо – ненависть, попытка распространения, опосредованное влияние, враждебные взгляды...

* Машеров П.М., 1-ый секретарь ЦК компартии БССР с 1965 по 1980 г.г. Наиболее прогрессивными остатками белорусской номенклатуры и состоящими с ней в близкой связи представителями национальной интеллигенции до сих пор считается почти прародителем несостоявшейся перестройки в отдельно взятой республике и охранителем национальной независимости от Москвы и главного Политбюро.

А худосочный договорился до того, что обвинил меня в антисоветизме. Всё трактовалось так широко, что любого можно было подогнать под статью. Типа – „как вы считаете, ваши националистические высказывания об исключительности белорусской литературы содействовали бы молодым людям в идеологическом становлении их интернациональных взглядов или сбивали их с правильного пути?“ Во, какая казуистика!

Или – „где и как учитывались вами другие мнения по вопросам языка и литературы и что положено в основу научной концепции по этой тематике в Белоруссии – ваши незрелые, вредные взгляды или труды признанных специалистов-академиков?“

Налей-ка, нервы полечу. Ну, будь! Так вот, всё нормальное, что было и есть в жизни каждого человека, они в „конторе“ так мастерски переворачивали, так перекраивали, что волосы становились дыбом от такой чертовской фантазии!

Встретился со знакомым – у них контакт со связью, звонок коллеге после летнего отпуска – возобновление попыток группироваться, письмо с жалобами на постоянный дефицит – клеветнический текст, обернулся весной на красивую девушку – попытка выявить за собой слежку, вернулся в комнату за ключами – тоже что-то жутко шпионское! Один уклон – везде и всюду видеть происки врага! Как было заложено с 17-го, так и по сей день эта болезнь!

- Но я же вас знаю много лет. Никакой вы не враг. Я бы наоборот сказал – мало кто так за свой край и свой народ печётся! А тут такие обвинения?

- Может, всё может! У этой болезни диагноз – „чекизм“. Он ещё не полностью распознан, не полностью раскрыт, у нас его никто не смеет изучать или анализировать. У них ошибок не было и нет! Как будто испарились миллионы жертв репрессий и уничтожения! Говорить даже о них нельзя! Что это за каста чистых и неприкасаемых?

Всё их боятся! Эта „контора“ в зависимости от политической конъюнктуры и особенно от того, кто ими с Кремля руководит, также и для своей выгоды с завидной лёгкостью меняет понятия – „враг, вражеские устремления“, каждый раз успешно подыскивая основание и максимально усиливая только обвинительный уклон! Любое сомнение человека, высказанная им критика, собственная точка зрения особенно в нелюбви к сталинским палачам подаётся только как факты почти созревшей преступной деятельности, угрожающей основам. Врагом „чекизма“ никого открыто не объявляют, но каждый гражданин по их желанию может стать объектом превентивного изучения и даже скрытой компрометации. Каждого они готовы разрабатывать по любой лживой бумажке сексота, не вдаваясь ни в детали, ни в причину, всё время искажая суть и усиливая причину своего интереса. Могут начать собирать компру и из-за отказа сотрудничать с ними. Запросто! Мне тоже предлагали „стучать“. Я категорически отказался, тогда они и показали свою „гуманность и человеколюбие“! Любыми путями и методами

доказать право на своё тайное и хорошо оплачиваемое существование. Да и близость к Главному пахану показать. Скажи, в какие времена они защитили простого человека? А щит тогда у них зачем? Только топор и меч? Почему они не могут предупредить заблудшего и не дать этим ему скатиться в ими же расставленные сети? Есть же, оказывается, такая мера, как официальное предостережение? И у них и у прокуратуры. Почему они выжидают, подтапливая через стукачей к порогу, к краху, умело формируя посредством агентуры общественное мнение, манипулируя и им и свидетельской базой? Любыми путями раздобыть на тебя компрометирующий материал, чтобы оправдать свою работу! А если для прочности подобных убеждений и направленности подкинуть что-нибудь объекту изучения? Особенно, если тот упрямый и всё отрицает?

Получается, что я с их молчаливого согласия во время слежки за мной сам себе копал яму? Ждали насколько глубоко залезу? Так мне сколько годков, а им? Они же вечные? Почему все мычат, когда речь заходит об этих „особых органах“? Чем же таким они особые? Да абсолютно ничем! Агентура была за триста лет до них и будет всегда. Читай книжки. А весь высокоморальный набор – подслушивание, подглядывание, слежка, шмон по вещам и конвертам – всё это также было раньше в том или другом виде. Только техника шпионская совершенствовалась. А советские „органы“ остались такими, какими и были созданы – бесконтрольными, замкнутыми в себя, ограниченные цеховым „братством“, мимикрией и ложью. Они сами окружили свою деятельность плотной завесой секретности и благородства. Из-за занавески легче врать – лица не видно.

Причина всего этого в другом. Когда в бесконечно далёком будущем проведут даже поверхностный юридический или какой ещё там анализ всей дьявольской машинерии „конторы“ от первых её шагов до последних, встанет вопрос, а на кой ляд нам нужна сейчас эта репрессивная машина с её старым шизофреническим мышлением и постоянной ненавистью ко всему национальному? Кому служат её глубоко спрятанные архивы с окровавленными страницами белорусской истории? По какой причине они боятся их открыть? Что, раскроются замшелые могилы тысяч захоронений без почестей и славы или выплывут из-за всех углов трясущиеся от вечного душевного холода старцы с двойными фамилиями и тройной моралью? Задумают осуществить переворот к старому их немочные свояки? Конечно, нет! Боятся они одного – и тогда, и после, и теперь методы их „тяжкого“ труда окажутся преступными – натяжки, подлоги, подтасовки, замены содержания и смысла, особые неправовые трактовки и космические выводы, главное – натаскивание забитой, приниженной, зависимой или заинтересованной агентуры в бездумном, заведомо предвзятом стукачестве! Где деятельность этой организации по защите Конституции или конституционных прав? Свобод человека, экономики и действительной истории нашей страны, какой бы горькой она не была? Мозги мои начали плавиться от их

напора и вранья, но доказать обратное, защитить самого себя не смог, не хватило сил.

Они давно продумали и способы моего изучения, сбора хоть какой-нибудь компры и не хотели понимать ничего другого. Как? Сорвать самому рыбку с крючка? Выпустить её опять в свежую воду? Дать человеку задуматься, дать шанс? Так снова же двадцать лет не будет ни врагов, ни анти-советчиков, ни националистов? А тут хоть и смердит от такой работы, но наверх уже есть что доложить. Есть чем отчитаться. Чуть натянуть, что-то добавить, на мелочи закрыть глаза, другим заткнуть уши, а подопытного запугать! Такой опыт, такая история! Да тут только сделай намёк на что-нибудь из „добраго и старенького арсенала“ – каждый задрожит! Кто не делает ошибок, кто может назвать себя полностью святым? Никто на тленной земле! Они и мелочи вытаскивают. Выпил лишнее, гульнул с кем-нибудь, журналчик с фотками имеешь... Глупость, вроде, а никому не хочется, чтобы весь институт или город узнал. Все приёмы грязные. Нет там ни чистых рук, ни человеческих сердец! А когда чувствуют, что добыча срысывается, могут и подбросить кое-что. Пару патронов, кривое ружьё, наркоту. Тогда крышка!

- Но это же беззаконие? Где же прокуратура?

- Оценивают они всегда сами, а не прокурор или судья. Им подсовывают уже сфальсифицированные и часто подписанные каким-нибудь несчастным документы, да и подкрепляют своё давление сверху через партийные, советские органы. Стращали, что после уточнений обстоятельств решат, в суд меня или в камеру. От безысходности и ненависти к ним разозлился, как прижатый к стенке заяц: „А что ещё хотите пришить? Вы только ложь из фальшивых доносов записали. Моё мнение вообще не учитываете. Вам не истина нужна, а только свой же результат!“ Скажу тебе, хоть и поздно – не нужно их бояться. Бей на открытость и на честность. Когда ты ничего криминального не делал, а только мысли свои... Режь прямо в лоб, но с аргументами. Не любят они, чтобы с 37-ым сравнивали. Ох, как не любят, хотя и мечтают о нём! Я и сказал им в лицо: „Где ж это видано – жить на Беларуси и не иметь права на свой язык? Это социализмом с лицом называется или с другой частью тела? Или самоуправством КГБ на основе умственной недостаточности?“

Старший чуть повыпендривался, но пояснил: „Ваши мысли разделяют не без вашего влияния отдельные люди, а значит они готовы вас поддержать и эту галиматью распространять дальше. Вы утаиваете ваши контакты. Не всё говорите нам. Завтра, если чистосердечно, то выпустим, если нет – под суд. Натянете вашим упрямством лет на восемь...“.

Тут меня и понесло. Я ему прямо в глазки смотрю и режу: „Когда вам свидетельств не хватает, то вызывайте вашего „маляра-художника“, которого вы мне в комнату подсадили. Он всё в моём чемодане перерыл и что? Мог и подложить то, что вам выгодно. Я это и на суде скажу и друзьям

своим, чтобы все знали, как вы информацию искажаете и добываете! Подтвердят и мои друзья, с которыми он охотно водку пил и за их счёт. Он у вас главный свидетель, вот и допросите, против кого я был, что замышлял, какую подпольную организацию создал? Мои мысли и на бумаге и вслух – это моё мнение, это никакой не подрыв государства! Вы опять за мысли сажать начали? Вы его на суде послушаете – какие он книжки мне приносил, как провоцировал, что советовал вставить, какие акцентики разбросать... У меня и свои свидетели найдутся. А кто мне порнографию в пальто подсунул? Не он ли? Решили, если белорусского национализма не хватит, тогда мы его старым методом повалим, голыми бабами? А отпечатки на этих фотках чьи будут? Я и пальцем их не тронул“.

Приобмяк он и уже примирительно: „Предупреждаю, чтобы о фотографиях не упоминали. Снимем их с обвинения. И о „маляре“ ни слова!“ Себя, свои ошибки, реноме фальшивое оберегают.

Помуржили меня часов восемь, потом выпустили. Но всё же обыграли вчистую. Сказали, если не будешь придирается к написанному в протоколе, то выпустим и всё. Мол, разговор, как профилактика будет для меня и больше вызывать тоже не будут. Старый сказал: „Мы такие же белорусы, как и ты, только на службе. Подпишешь – мы всё забудем. Нет – по новому кругу пойдёшь“. Этот ихний приём и сработал. Подумал я, что, если до суда уже не дойдёт то, чтобы отвязаться и подумать на свободе, нужно подписать. И подписал. Они двое аж привстали – так ждали подписи. Тут же протокольчик свой липовый забрали. Мне пропуск и выпроводили почти в ночь через какую-то боковую дверь.

Спать я не спал. Думал. На следующий день повонил друзьям. Все начали что-то невнятное мямлить, но так и не пришли. Каждый нашёл вескую причину, чтобы не встречаться больше со мной. Я стал заразным! Остался один – белый потолок надо мной, а на нём облик мамы моей покойной. Значит клятву, данную ей, не выдержал, не доучился. Это было самым тяжким.

Через пару дней вызвали на ректорат. Все на пол смотрели. Говорил один секретарь парткома – „мол, с такими взглядами для педагогической работы совсем не подхожу...“. Выперли меня в Лунинец, кстати, в школу. Выходит, в одном месте в педработники не подхожу, а в другом – нормально, для деревни и националист сойдёт! Какая фальш даже в этом! Ректор в конце, не подумав, сказал, глядя в окно, что у меня ещё есть время для исправления, будто бы маленькому шалунишке, и дорога в науку закрыта не полностью. Врал. Я по глупости обрадовался : „А вы мне рекомендацию опять дадите?“ Гоголевская пауза! Лица застыли, у некоторых подленькая улыбочка, все вместе на шефа, потом дружно, как стадо, закивали головами: „Конечно, конечно, что вы? Ему, да, дадим..., само собой, мы все...“. Из аспирантуры вон, из общежития тоже и в комнатку в деревянной халупе на

окраине всеми забытого городка. В Лунинце таких как мой „живописцев“ не было, но „любителей зарисовок“ на чужие темы тоже хватало. И все они ко мне по очереди и не очень в гости. Думали, что пока разберусь, может кого к себе и приближу. Ситуация-то у меня тяжёлая, хочется выговориться, всё сказать. Вот и потечёт смрадной струйкой агентурная информация. И гроши откуда-то у всех. Небольшие, но на первую бутылку хватало. Маловато же им иудины платят! А я и не отказываюсь. Грошито государственные, на меня рассчитанные. Практически мои! Начал подробный дневник вести. Знаешь, как помогает, особенно в таких случаях – кто в товарищи набивается, какой предлог для знакомства, где работает, в чём предлагает помощь? Говорю одному таксисту местному: „Бывшие коллеги из Минска хотят по-дъехать. Поддержать меня в беде, что-ли“. Тот сразу: „Встретим, как положено. На охоту, на щучку, да и плотва и язи в Полытьме ещё водятся. Ээх! Наше местное гостеприимство покажем. Только ты никому о них, кроме меня не говори, я сам всё приготовлю, а то, если по всем знакомым размажем, так и результата не будет“. О каком результате он говорил, почему хотел всех замкнуть только на себя? Понимаешь? Выслужиться первым захотел. А я молчок недели на три. Тот уже ужом вокруг, но не спрашивает прямо, чтобы заинтересованности гебистской не раскрыть. Хороший инструктаж получил. Водочки наливает, а я дозу утраиваю. Хрен с ней, с государственной! А я уже профессиональным питоком стал на этих своих „радостях“. Меня трудно было повалить. Ещё купит. Ему в стаканчик, чтобы язык быстрее бегал. Обычно такие много не пьют или понемногу, но это в столицах, а здесь на природе часто расслабляются. Он и нализался до положения риз. Я ему: „Что ж ты с язями опоздал? Гости мои съехали. Побыли денёк да и всё. Скучно, говорят, комары заели. Сказали, многовато их здесь у вас. Маленькие, подленькие, почти невидимые. Всё куснуть норовят тайком, крови попить жаждут. Тихо так, не звинят почти. Эндемичные какие-то*. Незаметно – кусь... и шишка у тебя! Чесаться до конца жизни. Книжки оставили мне интересные...“. И травлю дальше. Тот, как блоха на сковороде закрутился, даже пьянь почти прошла. Туда, сюда мечется, но где это чтиво не спрашивает. Я ему...

- Подожди, студент, налей ещё, я на последний автобус может успею.

Из-за количества выпитого я не очень соображал, но что-то слева от стола, потом справа мешало глазу, как бы болталось выше наших голов. Я, отгоняя привидение, хлопнул по этой преграде.

- Ой, что вы так? – пискляво-педерастически раздалось сверху.

Мы подняли голову – тёмный, мешавший сосредоточиться предмет, оказался круглым задом вертявого официанта с большими оттопыренными ушами.

- А, „эти“ тоже тут? Без меня уже жить не могут. Ладно, пусть слушают. От них спасения нету. Так вот, я ему налил и говорю: „Принесу. Можешь здесь

полистать“. А тот, будто ждал всю жизнь этой ситуации: „Я лучше с собой возьму, темновато у тебя, а у меня глаза...”

- А я сотку /лампочка 100 ватт/ вкручу?

- А у меня очков нет.

- Мои возьмёшь.

- Твои не подходят.

- Откуда ты, сука, знаешь, что мои тебе не подходят? Ты же ими ни разу не пользовался, да у меня и очков нет никаких! Их сроду не было! Кстати, всю мою полку на той неделе без очков смог обшарить? Все книжные внутренности перешерстил. А, гнида подколотная! – и за кочергу..., и послал его... Не простили мне этого.

Уже на площади Пешкович пожал мне руку и выдохнул в сторону: „А ты, кандидат, пиши, пиши... У тебя талант на острое. Пиши для людей, для тех, кто потом придёт. Они оценят. А я на Беларусь поеду, тут моей мовы нет! Никто из этих оперов о моей старой фамилии и не спросил. Знали-то они точно, но никакого интереса. А в моей семье наследили здорово. Кроваво наследили. Не выгодно было снова туда нос совать. Я и так очень много им выболтал. Не по своей воле. Тюрьмой запугивали. Сработал механизм биологической защиты. Как у зверей. Думал спасу ситуацию, а теперь страдаю в одиночестве. Что может один человек против волчьей стаи с их техникой, слежкой и стукачами? Они не слуги Конституции и народа, они не делают нашу жизнь безопаснее, они на цепи того, кто управляет в это время страной. Если в процентах, то добра от них на 5, а гнилости на все 95 процентов! Милиционеры, какие бы они не были, от них хоть что-то для людей. Известно, всякие тоже там попадают, но это даже не их вина, это вина всей системы. Кого туда набирают? А в „конторе“? Что руководит этими людьми, какие оправдания подстилают они на свои кривые дорожки, так ли должна добываться правда и истина для людей? Тяжело мне, до самого конца тяжело. Никого рядом, вокруг пустота. Людей тысячи, а я один. А так хочется к тем, кто болен Беларусью. Но все далеко, под спудом, допусками и запретами. Всех сломали. Или мы такие от рождения? Ночь и день ищу ответ, всматриваюсь в глаза отдельным людям. Большинство пустота – деньги, гонка за богатством, антимораль без границ, „полезные“ связи, злоба и зависть, зависть без края. А кто топнет наверху ножкой – белорусы сразу в болото пережидать. Безразличие – основа отношений! Христианские ценности забыты, вместо них словеса, суррогат – меркантильность и почти полное отсутствие человеческого достоинства. Может я и ошибаюсь, но моя жизнь – яркий пример тому. Прости и не держи на меня обиды. Я постепенно исчезаю. Меня сделали таким.

Он еле уклонился от зудевшего троллейбуса, пересёк пространство и исчез в дверях гастронома-подковы.

Осадок серый остался на душе после этой встречи. Пешкович выглядел странным – повторялся, часто оглядывался, забывал сказанное. Когда мол-

чал, то беспрерывно шевелил губами. Более печальных глаз я не видел за всю мою жизнь. Его лицо, когда-то живое, подвижное, богатое на эмоции, ещё что-то означало, но взгляд потух давно. Губы рассказывали, лицо страдальчески морщилось, а глаза стояли, мертвенно стояли, уже не различая ни прожитого дня, не видя цели и человеческих лиц. А другие же тени присутствовали, были постоянно рядом, незримо. То в спину взгляд, то в закрытый конверт, а то и по закромам в отсутствие пошарят. Искал он этих людей даже тогда, когда „контора“ ограничивалась редкими справками о поведении бывшего подопечного. Переехал – „ориентировать местный орган и вялых сельских стукачей“. Писем количество увеличил – „копии с них снимать“ для видимости работы и для выявления спящих провинциальных чекорганов, не видевших и не ощущавших настоящих захватывающих былых оперативных импровизаций. И вдруг захудалый райотдельчик крупными буквами пишет в свой годовой отчёт –

„Осуществлён комплекс чекистско-оперативных мер по выявлению и пресечению новых контактов объекта наблюдения «Нацмена». Через агентов «Стройного» и «Мерина» проводится контроль по месту его жительства. Меры по затруднению несанкционированных выездов «П» в республиканский и областные центры считаем достаточными. По месту работы в средней школе агентом «Новым» и доверенными лицами «К» и «Ж» характеризовался отрицательно – замкнут, два раза получал наше приглашение обследоваться у старшего фельшера на предмет подавленности в психической части, но ответил грубым, нецензурным отказом /пожелал нашему проверенному агенту направление в сторону нецензурного органа/, за что и был переведён из райцентровской школы в отдалённую и малонаселённую деревню Сериловичи Малые, где уже в замкнутых условиях, ограничивающих его националистические контакты, начал употреблять большое количество и часто спиртного и петь громко в одиночку патриотические песни на чистом белорусском языке.

Полагаем, что проведение профилактическо-предупредительных мер в связи с громким и негативно-демонстративным исполнением им гимна БССР в ночное время на языке оригинала и без видимых враждебных вкраплений и оскорбительных жестов является не по нашей части. Здесь было бы удобно применить к нему административный арест по линии органов милиции за нарушение правил советского общежития, о чём просим Вас санкции через МВД республики”.

Через пять лет тот же райотдел, но с новым молодым начальником Василием Ивановичем Петковичем /старого за заслуги по Пешковичу повысили в область/ сообщает:

- Принятыми мерами, с целью большего ограничения контактов и распространения демонстративного пения уже песен националистического содержания автора Михаила Богдановича, объект дела оперативного наблюдения “Нацмен” через возможности райотдела милиции окончательно выселен с окраины Малых Серилович в отдельно стоящее, временно непригодное для жилья строение – бывший склад хемикалий разваливающегося колхоза “Путь в коммунизм”. По полученным от агента “Сосны” сведениям, силами объекта из подручных средств строение приобрело полужилый образ и тот в него заселился. Живёт одиноко, но бедно. Жена и двое детей ушли от “П”, когда работал в средней школе. Начальная школа закрыта уже как год, а возраст и негативное отношение объекта к органам госбезопасности и государству не дают основания для получения им денег или пенсии. Беспричинно и постоянно озлоблен. По данным доверенного “З”, копая картошку, постоянно выражается нелитературными словами, начинающимися на буквы – “х..., б..., п..., з..., в... и г..., имея, тем не менее, высшее образование и почти степень кандидата наук. Цитаты не приводим по морально-этическим соображениям. Исходя из изложенного, принимая во внимание, что объект идеологически разоружился не полностью и может в любое время активизировать враждебно-националистическую деятельность в условиях Малых Серилович или на небольшом от них отдалении, считаем дальнейшее оперативное наблюдение за ним в течение следующего года целесообразным. Просим Вашего ходатайства перед ХОЗУ КГБ БССР о выделении нам вместо старого /27 лет/ ГАЗ-69 нового или частично поддержанного УАЗ-469 для решения оперативных и других вопросов в нашем лесном и озёрном районе, богатым на натуральные продукты и готовую дичь. Для сведения сообщаем, что эта просьба была с интересом поддержана на словах в позапрошлом году заметителем по кадрам генерал-майором Дубко и его замом Тепковичем, часто посещавшим наш район и местность с недельными проверками”.

По прошествии одного года была составлена ещё одна справка:

- “... по данным агента “Сосны”, зимой среди сгоревшего строения в двух км от Малых Серилович обнаружены обгоревшие кости. По мнению агента, ими могли быть объект нашего наблюдения “Нацмен”. Со слов рабочего лесничества, “Нацмен” постоянно злоупотреблял спиртным и вёл паразитический образ жизни, получил инсульт в район головы и перестал нормально двигаться. Ползая и поддерживая себя руками, в полном одиночестве смог продержаться до наступления холодов. Получены также оперативные данные, что по причине отказа речи объект прекратил антисоветские громкие высказывания и демонстративное пение националистических и антисоветских песен. Причина смерти и пожара не выяснены. Начальником пожарной части выездом на место установлено, что

неожиданной для РО КГБ смерти объекта дела могла стать неосторожность с огнём в печке.

В связи со смертью “Нацмена”, по согласованию с вами, дело “Нацмен” закрыть и в 10 дней сдать в архив КГБ БССР. Агентурные материалы, материалы прослушивания и подлядывания, также просмотра корреспонденции, как не представляющие никакого интереса, уничтожить по акту. Также сообщаем, что нами через агентуру влияния и доверенных лиц принимаются меры по выявлению и локализации негативных реакций в среде районной и другой интеллигенции, а также наблюдаемого контингента на внезапную смерть “Нацмена”, в связи с чем просим вашей санкции на заведение дела разработки на бывшего соседа “Нацмена” и сочувствовавшего тому учителя пения и музыки средней школы уже Больших Серилович – Сидорского И.А., якобы находившегося последних два месяца под негативным влиянием “Нацмена”...”.

Дух отлетел – Часы на главной башне Пробили дважды три...

Что я могу сказать Вам, дорогие читатели? Душа опустошена, только гулко стучит кровь в висках и чуть отдаёт болью сердце. Нужно ли что-то добавлять?

Может когда-нибудь, всё же, начнут издавать памятные альбомы с фотографиями, датами жизни, славных дел и жуткой смерти бывших Людей, всего лишь беззаветно любивших свою, а не чужую Родину, свою хату и нас.

Материала для таких альбомов хватит надолго. На мой взгляд – на десятилетия, ибо объять это, объяснить, понять и забыть нельзя! Сядьте поудобнее возле своего окна, откройте эту книжку и, не торопясь, внимательно всмотритесь в Миколу Прашковича. Смотрите не глазами, лучше сердцем! Красивейший человек, богатейшее лицо, за ним тонкая чувствовавшая душа! Мог ли он быть нашим врагом? Врагом Беларуси?

Нет и ещё раз нет!

Его им сделали. Он раздражал пришлых независимостью своих суждений, *свайёй мовай*, любовью к тем, кто жил и живёт на нашей земле.

Именно он, а не номенклатурные истуканы и уж, тем более, не его палачи, являет собой лицо нашей многострадальной Беларуси!

Что у него в глазах, что в душе?

А что теперь у нас?

Последнее пике

- Ну-с, коллеги-василёчки! Углубимся в знания! – таким странным вступлением он предварял каждую лекцию уже много лет. Курс начал читать после вынужденного и неожиданного окончания своей блестящей дипломатической карьеры. Как-то в узком, почти семейном кругу, на праздновании очередного юбилея высказался отрицательно об экспериментах в области сельского хозяйства и привёл научные контраргументы, зачитав их присутствовавшим из книги американского учёного Роберта О`Брайна. За годы работы в дипломатическом корпусе собрал приличную библиотеку. Пустых книг только с красивыми корешками там не было. Труды по экономике, международному праву и торговле, социологии. Отдельный шкаф был забит изданиями о видных деятелях – политиках, философах, историках, их вкладе в развитие мирового сообщества. Конечно, некоторые книги числились в списках запрещённого у нас чтения. Но дипломатам даже во времена крутой сталинщины удавалось привезти кое-что из пикантного чтения. Их на наших таможах не досматривали, зато в их отсутствие успешно шарили по квартирам. Почти два года не мог отойти от мерзкого и очень болезненного удара в спину бывших кураторов. До этого случая он был абсолютно лоялен и к власти, и к курсу партии, и к „ним“. Искренне уважал лидеров, но, как человек образованный и много повидавший, не мог полностью закрыть идеологическим бельмом явные провалы. Утешался, что любой грешен и не может, как автомат, работать без ошибок. Но ясно видел, понимал, что зарегулированная донёльзя экономика страны испытывает огромные напряжения и перекосы. Написал даже два аналитических предложения по линии международной торговли и отдал их своему министру. Через два дня тот вернул их обратно, заявив, что подобные предложения уже имеются в ЦК. Сам же, как выяснилось из центральной прессы, чуть переделал их и за своей подписью доложил Первому секретарю. Это был хороший урок. После него он начал держать язык за зубами почти, как в старые годы. Говорил округло, безадресно, не задевая никого и не поднимая лишних проблем. Со всеми в ровных отношениях, как голые в общей бане.

* Цанава Л.Ф. одиозный министр НКВД, НКГБ, МГБ Белоруссии с 1938 по 1951 г.г. В 1953 г. был арестован по приказу бывшего своего покровителя Берия Л.П., сначала как организатор убийства руководителя государственного еврейского театра и председателя еврейского антифашистского комитета С.Михоэлса, затем ему вменили в вину многочисленные нарушения соцзаконности в период его деятельности в Белоруссии и расправы над белорусской интеллигенцией. Цанава по одной из версий умер во время следствия в Москве 12.10.1955 г. Таким образом верхушка столичных чекистов не без ведома Вождя избавилась от исполнителя своих же преступных приказов, что было характерно для сталинского периода. Он же после ВОВ якобы написал научно-исторический труд о партизанском движении в Белоруссии и ведущей роли в нём органов госбезопасности.

Он очень давно „помогал“ Родине в борьбе против сменявших друг друга её врагов. В бытность дипломатом боролся против империалистических спецслужб. Почти забылись беспокойные времена, когда тёмными ночами сквозь мороз и пургу, через слякотные улицы Липеня он шёл на очередную встречу со своим бессменным опером. Маленькая прокурённая комнатка в помещении райотдела милиции стала для него на многие годы почти родной. Здесь он решал /именно решал!/ судьбы многих и многих людей. Старался работать честно, по совести и поэтому каких-либо моральных угрызений не чувствовал. Более того, был многократно отмечен ценными подарками, а после войны и партизанской медалью 2-ой степени. С ним два раза встречался сам Лаврентий Цанава, просил кое-что сделать... и он делал это и из-за уважения в высокой персоне и из-за любви к большой и многогранной Родине.

Последний разговор запомнил на всю жизнь. Стол в люксовом номере центральной гостиницы был накрыт с особым изяществом – широкие рюмки-бокалы, редкий грузинский пятизвёздочный коньяк «Сакартвэло», «Боржом», треугольные тартинки с густой паюсной икрой, дольки экзотического в то время лимона и на коробке конфет «Москва» изображение главного здания-склепа всей страны Советов – могильного мавзолея. Врезалось в память – мощные кулаки с толстыми волосатыми пальцами по-хозяйски лежали на белой скатерти, клещами обнимая стол. Чёрные масляные глазки то буравили внутренности профессионального агента, то ласково, почти по-отечески, щурились в улыбке. Слегка надтреснутый тенорок, вплетавший иногда в голосовую палитру руководящие басовые нотки, то и дело визгливо взлетал к потолку. Время от времени этот странный, не похожий на человеческий, голос с навязчивым грузинским акцентом начинал отдавать жестяным скрежетом, никак не приобретая человеческого оттенка. Акуловскому-Октябрьскому навсегда запомнились слова всемогущего в республике чекиста:

- Я доволен вашей работой. Родина уже оценила это и, думаю, что не один раз оценит ваш труд. Вы делаете столько, что даже целый отряд сомневающихся и колеблющихся белорусских интеллигентов-хлюпиков не способен на десятую долю. Вот сэйчас за этим хорошим и вкусным столом мы с вами поднимем тост за здоровье нашего великого вождя и пожелаем ему и всему советскому народу успехов и процветания в теперешнее мирное время. Пейте. Коньяк редкий и довоенный. Мне с Грузии его присылают. Сейчас такого нет. Армянский, говорят, неплохой, но с нашим, грузинским не сравнить, как и людей. А? Што армяне? Торгаши, народ сложный, хитрый. Куда в Москве не пойдёшь, везде пробрался армян. Здесь тоже непорядок. Понадобится ваша помощь и в мирное время. Вы знаете - поиск врага среди своих – это трудная задача. Трудней, чем на фронте, где враг перед вами. А Белоруссия особая часть советского государства. Она с давних вре-

мён подвержена вражескому воздействию Запада, причём по части ненависти к России. Есть особенность у белорусов – уши направлены в сторону Москвы, а завидующие глаза смотрят на Польшу. Как только вожжи ослабишь, все сбегут туда. У нас исторически не получилось направить Польшу на советский путь. Вот поэтому мы с вами должны сделать всё, чтобы полностью искоренить влияние остатков буржуазного, капиталистического мира на формирование советского, коммунистического мировоззрения у белорусов. Более того, нам с вами надо учитывать одну важную деталь. Исторически получилось так, что явно не без воздействия Запада и Польши белорусы всё-же смогли сгруппироваться на националистической основе и создать уже с помощью СССР государственные формы. Здесь влияние России было сильнее и выгоднее. Но остались силы, мечтающие о фантоме – создании отдельной от нашего великого Союза свободных народов маленькой, карликовой страны. Неустойчивые представители-перерожденцы белорусской интеллигенции, завербованные нашими врагами, хотели бы возродить подпольное сопротивление и Москве и местному правительству. Какая ваша и наша задачи? Не дать этим национальным отбросам никаких возможностей приобрести опыт коллективных выступлений, объединения на основе фальшивых националистических идей под любыми предложениями и в любых формах. Это касается всех сфер, где формируется общественное мнение. Все и всё, что лежит в пределах вашей досягаемости должно день и ночь находится под нашим чекистским контролем. Все процессы в культуре – театрах, творческих объединениях, клубах, разных кружках и союзах, в науке тоже, в образовании, не забывать также общественные организации. Расплодились они уже. Некоторые даже контактов с границей просят. То с Красным крестом, то выставки у капиталистов...

Задача – выбить из белорусов тягу и желание ориентироваться на Запад, в ту поганую Европу. Эта часть России самая важная для нас. Это форпост, заградительный отряд на пути империализма. Поэтому и с вашей помощью нужно осуществить постепенное вымывание всего националистического и замену его на ценности российского, великого русского народа. Это и кадровая работа. Она уже ведётся. Но скрытые враждебные глубинные процессы чаще всего там, где интеллигенция. Она ещё способна думать по-другому. Так нужно нам такие мозги у неё выбить! А? Ха, хаа, хааа! Как только наведём мы с вами здесь порядок и у нас станет всё хорошо!

Послушайте, генацвале*. Наливайте. Себе побольше, мне чуть. Теперь давайте о ваших нуждах поговорим. Может, какую квартирку-мартирку вам расширить? Ошибки ви тоже делали, но пользы от вас было больше. Благодарить уже нам надо. Мы дом для академиков строим. Там на втором этаже и для вас выделяем. Окна в парк выходят, а на площадке руководство академии будет жить. Вот вы будете и руководить ими с нашей помощью! А? Ха, хаа, хааа!» – сжатые кулаки довольно подпрыгнули и грохнули об стол. Пустые рюмки жалобно дзинькнули, сверлящий тенорок взвился и

исчез в отверстии для вентиляции, стекляшки большой люстры зашевелились и тут же стихли... Хозяин испарился. На белой скатерти остался пухленький конверт. Это уже стало доброй традицией!

Акуловскому нравилась эта огромная космическая работа по перековыванию всего старого на всё новое. Именно ему /это постоянно подчёркивалось!/ была доверена тайная филигранная очистка советского общества от шелухи, от нытиков и страдателей, от людей с узким и злобным спектром зрения, от тех, кто не хотел и не видел по неизвестной причине величие новых дел. Да, он работал на само государство, пусть и не на самый лучший его аппарат, но с любовью и тщанием. Он и сам уже видел результаты своего труда – улицы, предприятия, учебные и научные заведения становились как-бы чище, просторнее, не заляпанные плесенью вечного недовольства и брюзжащими интеллигентами. Ему повезло – за честную и эффективную службу Родине, с подачи самого Цанавы, он был замечен в высших кругах и рекомендован в Министерство иностранных дел. Ещё в бытность работы в филологии неплохо овладел немецким и кое-как мог изъясняться на английском. Это сыграло роль и после окончания ускоренных курсов при международном отделе ЦК партии перед ним открылись ворота в загадочный западный мир. В душе же он оставался лириком и человеком мягким, поэтому обратился к Главному со странной просьбой – заменить настоящую фамилию на свой псевдоним «Октябрьский». Просьбу прикрыл горячим желанием сохранить до гроба любовь к органам госбезопасности. Правда же была конечно другой. Цанава на одной из встреч рассмеялся и, хитро сощурившись, процедил:

- Спрятать старое захотел? Ух, хитрэц! Ладно, пей коньячок, товарищ профессор Октябрьский. Ты нам и без псеуданима пригадаишься!

Правопреемники из КГБ, вернее, Первого Главного управления, т.е. разведки, сильно не докучали. То ли его уровень им был не так полезен, то ли у самих было достаточно источников. Поначалу эта ситуация его немного тревожила. Он всё-таки был приучен чувствовать острый локоток спецслужб рядом и это успокаивало. Из опыта знал, что, когда их не видишь и не ощущаешь – жди неприятностей! Но, слава Богу, те времена прошли, а он шёл выше и выше по дипломатической лесенке. Став консулом, сам уже мог поостроже обращаться с молодым выскочкой из ПГУ*, работавшего у него под прикрытием.

Видимо спокойный труд, да и возраст сыграли какую-то роль в том, что Октябрьский почувствовал себя раньше времени свободным, стал забываться в мечтах об устройстве своего мирка где-нибудь в зелёной пригородной зоне с рыбками. Менторский тон чаще и чаще выпирал на поверхность, осторожность и слух увядали. На первом плане буйно росла гордость за самого себя и вера в непогрешимость. Отпустил, что называется,

вожжи и... А если совсем честно, то длительная принадлежность к тайному институту спецслужб, похлопки с их стороны в то время, когда народ косили кровавой косой, дружеские похлопывания по плечу создали иллюзию неприкасаемости и полной защищённости. Именно сознание исключительности и подвело. Забыл он главное – никогда ещё ни один сексот ни в одной спецслужбе мира не становился на один уровень с теми, кто им руководил и направлял. Здесь лежит ключ к многим внутренним, глухозакрытым трагедиям – один раз согласившись, ты влипаешь в грязь на всю жизнь. Высокие слова, твёрдый идеологический фундамент, громкие обещания и открытый, честный взгляд очередного «куратора» хороши в первые дни, когда человек, преступая черту, не понимает происходящего вокруг и по молодости, и по глупости и из-за отсутствия жизненного опыта и знаний. Якобы этим он, думается так, спасается от ещё худших последствий. Обман и ложь лежат в основе таких отношений в прошлой истории наших, да и других спецслужб. Главное – сломить человека и подчинить его жизнь своим потребностям, прикрыв всё ясными и лобовыми интересами государства, не меньше. Чем больше сломанных, тем лучше управлять и формировать их сознание „под себя“. Зависимость здесь играет важную роль.

- Один раз за всю жизнь, да и дома сказанул! Какая же сволочь меня заложила? – вопрошал он жену во время одиноких прогулок по парку Горького. – Ты их всех сто лет знаешь. Ещё сосед на десять минут на запах заходил, но в самом конце... А где эти сейчас, ну, твоя подружка?

- Она лаборантом работает в университете. Языком не владеет, с иностранцами не якшается, родственников за бугром у неё нет. Вроде интереса „конторских“ к ней не должно быть? Муж лётчик, на этих, как их, этажерках?

- Кукурузниках?

- Да, да. И не здесь, а за полярным кругом. Сюда на месяц, а потом на три-четыре обратно. Никакого отношения к „тем“.

- А зять мой с дочкой?

- Что ты? Они же божьи одуванчики, друг на друга не нарадуются. У них времени нету на нас, да и деньги могут попросить. Не в их интересах стучать, да и ничего там особо не было. „Кукурузника“ /так в народе прозвали Н.С. Хрущёва/ уже все крестят, как попало... Наделал столько, что не расхлебать...

- Ох, гады! Книг жалко. Столько лет копил, а тут за один мах лишился. Сказали после анализа вернут. Уже месяц прошёл, их хреновы анализы повысыхали, а книжечки мои... Хорошо, что на пенсии уже был. Антисоветчика нашли. Отчитаться нечем? Я на них тридцать пять лет отпахал и ещё как, награды даже!

- Не волнуйся – с гавном повёлся и влип. Чего ж ты хотел? У них всегда так. Историю почитай. Там и своих в доску к стенке ставили. Сначала науськают, потом в расход... Жалко мне тебя. Такой пост занимал, такая

престижная работа была у нас. На приёмах всегда, на виду... Я могла себя показать со всех сторон, платья костюмы, бабочки...

- Да что ты уже особенного могла показать? Хотя вице-консул всё время твою коленку с ножкой стола путал. Под столом, пидер, хотел достать, а тут назло, деревяшка. Он левей, оболдуй! Что-то у него с ориентаций или с кавелками /ногами вульг./. Опять твёрдое что-то. Пнёт он пнёт, а ты хоть бы что. Он уже на полметра под стол осунулся, вспотел, а вожаемый объект не отвечает на трения...

- Откуда ты это знаешь? Неужели „контора“ тебя так многосторонне образовала?

- А я всегда тебя между двумя составленными столами усаживал. Там ножек деревянных много, а тот среди них искал твою! Интересно было, как он ужом ползал...

- Ладно, но мы-то пожилы с тобой? Вот уже внушки пойдут, тоже интерес...

- Какой там интерес? Из троих два „стучать будут“. Кто же испоганил всю мою жизнь? Через три месяца „кукурузника“ скинули. Выходит, прав был я? Но никто не хочет слышать, никто передо мной не извинился, кругляшка ты моя. Книг не вернули, честь замарали. Выходит, вся моя работа на них – в задницу? Неужели у них те же мораль и менталитет, что и в 30-ых?

- Ну, не расстраивайся, времена всё-таки поменялись.

- Где и поменялись, а у них нет. Откуда такая болезненная страстишка – месяцами наблюдать сквозь замочную скважину за неугодным им человеком, подсовывать ему через стукачей компромат, потом хватать, унижая и ломая личность, ощущая себя полубогами и вершителями судеб. Как яро они цепляются за ускользающую почву под ногами, как изошрённо работают их мозги для доказательства перед очередным царьком своей преданности и исключительности!

- Но пользы государству они тоже принесли, не отнимешь?

- Теперь по истечению десятилетий у меня уже другое мнение – уничтожив нашу интеллектуальную элиту, не отбросили ли они развитие страны на годы назад, не посеяли ли они наследственный страх перед беззаконием и вседозволенностью в людях, вместо гордости и за себя и за свою страну. Знал бы я раньше? Кстати, насчёт твоих слов о пользе. Поймав одного задрюпанного шпиона, они трубят на всю страну, а, уничтожив втихую миллионы, молчат, скрипя зубами и боясь, что кто-нибудь отчаянный откроет все их архивы. Так было и так, к сожалению, будет всегда в нашей России!

- Так почему? Неужели руководители страны этого не понимают и не видят?

- И видят и понимают. Им для сохранения своих постов, привилегий и пре-емственности до зарезу нужен свой цербер на цепи. Они охраняет их, их богатство, влияние и убирает с пути любопытных, честных и тех, кто хотел бы поменять эту застывшую кучу дерьма на что-то более подвижное, по-вёрнутое к людям... Им выгодно держать народ в страхе и почтении, вот они

и выдумывают сказки о поголовном героизме в рядах ЧК, о благородных бойцах невидимого фронта. А именно таких Сталин и уничтожил перед войной – почти всех нелегалов, расстрелял или посадил героев Испании, убрал лучшее руководство и внешней разведки и военной. Я же поначалу думал, что делаю жизнь простых людей лучше. Какой был зашоренный и внушаемый дурак?

- Лукавишь ты немного. Всё-таки через этих вынужденных друзей и мы много чего получили – квартиры, твою престижную и многолетнюю работу, дачу, да и чего греха таить – наша жизнь была неплохая. А то, что теперь ты не у дел, справимся, да и возраст уже не тот, нужно потише и пониже. Я довольна и тобой и жизнью. Не все и не всё время удерживаются на самом верху. Видишь, что в Москве делается? Настоящая чехарда – меняются правители, а с ними и курс всей страны – то электрификация, то коллективизация, то борьба с кулаками, потом с интеллигенцией, западниками, везде им заговорщики снились, народу сколько уничтожили, а теперь... Проживём, не волнуйся.

Они обнялись и, уже не говоря ни слова, пошли вдоль набережной, вспоминая каждый какие-то приятные картинки из своих прошедших лет.

Только через год, после многочисленных унижительных сидений в приёмных бывших друзей по „обойме“ и просьб „войти в положение“, он был направлен в университет, на самую, как считалось, захудалую кафедру белорусского языка. Кто-то в коридорах власти прочёл в его досье, что он закончил филологический факультет, аспирантуру, был на научной работе. Уже что что, а историю родного языка он знал прекрасно. Отбарабанив три года старшим преподавателем, был опять „замечен“ ректором /раньше водочку пили на совминовских дачах в Городище/ и тот рекомендовал его на шефа кафедры. Пришлось разворачиваться по-новому. Трудиться любил всегда. Ушёл с головой в новую работу, в свежие отношения с талантливыми, увлечёнными людьми, не мыслившими себя без родного языка и белорусской культуры. После защиты докторской хотел втихаря отойти от „конторы“, но полностью не получилось. Намекнули, что его тайный статус изменился. Теперь его сфера – влияние на какие-то глобальные процессы и беспокоить по ерунде не будут, но из лап всё-же не выпустили.

С этим аспирантом, правда, осечка произошла. Слишком хорошая память у него оказалась. Пришлось и старый опыт и свои связи применить. А что делать? Издержки есть в любой работе. Столько лет прошло, а о гибели деда и отца помнит?

На его лекции шли гурьбой не только студенты других факультетов университета, но и из жругих ВУЗов. Приходили из Академии, театрального, писатели... Каждый, кто хотел услышать чистую белорусскую речь и оригинальное изложение её истории, уходил удовлетворённый, готовый тут же стать, хоть и до первого „ну-ну!“, на позиции защитника. Лекция заканчивалась, национальный задор, как дырявая шина, сдувался, но в глубине

душ слушателей всё же оставался маленький огонёк из того далёкого, давно потухшего очага родной хаты. Вот и прославился своей странной вступительной фразой: „Добрый день, васильки! Коллеги мои! Мова – это часть головы, а длинный язык – часть тела! В последний раз мы остановились...“.

В эти слова он вкладывал свой глубокий смысл. Как бы расплачивался с оглядкой за прошлое с его потаенными тревогами, с постоянным жжением в том месте, где у других жила совесть.

Зашёл как-то в общежитие, выделенное для иностранных студентов. Ему подсказали, что там есть методический кабинет геофака, где можно отдолжить эпидеоскоп иностранного производства для показа своих схем и таблиц. Заходит он, здоровается, а навстречу с улыбочкой та – подружка жены и супруга лётчика-кукурузника. Смутилась немного, но потом разговорились. Выдала под расписку аппарат. В конце визита спросил её: „А ваш муж где сейчас, всё на Севере?“

- Нет, нет. Давно здесь. Он начальник учебных лётных курсов по своему же типу самолётов, по АН-2 в аэропорту, в Минске.

- Вот здорово! Полетать бы хоть раз?

- Я ему скажу. Он с удовольствием. Помним мы вас. Как-то вы временно пропали, а теперь опять за кафедрой. Слыхала много о профессоре Октябрьском...

- Да, да, бывает. Вы скажите ему, а я как-нибудь соберусь... Вы меня узнали, а ведь столько времени прошло? На вас тогда платье симпатичное такое...

- Помните и вы? Да, с васильками по белому полю. С символом нашим.

- Да, да, точно уж символ. Только цвет их слишком навязчив...

- Присядьте. А мне можно на ваши лекции сходить? Читаете как-то исключительно, так в народе говорят.

- Если не по заданию КГБ, то можно, - профессор внимательно посмотрел в её глаза – дрогнули, но на мгновение, - шучу я так, но не с каждым. Вы уж извините, мне нужно идти.

- Да что вы. Я обязательно приду. Не часто такого уровня лекции прослушивала. А это отдадите мне лично, а то вдруг пропадёт. А тогда ещё поговорим, меня тоже заинтересовало ваше сообщение о роли белорусского...

Он тащил на животе тяжёлый эпидеоскоп и думал: „Вот оно что! Нос к носу с очередным „благожелателем“ и внезапным любителем моих лекций! Кто бы подумал? Молодая, красивая женщина... Хотя, почему бы и нет? Одна, симпатичная, муж далеко был. Можно и налево и направо сходить, особенно если „контора“ оплачивает. Хрен я ей прибор сам принесу. Я всё же доктор, а она кто? Сексот рядовой. А на лекции мои ни шагу. При всех вышвырну! Только вот слетаю. Очень хочется попробовать, в детство вернуться. Вверх, в другую атмосферу. Там чище, говорят. Там „этих“ уж точно нет!“

Засвистел четырёхлопасный винт, Задрожал фюзеляж. АН-2 начал разгон. В кабине двое – лётчик и профессор.

- Куда летим, профессор? Мы на свободе. Можно любое направление.

- Да хоть в Америку, - пошутил доктор наук и замолчал. Под ним раскрылись невиданные доселе картины – многоэтажные гулкие дома ушли вниз, пропали шум и вонь транспорта, люди на глазах превращались в то, чем были всегда – копошащихся муравьёв, исчезающих в складках серых кварталов и разноцветных пятен. Малое, незначительное отступало, проваливалось в дымку. Становились невидимыми детали, с высоты земля облагораживалась, чуть изгибаясь по горизонту линией, напоминающей округлые женские формы...

Чёрные и серые линии дорог, паутиной расходились по сторонам. Оставшиеся кое-где массивы лесов то там, то здесь неожиданно вспыхивали змейками речушек и таинственно отсвечивали синими блюдцами лесных озёр...

- Какая наша земля! Только любить, только любовь должна править этим богатством! – прозрел учёный, - совсем другая картина, чем внизу. Ни суety, ни грязи! Полная гармония. Да, большое и красивое видится на расстоянии. А что там жёлтенькое?

- Это? Сейчас над ним пролетим. Левый разворот. Это пшеничное поле.

- Да, да, узнал. Волны по нему бегут бескрайние, как на настоящем море.

- А цветочки видите?

- Какие ещё цветочки? Не вижу.

- Я чуть пониже. Круг сделаю. Вот они.

- Ааа, что-то голубенькое? Опять васильки?

- Они самые. Сейчас левый разворот. Как же без них? Вы же учёный? Смотрите – на всём хлебном поле, почти через равные промежутки, касаясь друг друга круговыми зонами распространения своей пыльцы, сидят красиво они, символ нашей белорусской жизни. Гордость наша и моя!

- А вы что, тоже?

- Конечно, я же белорус!

- После ваших слов и я прозрел, почти всех теперь различаю. Но это же, всё-таки, сорняк, хоть и красивый?

- Эээ, нет. Вы не правы. Смотрите, я вам почти как профессионал расскажу. Видите – они больше по кромкам полей в три, четыре ряда стоят. Густо и высоты достаточной. Идут в рост и без хлебов, сами.

- А чего так густо? От химии? Поливает кто специально?

- Вопрос... Поливать не видел, но часто люди какие-то своим естеством их поливают... Чаше в тёмное время. Может в этом причина крепости? А то, что в несколько рядов, так это, как на границе – ни пшенице разползтись, ни другим внутрь проникнуть. Всех душат!

- И вечно так будет, думаете?

- Почему? Вечного ничего нет. Придёт пора, скосят вместе с хлебом, а там и молодняк на подходе. Он крепче, старыми болезнями не заражён, прош-

лое предков сильно не давит, да и не чтит он его. Выглядит по-современному, махрово, молодого!

- Интересно вы сказали – „... скосят вместе с хлебом...“. Так они и в закрома, на сохранение вечное попадут? И в хлеб потом? И в организмы? Кошмар какой-то!

- А как же? Попадут непременно. Никакого кошмара здесь нет. Это вы все интеллигенты выдумываете. Вам бы чистой белой булочки без запахов? А чуть с травкой этой, так нос воротит? Думаете, почему наш хлеб так остро и приятно пахнет.

- Не знаю, технология какая-нибудь старинная?

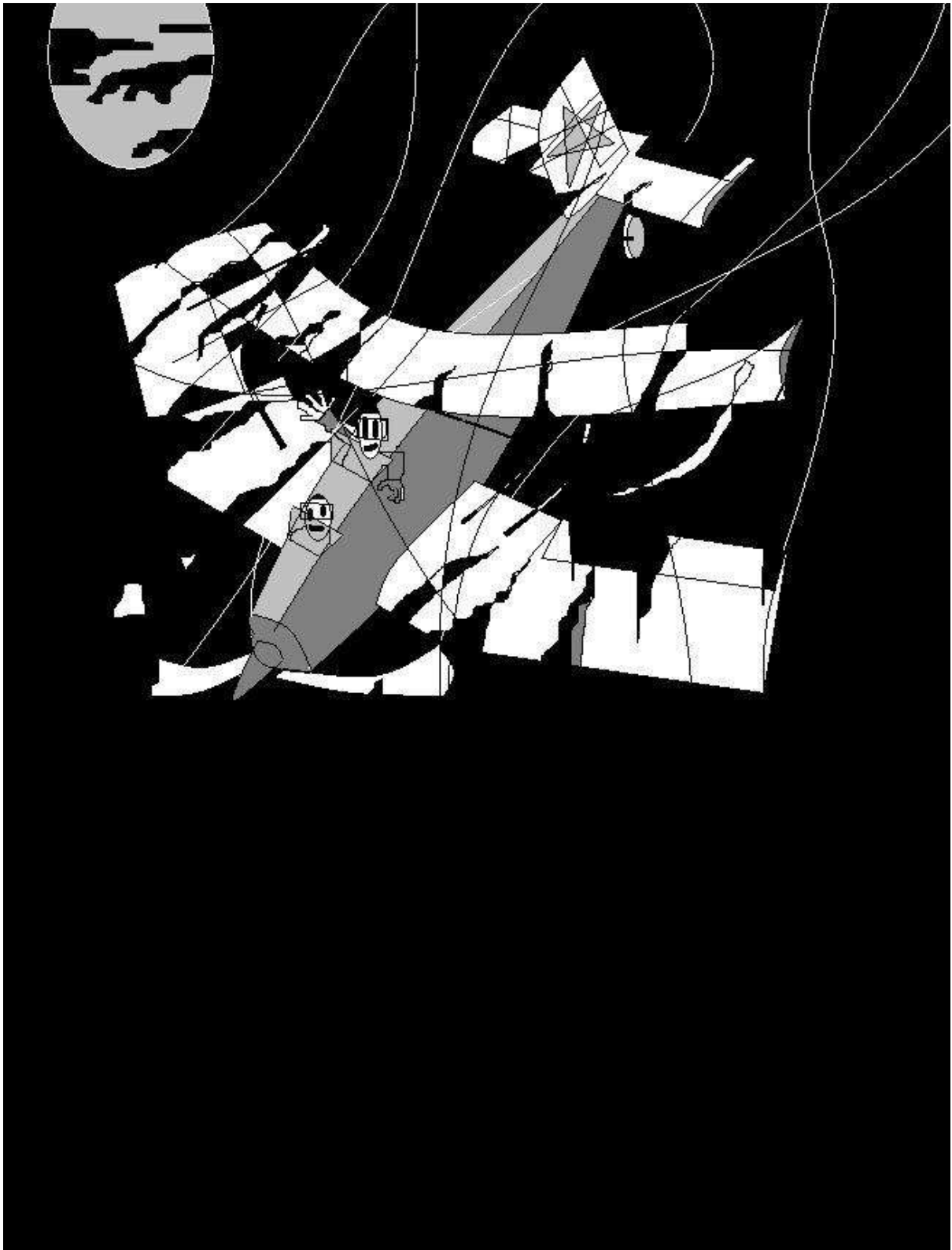
- На этот раз – в самую середину. Технология стара, как мир. Эту терпкость, этот стойкий запах лёгкой гнилостной кислинки, как раз васильки нашему хлебу придают! Сейчас правый разворот, ух ты, потом левый...

Глаза у профессора вылезли из орбит. Лётчик, заговорившись, пытался изо всех сил вытащить рычаг на себя. «Кукурузник» входил в пике. Свист ветра в растяжках заглушил слова. Нарастающий жуткий вой грозным аккордом накрыл поле и васильки. Разваливающийся металл вместе с людьми падал вниз...

- Вот и пришёл твой час, Стасик! Не слушал ты Его, голоса своего не слушал, совести твоей! Не захотел обернуться душой и сердцем к Его истинам, не понял, куда и зачем течёт твоя жизнь, сам жил за счёт счастья других! Не отличил ты зёрен от плевел! Не ты первый. Таких Иуд ещё много будет, ибо не могут земные власти без них, а конец их один! – дух Петра Землянского пролетел ещё сотню метров рядом.

Спасать их не захотел! Он вдруг опять увидел ту ночь, свет сверху и Голос... О, если бы здесь были люди! Нет – на белорусскую землю падали отрепья, ошмётки того, что с рождения было человеком...

**Дух отлетел –
Часы на главной башне
Пробили дважды три...**

Время главных похорон! Трудящиеся в тихой пляске вышли на свободные просторы оцепленных городских площадей. Впереди ехал пустой пока катафалк, украшенный васильками. За ним шеренгой шли опечаленно-рыдающие военные в гражданской форме и с вопросом в глазах. „Кого там? Кого? – раздавалось среди народа, - когда же укладывать будут, куда?“ Вдруг глухой скрежет слева вверх.

Люди, осторожно повернув головы, со страхом посмотрели на главную башню. Она давно отсчитывала время всем в этой стране, но... ужас! Стрелок там не было! Серая потрескавшаяся стена и белый циферблат, на котором, взявшись за руки по бесконечному кругу, вертелись одни шестерёнки... В полной тишине что-то звякнуло – сверху на тротуар выпала ржавая пружина... Их время остановилось!

Шестерёночный или шестёрочный марш замедлился и со скрипом затормозил в ожидании взмаха палочки главного дирижёра..., но тот пока не вышел на авансцену. Не был найден, говорят.

Среди носителей потёртых плащей и ржавых от крови людской кинжалов до сих пор теплится легенда-оправдание – „это не мы, нам так приказывали!

Абсолютная ложь! Палаческая инициатива, жажда расправиться со своими, кто лучше, выше, умнее, самостоятельней, выслужиться перед хозяевами Кремля двигала и совершенствовала этот дьявольский чекистский механизм. Когда я, пытаюсь понять причины случившегося, пробую смотреть на эту вакханалию бесправия со стороны, то передо мной открывается мерзкая картина –

В ночном поле стоя гиен. Вожак, дрожа от напряжения, медленно подкрадывается к стаду сбитых в гурт баранов. Хватает одного. Другие молчат, тишина.

Главный чабан, охраняющий баранту, не реагирует. Шакалы хватают ещё по паре. Морды в крови, поощряемый азарт! Ещё! И тут все, как по команде, набрасываются на запуганных, загнанных в угол животных. Летят клочья шерсти, ошмётки тёплого мяса, кровь льётся рекой!

Главный чабан, сидя на неприступной скале, улыбается сквозь усы – „Послушней будут, помягче, а то разбредаться уже начали в стороны“, - и, выждав пару часок, стреляет в вожака. Гиены разлетаются по щелям. Согнув шеи, спрятав огненные глаза, старательно вытирают следы пиршества.

Вдруг – призывный вой вожака нового! Опять на охоту!

Их пытались, возвысить, ограничить, разъединить, слить вместе, опять разъединить, но ничего не помогало – тысячеголовая гидра, попробовав однажды лёгкой крови, возрождалась сама по себе, замечая следы своих старых преступлений и намечая новые и новые жертвы.

Задумайтесь – кому они служат?

На нашей земле два вечных поля.

Главное – поле труда, где в поте лица своего работают землеробы, рабочие, учителя и учёные, врачи и наши защитники.

Второе и тоже вечное – сочная нива жулья всех мастей – телефонных „юристов“, руководителей от блата, денежных выдвиженцев, братков-строителей мраморных замков, содержателей политпритонов и их злобной охраны.

И первое и второе поля густо засижены васильками.

Почему так получается? Какие обстоятельства и причины заставляют вбивать клин между людьми и презирать взгляды других? Что есть в наших потёмках, что закрывает нам уста, обрезает память и глушит простую человеческую обязанность беречь святые могилы и не забывать имена палачей?

Почему „опущенное“ положение уже является привычным, а страх перед „калифами на час“ тянется и тянется вслед за нашей долей и до сегодняшних дней является основой национального менталитета?

Не верю, что это мы!

Не верю, что это есть наша судьба! Наоборот – выстояв на перекрёстках истории, мы должны когда-нибудь услышать весеннее дыхание, увидеть настоящее, а не нарисованное чужаками солнце над родной сторонкой, встать с колен в один ряд свободных народов!

Не мы это!

Нас такими сделали, ибо так надёжней, так лучше для власти, так можно бесконечно ехать на шее народной, привязав впереди белорусов очередную морковку!

Не мы это!

Боясь за наетые зады, от нас прячут и прошлое и будущее, ибо, когда раскроется смрад властолюбивого величия – сгниёт их фундамент и развалиться мощь, а, если отворятся двери на волю – их никто не возьмёт с собой, они станут ненужными.

Нужна ли память?

Думаю, что не только нужна, но и остро необходима. Только через потрескавшуюся призму ушедших десятилетий мы можем рассмотреть не только лес крестов на безымянных могилах невинных, но и увидеть, постараться понять, в чём непоправимые ошибки наших дедов и отцов?! Странно слышать из-за кремлёвских стен и с компьютерных страниц уверенные рассуждения о том, что в войне и социализме победил советский народ непременно с садистом Сталиным? Что это, заигрывание с ветеранами или проецирование тени изувера на свой рост? Не коснулось родни, мозгов? Не те книжки читаны?

Да и ветеранам надо, в конце, концов, объяснить всё и раскрыть глаза и архивы. Не гоже уходить в могилу с непоколебимых позиций палача, да и

не все из них представляли чекистско-партийный монолит. Много есть думающих в одиночестве, как и прежде опасющихся вспомнить и сказать своё честное слово о прошлом.

Где находится тот тонкий человеческий нерв, разорвав который, люди за считанные дни перерождались и более того уже походили на зверей?

Нужно ли сострадание к ушедшим?

Оно вопиет о себе! Не жалея тех, мы начинаем ненавидеть друг друга. Лобовая категоричность ложится в основу нашего характера вместо духовности и размышлений. Мы привыкли цитировать „верхних“. А сами не сможем разобраться? Обязательно нам нужно их высоколобая помощь? Неужели мы все тупые, а генералы от власти и от службы умнее всех вместе взятых?

Откройте слипшиеся от народной крови горы томов, навсегда проветрите старые подвалы ЧК. Станем вместе, покаемся и увидим друг друга!

Ещё – почему из всех спецслужб бывшего Союза сделали что-то вроде общего „священного клана“? Нельзя не только трогать их пёструю и неоднозначную историю даже в туманном советском прошлом, нельзя критиковать, рассказывать правду о ней, но и воспринимать всё, что связано с ними, настоятельно рекомендуется только в положительном ключе? Де, всё, что они не делали, легло правильным краеугольным камнем в фундамент Родины, а фундамент тот является незыблемым для всех последующих построек и для тех, кто будет ютиться в них!

Почему только задумчивые „штирлицы“ в начищенных сапогах должны служить примером? А как же ЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, те, кто фальсифицировал дела на советских маршалов, деятелей культуры, политиков, соратников Ленина под именем самого Отца народов, кто уничтожал сотнями тысяч крестьян и интеллигенцию? Правды ради показать бы и их настоящую, скрытую от нас до сих пор, „работу“. К удивлению такого нет и в условиях даже зародышевой демократии, наверно и не будет!

Нужны ли „васильки“ и мелкие семена от них?

Думаю, нужны. Долго ещё будут нужны, ибо грешен человек и останется таким и внизу и особенно вверху! И решать с их помощью только конкретные задачи, а не засорять площади. Лечение через них, лучше профилактика, а не провоцировать, тайно копить компромат, а потом затыкать рты и ломать судьбы! И только там, где есть настоящий враг наших полей и городов – выкорчёвывать и вырывать!

Где, спросите вы? Да это и слепому видно – отвечу Вам я!

Закончил 27 июня 2017 года в половине седьмого утра. Устал. Над близкими горами прорезалась тоненькая ленточка нового рассвета. Там, за ними, на моей Родине уже встаёт солнышко, чтобы обогреть людей, чтобы высветить в их прошлом и в будущем лучшее из того, что было и что, возможно, придёт.

Послесловие

Написав эту книгу, задумался – дойдёт ли, поймут ли те, кто смотрит на наше советское прошлое через розовые или, скорее, „васильковые“ очки, сквозь зыбкий туман громогласных планов и обещаний, бесчисленных заседаний, съездов, пленумов, топорно спланированных в прошлом судилищ, приговоров, дружных компаний огульного обвинительства, сквозь агрессивный ор запуганного и оболваненного пролетариата вместе с отдельными, жёстко отсорбированными представителями крестьянства и постоянно шатающейся в своих крайностях от откровенного лизоблюдства до самурайского самопожертвования интеллигенции?

Не сыграют ли опять свою роль разбросанные по всему телу советского и постсоветского человека фурункулы подкожного страха? То, что не выводится ни слабыми прививками российской демократии, ни модными теперь дружескими, демонстративными хлопками по спине хозяев от власти.

Странно, но верят больше привычному, вьевшемуся в нутро „писанию“ об исторической необходимости происшедшей трагедии вселенского масштаба или, по меньшей мере, осторожному и лживому анализу прикормленных властью историков и их родства – странных „бухгалтеров“ специальных закрытых ведомств, потно работающих над проблемами цифровой толерантности всего жуткого и преступного в сторону теорий случайностей и патологии всех, кто думает иначе?!

Решить же эту дилемму элементарно просто – рассекретить и открыть все архивы с 1917 по, хотя бы, 1956-ой годы! Обеспечить к ним доступ для всех! Секретов там уже давно никаких нет! Открыть не только для выбранных самими властями известных проправительственных лиц, чьи родственники исчезли в чекистском аду, а „симпатии“ к тайной организации остались, но для тех попроще, кто помнит, любит и чтит память и о своих, и о чужих, для кого небезразличны трагедии 20-50-ых годов и многомиллионные жертвы одержимых, если не сказать больше, революционеров, их прислужников и единоличных вождей.

Тут же послышится строгий басок: „Нельзя всё рассекречивать и открывать! Нарушится существующая атмосфера равновесия и среди людей посеются ненависть и недоверие?!“ И самое интересное – „Ведь могут быть живы родственники палачей, сексотов или отдельные, сохранившиеся мумии этих „заплечных“ профессионалов, а сеять рознь в обществе негоже!“

Как будто другие, у кого отняли родных, близких, соседей и просто знакомых – люди второго, а честнее – третьего сорта?! Их память, совесть, способность сострадать и чувствовать не имеют никакой ценности для рьяных защитников кровавого прошлого?

Уверен и не только я, что никакого раскола уже не будет. Давно, уже с первой невинной жертвы наше общество раскололось на две неравных части! Малая – за палачами и их приспешниками, а основная масса – за людь-

ми! Но раскол этот не поперёк улицы, дороги, завода, станка, приёмной райисполполкома, даже самого бытия. Раскол этот внутри каждого – в морали, в честности, в смелости взглянуть в глаза своей настоящей, а не фальшивой истории!

Получается интересно - преступления всё же признаются, раз речь идёт о защите живущего пока родства палачей?! Но вся ложь и фальшь, что хранится в тощих папках и на их страницах, методика накручивания, выбивания, подтасовок – есть незыблемая константа уже канувшей в Лету части советской неприглядной истории, что нетленно, не подлежит ни сомнению, ни осуждению, ни изучению, тем более всеобщему покаянию! Так, мол, было, таковы были в те времена суровые условия нашей жизни. Делали это /если ещё и делали?!/ другие и давно, а кому сейчас хочется брать на себя смелость сказать правду и, главное – раскрыть все секреты полишинеля прошлого?

Никто и не спорит, что секреты должны быть. Быть и в государстве, в семье..., но преступную методику чекистской „работы“ тех лет, многократно одобренную партийной верхушкой, не трогать?!

Многое, ведь, наследственно... И на бумаге и в генах.

Вот в чём, оказывается дело!

Как-то само собой, но не без влияния истории и подобной „специфики“, родилось у меня философско-зрительное обобщение, помогающее понять „кухню“ тех страшных лет!

Представьте, что „чекисты-рыболовы“ смогли ещё в начале 20-ых набросить на всю страну мелкочейную сеть! Надежда и растущая классовая уверенность были таковыми – мелкой ячейкой отсеем „прошое, прошлых“, несогласных, сопротивляющихся, сомневающих, слишком честных и последовательных, а далее будем контролировать достигнутое статус-кво и поддерживать страну в состоянии принудительной дисциплины и такого же мышления! Но вдруг постепенно начал действовать и проявлять себя противоположный и не сразу различимый эффект – ячейки эти, элементы их, разбросанные по стране щупальцы, выполняя команды сверху, начали понимать, что, двигаясь навстречу всё растущим требованиям чекистов, они сумеют сохранить и себя и свои семьи в неприкосновенности?! А что нужно? Проявлять инициативу и постоянно перевыполнять планы! Просит секретное начальство количество – мы его им и дадим! И давали, перевыполняли! Довольны становились и те и другие! Цепь интересов замкнулась, чтобы не размыкаться до наших дней?!

Есть в этой повести и мои строчки, обращённые к детям и внукам моим. В них и о жизни, об отношениях между людьми, о совести и долге, памяти и чести. Среди этих строк – весь я, моё и наше прошлое, дороги, тропинки и мои мечты... О чём? Определите сами...

Дух отлетел –
Часы на главной башне
Пробили дважды три...

Закончен труд

*Закончен труд, свеча погасла,
Но свет встаёт в окне моём...
Не всё мной прожито напрасно...
Осанну им теперь поём.*

*Мы помним, будем помнить их
И продолжать дела земные,
Ну, а поэт напишет стих
И в строчки имена родные поместит...*

И вновь перо зашелестит над белой бумагой...

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1. Дух над землёй.....	12
Начало	14
История Ларина	33
Первый покос	46
Второй покос	63
Третий покос	68
Глава 2. Поросль.....	78
Уже начальник	88
Учёба по жизни	90
Воскресная ночь	103
Добровольно на всё согласен	107
Учение и ученики	119
Фантастика перспектив	124
Под немцами и своими	145
Глава 3.	155
Полонизмы среди советизмов	156
Зеркала и раки	162
Последнее пике	181
Послесловие	195

E-Mail: oleg@igumenist.de

Пишите, поговорим...